

УРАЛЬСКИЙ
Снеговик

uralstalker.ru

Уральский следопыт, декабрь 2007

декабрь 2007

С НОВЫМ ГОДОМ!

Вниманию библиотек-подписчиков

В Свердловской области принята губернаторская программа «Уральская деревня». В ее русле редакция журнала и Содружество павленковских библиотек проводит новую благотворительную акцию под уже знакомым читателю названием «Не дать свече погаснуть».

Начиная с январского номера журнала 2008 года библиотеки-подписчики будут получать ежемесячное бесплатное приложение в виде книг детской художественной и другой литературы уральских издательств. При этом подписная цена на «Уральский следопыт» не изменится.

Акция направлена на то, чтобы помочь библиотекам, и прежде всего библиотекам сельским, обновить и пополнить свои книжные фонды.

Участие в акции уже согласилось принять екатеринбургское издательство «Уральское литературное агентство». Книги, изданные им или полученные по книгообмену, будут первыми разосланы в качестве бесплатного приложения к журналу.

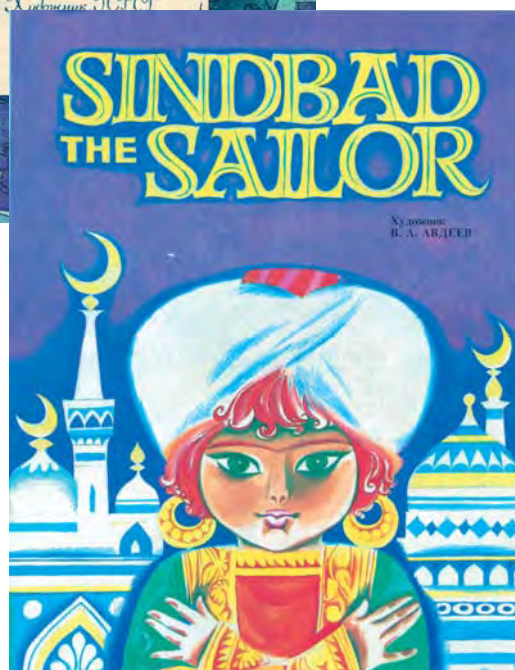
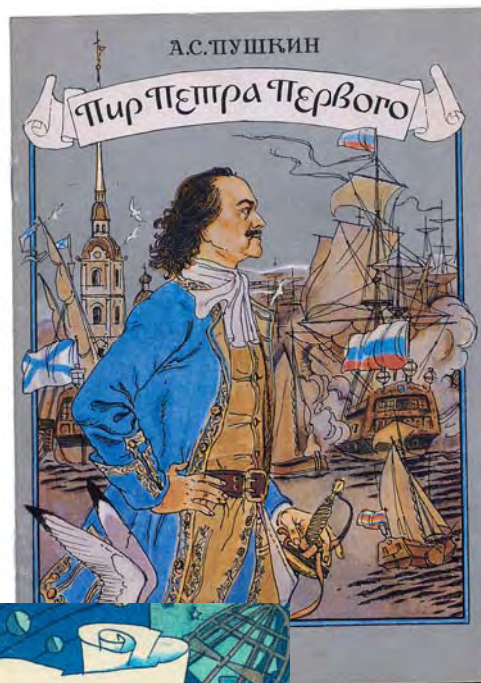
Поскольку рассылка журнала с приложением усложняет процесс доставки, благотворительная акция касается только тех библиотек, которые подписались или подпишутся на наш журнал через агентство «Урал-Пресс» или непосредственно через редакцию.

Напоминаем условия такой подписки. На адрес редакции (620014, Екатеринбург, а\я 479) следует прислать свои почтовые реквизиты и копию квитанции по оплате подписки.

Для Павленковских библиотек России, которые подпишутся через редакцию журнала, подписная цена на журнал льготная — без стоимости пересылки. При этом библиотеке следует выслать вместе с адресом и копией квитанции копию выписки из документа, подтверждающего статус Павленковской.

Начиная благотворительную акцию «Не дать свече погаснуть», редакция и Содружество павленковских библиотек просят сельских подписчиков сообщать, в каких книгах их библиотеки особенно нуждаются. Это необходимо для составления книжного репертуара сельских библиотек.

**Редакция журнала «Уральский следопыт»,
Содружество павленковских библиотек**

**Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007**

**УРАЛЬСКИЙ
следопыт**
uralstalker.ru

декабрь 2007

РЕКА ВРЕМЕНИ

Проекты «Уральского следопыта»

Ю. ГОРБУНОВ	Вниманию библиотек-подписчиков..... 2 пол. обложки
Павленковские чтения Ю. ГОРБУНОВ	Орловские чтения 2
Далекое — близкое И. ПЛОТНИКОВ	Каким и чьим был план Октябрьского вооруженного восстания?..... 4
Юбилей В. ТРУСОВ	Метенков на Чусовой 10
А. ЛЕВЧЕНКО	Строители Байконура 26
Е. БИРЮКОВ	По «привету» всему свету 48
А. ПИЧУГИН	Два века села Елизаветинского 60
Тропой поиска Ю. ГОРБУНОВ	Писательницы России 19
Мир мифов С. КОРСАК	Медвежий угол..... 44
Поиски и находки В. ТРУСОВ	Основатель Шайтанского завода — Н.Н. Демидов ... 70
В. ИЩЕНКО	Найден архив домовой конторы Походяшина..... 72

Евгений Бирюков

Открытки с «видами Урала» — своего рода его визитные карточки. У истоков этого жанра стоял известный уральский фотолетописец Вениамин Леонтьевич Метенков (1857—1933). В 2007 году исполнилось 150 лет со дня его рождения.

В. Метенков. Урало-Урал. Уральский следопыт.

Светлана Первая

На повороте когти проскрежетали по асфальту... Успела! Лапы ныли, но пока слушались. Только бы не подвели... Вот уже рука серого чуть изогнулась для удара снизу, блеснул нож и...

АЭЛИТА

Сумма технологий Е. ЛОТОШ	Ошибки и штампы в фантастике 7
Координаты чудес С. ПЕРВАЯ	Вторая жизнь 17
Законы Вселенной С. ВАСИЛЬЕВ	Вершитель судеб 74

Александра ВАЛАЕВА

В порозовелом небе день — к закату.
Лучилось солнце нежно.
Лежали тени косо на несмятом,
Широком, снежном.

СВЕЧА ГОРЕЛА

Время мастера Е. ПИНАЕВ	Пишите письма! 29
Новые встречи А. ВАЛАЕВА	Стихи..... 46
Молодые имена И. САБИРОВА	Гиният 62

Николай ЕРОХИН

Предыстория этих событий может послужить сюжетом для хорошего детектива. Несколько лет назад обычный житель Гыданского полуострова, ненец Степан Яптунай, нашёл в тундре бивень мамонта.
Просто шёл по тундре, увидел торчащий из земли бивень, выкопал его и унёс домой.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Байки от Геннадьяча Н. ЕРОХИН	Про мамонта 12
Путешествие Л. БУКРИН	Заветная мечта команды «Север» 20
Добрые попутчики «Уральского следопыта» А. ДУНЯШИН	Телепроект «Камертон». Эпоха 24
Записки очевидца Г. МАКСИМОВ	От Воркуты до Карского моря..... 50
Р. ТИХОНОВ	Пирамида — хрустальная гора 59
В объективе — Урал В. ОСИПОВ	Город..... 56
Проекты «Уральского следопыта» Е. ДУРЕКО	Космический знак 58
Здравницы Урала Е. МИХАЙЛОВА	Санаторий Урал 3 полоса обложки

Главный редактор — Максим Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго, С.А.Надь.

Худ. редактор, верстка — Ю.В. Ульянова.

Художники — А.А. Федотов, Я. Ахметшина, Я. Суворова

Ответственный секретарь - Е. Ю. Дуреко.

Набор — В.М. Кадочникова.

Корректор — Т.В. Сергеевко.

1 полоса обложки - фото В. Осипова

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Издатель — СООО «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет —

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребишев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;

• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России;

• Семен Спектор, заслуженный врач России.

• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке **Министерства физкультуры, спорта и туризма Свердловской области.**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес редакции и издателя: 620014, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 22, 4 подъезд.

Почтовый адрес: 620014, г. Екатеринбург, а/я 479

E-mail: uralstalker@mail.ru

www.uralstalker.ru

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по УрФО

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано 07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 тт, по 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректурную и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, дискета, CD). Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и знаком публикуются на правах рекламы.

По вопросам приобретения журнала обращаться по тел.(343) 269-22-34.

Вы также можете оформить подписку через агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА-2003», агентство «Урал-Пресс», Почта России. Подписной индекс 73 413. Цена свободная.

«Уральский следопыт.uralstalker.ru»; №3 подписан к печати 25.11.2007 года.

Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в типографии ООО ПТЦ «ЯСА», г. Красноуфимск, ул. Чкалова, 4. Заказ № 5236.

Орловские чтения

Спасское-Лутовиново

Научно-практическая конференция всероссийские Библиотечные павленковские чтения – одна из акций долговременной программы, которую уже более 10 лет претворяют в жизнь Содружество павленковских библиотек и журнал «Уральский следопыт». Цель этой программы – всесторонняя поддержка и развитие сельских библиотек, опираясь на исторические, так называемые Павленковские, читальни, основанные по инициативе и на средства русского издателя-просветителя Ф.Ф. Павленкова.

В нынешнем октябре состоялись уже седьмые чтения. Они стали событием знаменательным, т.к. прошли в г. Орле, впервые шагнув, таким образом, далеко за пределы Уральского региона. Тема конференции как никогда актуальна – «Чтение – ресурс духовного возрождения общества».

В читальном зале Орловской областной публичной библиотеки им. И.А. Бунина собрались представители Республики КОМИ и Пермского края, Московской, Ленинградской, Свердловской, Челябинской, Волгоградской, Томской, Брянской, Кировской областей Российской Федерации. Каждый из более чем 20 выступавших с докладами поделился опытом много-

гранной деятельности лучших российских провинциальных библиотек в новых неординарных условиях жизни, высказал свои мысли о роли сельских очагов культуры в духовном возрождении общества.

Общение участников чтений продолжалось в Государственном мемориальном и природном музее-заповеднике И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». Гости Орловщины посетили также библиотеки и другие учреждения культуры пос. Покровское.

Итоговый документ чтений рекомендовал закрепить позитивную направленность деятельности Содружества павленковских библиотек и поднимать престиж сельских очагов культуры, создавать в каждом регионе территориальные фонды их поддержки.

В организации чтений приняли участие, помимо областной библиотеки г. Орла и Содружества павленковских библиотек, Федеральное агентство по культуре и кинематографии России, Департамент социальной политики и Управление культуры Орловской области и другие организации.

Очередные Библиотечные павленковские чтения в 2009 году решено провести в Томске.

«Уральский следопыт»: итоги 2007

Февраль:

Редактором раздела фантастики «АЭЛИТА» стал член Союза писателей России, ведущий специалист в области современной фантастической литературы **Борис Долинго**.

Рост ВВП в России в январе-феврале 2007 года составил 8,4%, промышленное производство выросло на 8,6%.

26 февраля в редакционный Совет «Уральского следопыта» вошел Поэт, организатор детской литературы и премии «Волшебная строка» Вадим Осипов.

Госдума приняла поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Поправки предполагают усиление административной и уголовной ответственности за должностные преступления.

Март:

Раздел поэзии и прозы возглавила **Светлана Надь**, организатор проекта «Поэтический марафон» – неоднократного рекордсмена русской книги рекордов «Левша».

Губернатор Ханты-Мансийского автономного округа Александр Филиппенко заявил, что на Приполярном Урале начинается добыча золота. В этом году будут добыты первые 250 кг.

Май:

Редакция «Уральского следопыта» была вынуждена покинуть здание по ул. Декабристов. Теперь наш почтовый адрес: **620014, г. Екатеринбург, а/я 479.**

17 мая после 80-летнего раскола воссоединились две части православной церкви – русская и зарубежная

Одиннадцатый «Майский экстрим» стал рекордным по количеству участников – 150 человек! Впервые помимо туристов-водников свое мастерство показали спелеологи, среди которых – чемпион Урала по спелеотехнике и спасработам Сергей Терехин и Чемпионка мира по контесту Лариса Позднякова.

На пресс конференции 29 мая Губернатор Свердловской области Эдуард Россель охарактеризовал ситуацию с демографией в области как положительную.

Июнь:

Вышел юбилейный, 600-й номер журнала. «Уральский следопыт».

Депутаты Свердловской областной думы во вторник единогласно утвердили кандидатуру Виктора Кокшарова на пост председателя правительства области.

24 июня в Редакционный Совет «Уральского следопыта» вошел известный писатель-фантаст Василий Головачев.

Президент Владимир Путин на встречах со своими европейскими коллегами еще раз обозначил негативную позицию по поводу размещения элементов американской ПРО у границ России.

Июль

14 июля в Редакционный Совет «Уральского следопыта» вошел фантаст, автор нашумевшей трилогии «Ночной дозор» Сергей Лукьяненко.

Городом проведения олимпиады 2014 стал Сочи.

Август:

Государственное предприятие «ИнЭкспо» отсудило у «Уральского следопыта» сумму в 500 000 рублей.

В Свердловской области загадочную бактерию «легионеллу» подхватили 150 человек. Болезнь легионеров окончательно побеждена 24 августа, – вылечили последнего пациента, которому ставили пугающий диагноз.

Сентябрь:

17 сентября членом Наблюдательного Совета «Уральского следопыта» стал ректор Уральского государственного университета им. А. М. Горького **Дмитрий Бугров.**

Победителем Чемпионата мира по скалолазанию, проходившего в Испании, стал спортсмен из Екатеринбурга Дмитрий Шарафутдинов.

Октябрь:

Копилка призов редакции журнала пополнилась. «Уральский следопыт» признан «Лидером уральского турбизнеса-2007»!

**Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007**

Федеральный закон, который устанавливает двухуровневую систему высшего образования, подписан 25 октября Владимиром Путиным. Закон устанавливает два уровня высшего профессионального образования.

Ноябрь:

Федеральное агентство печати и массовых коммуникаций отказало в предоставлении субсидий «Уральскому следопыту» как социально-значимому изданию.

Сборная России по футболу вошла в полуфинал чемпионата Европы.

Каким и чьим был план Октябрьского вооруженного восстания?

90 лет тому назад в России произошли события, которые ее (и многие другие страны) потрясли, — Октябрьский переворот, начало которому положило вооруженное восстание в Петрограде. По традиции план этого восстания на протяжении многих десятилетий в прошлом, а часто и поныне именуется «ленинским». Восстание характеризуется как тонко рассчитанное по дням и по часам. Конечно, вождь партии большевиков В.И. Ленин сыграл в его разработке и в жизни страны огромную роль. Собственно, не будь его, страна не пошла бы по тому пути, который выпал на ее долю, не произошло бы и Октября, события протекали бы, скорее всего, совсем в другом русле.

Сразу же надо сказать, что Ленин считал возможным и необходимым проводить восстание для неопременного захвата власти при условии каких-либо, пусть и малых, шансов на успех. Он требовал от ЦК проведения восстания даже в августе, но не был поддержан. 10 октября, наконец, поддержку на заседании членов ЦК он получил,

хотя многие из них решимости не проявляли и имели в виду иной, чем ленинский, план действий: проводить восстание в момент созыва Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, согласовывать все свои действия с руководством Петроградского Совета.

Ленин и его сторонники намеревались начать восстание, очевидно, уже 15 октября. Но его не произошло. В связи с этим, и именно вечером этого дня, было создано новое, так называемое «расширенное заседание ЦК». Из его материалов, дискуссии, в ходе которой Ленин вынужден был лавировать, в чем-то уступать, соглашаться на

определенную связь восстания с деятельностью Петроградского Совета, выясняется и суть разногласий, и причины непроведения его к этому моменту. Здесь же — ключ к пониманию и оценке родившегося плана восстания, который отнюдь не был только ленинским.

Ленин считал, что, во-первых, восстание следует проводить незамедлительно, самой партией и непременно до открытия Всероссийского съезда, чтоб не связать себе рук, если соотношение сил на нем будет неблагоприятным, поставить его уже перед фактом. Другие (все или почти все цекисты) были за то, чтобы приурочить восстание к этому съезду. Во втором варианте

(Окончание. Начало в № 11.)

Иван Федорович Плотников, академик Российской Академии гуманитарных наук, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат ряда премий, доктор исторических наук, профессор УрГУ. Автор многих книг, публикаций в изданиях, сборниках. Давний автор «Уральского следапыта».

Ф.Э. Дзержинский

М. И. Калинин

А.Ф. Керенский

под восстание как бы подводились авторитет и воля съезда, во всяком случае, под предлогом его защиты от «реакции», «контрреволюции», как бы полулегально.

Главным выразителем второго варианта плана был Троцкий, ставший к этому времени второй фигурой в партийном большевистском ареопаге, после Ленина. С сентября он стал председателем Петроградского Совета, фактическим руководителем и созданного

затем Военно-революционного комитета (ВРК) при нем, который стал главным орудием проведения восстания и захвата власти. Троцкий открывающиеся перед ним возможности использовал и в карьеристских целях, что для него, только что вступившего в партию большевиков, было важно. Ленину, в общем, пришлось примириться с этой точкой зрения, а Троцкому и другим членам ЦК, практическим работникам тоже пойти на уступ-

ку — начинать восстание не после открытия съезда, а перед самым открытием, когда делегаты будут в сборе.

Вначале восстание было намечено на 20-е, затем перенесено на 25 октября, ибо срок открытия съезда Советов ВЦИКом был перенесен. Следует учесть, что борьба по вопросу о восстании, в принципе, продолжалась и после заседания ЦК, но его противники оказались уже в незначительном

Прорыв красногвардейцев и матросов на Дворцовую площадь. Рис. А.М. Ермолаева

«Правительство Керенского рассуждает и колеблется. Правительство Ленина и Троцкого действует и нападает». Из французской газеты «Entente», 2 ноября 1917 г.

меньшинстве, их мнение не имело практического значения. Кульминационный день восстания 25 октября (7 ноября по н.ст.) — день открытия съезда. Но оно практически началось накануне, 24 октября, и продолжалось в столице по 26 октября. Причем, разворачивалось медленно, чем Ленин был крайне недоволен, и ускорилось с прибытием его в Смольный поздно вечером 24 октября.

Член ЦК, один из видных участников восстания, Г.И. Ломов вспоминал: «Настроение какое-то выжидательное, словно еще должно что-то произойти, после чего и начнется настоящее восстание». Ленин же по прибытии, что называется, начал «рвать и метать», подгоняя всех и вся на ускорение и решительные действия. К.И. Подвойский вспоминал: «Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетке. Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний... Владимир Ильич ругался... кричал... Он готов был нас расстрелять». По настоянию большевистского руководства, открытие съезда, намеченное на утро 25 октября, было отодвинуто. И он не открывался до позднего вечера, пока не обозначился полный успех восстания. Часы Временного правительства, окруженного в Зимнем дворце, были сочтены. По настоянию Ленина, еще утром было объявлено о низложении правительства и взятии власти ВРК при Петроградском Совете. Власть была захвачена большевиками до открытия съезда.

Таким образом, вокруг вопроса о плане вооруженного восстания с 10 октября шла борьба, в ходе которой отстаивались две довлеющих альтернативы — Ленина и Троцкого. И обе они были заговорщическими. В основу реального плана легла последняя, но с включением в нее некоторых элементов первой, а в ходе непосредственных действий, с появлением

Ленина в штабе восстания — Смольном — и дополнительных. Восстание было приурочено к съезду Советов, прикрывалось и освящалось его именем, но фактически власть была захвачена помимо него, до его волеизъявления, фактически большевистским партийным центром. План ЦК партии в реалии оказался компромиссным — троцкистско-ленинским. И.В. Сталин, который в начальный период после Октябрьского переворота весьма сильно ориентировался на Троцкого, в апреле 1920 года, в связи с 50-летием Ленина, рассказывал: «У нас в Петрограде было решено не разгонять Демократическое совещание и идти вперед по пути укрепления Советов, созвать съезд Советов, открыть восстание и объявить съезд Советов органом государственной власти. Ильич, который в то время находился вне Петрограда, в подполье, не соглашался с ЦК и писал, что эту сволочь (Демократическое совещание) надо теперь же разогнать и арестовать». И далее. «И несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания».

Да, в этом главном — с требованием захватить власть немедленно, в ближайшие дни партийными силами, никак не связывая себя с будущим съездом Советов — с Лениным не согласились. Но потом хотя и «под прикрытием II съезда Советов», по выражению Троцкого, партийцы захватили власть до его открытия и до ареста Временного правительства. Многие именно Троцкого считали «героем» и «творцом» Октябрьского восстания. Однако при этом как-то забывали общую руководящую роль Ленина не только в момент захвата власти, но и во всем процессе подготовки вооруженного Октябрьского переворота.

Евгений ЛОТОШ

Ошибки и штампы в фантастике

[Выпуск 5]

В предыдущем выпуске в качестве домашнего задания я задал читателям вопрос: почему против астероида бессмысленно использовать лазерные пушки? Момент действительно любопытный. А какие у нас вообще имеются способы предотвращения столкновения с астероидом или любым другим крупным космическим телом (кометой, кораблем и т.п.)? Предположим, нам в лоб летит здоровый булдыган в пару километров в диаметре. Уворачиваться же у вас возможности нет или просто лень. Как избежать лобового тарана?

Не мудрствуя лукаво, космические фантазеры просто обстреливают эти астероиды из имеющегося оружия, в результате чего кусок камня взрывается в пух и прах, его обломки разлетаются в разные стороны, а счастливые астронавты благополучно продолжают свой путь. Возможно ли это? Как известно еще со времен Ньютона, сила равна произведению массы на ускорение. Следовательно, чтобы свернуть с пути махину силовыми методами, потребуется попасть в нее чем-то либо очень тяжелым (сопоставимым по массе), либо движущимся с огромной относительной скоростью (при торможении этого чего-то о поверхность астероида и возникнет необходимое ускорение). Первый способ отпадает — не натаскаешься с собой запасов, даже с учетом эффектов на околосветовых скоростях. А второй... чем вы попадете в астероид и, главное, с каким результатом? Уязвимых узлов у него нет. При этом при слишком интенсивном воздействии на небольшую площадь вы, вполне возможно, добьетесь, что скала развалится на части. Но направления движения она при этом не изменит. Уверяю вас, вам будет сугубо параллельно, чем вас накроет в результате — монолитом или грудой льда и щебня. Результатом станут ошметки еще одного пропавшего без вести корабля. Вас не спасет даже атомная бомба: взрывная волна, как упоминалось выше, в вакууме отсутствует, а частичное расплавление поверхности астероида ничем не поможет. Разве что навечно сохранит в застывшем камне отпечатки ваших удивленных физиономий.

Евгений Лотош в 1997 г. окончил магистратуру математико-механического факультета УрГУ. Ведущий инженер в компании «Quorus» ACS», профессия — системная интеграция. Бессменный ведущий рассылки «Читаем с нами. Литературное обозрение» на Subscribe.ru. Критик, литератор.

Стрелять по идущему на таран астероиду так же бессмысленно, как и по сходящей с горы лавине. Вероятный выход — полностью испарить его и попытаться выжить после удара раскаленным газовым облаком. Но потребное для этого количество энергии удручает.

Впрочем, вам может повезти в одном случае: если вы умудритесь мгновенно испарить большой приповерхностный ледовый карман (что, кстати, является весьма нетривиальной проблемой в силу высокой теплоемкости и низкой теплопроводности льда). Взрыв пара сыграет роль своего рода маневрового реактивного двигателя, в результате чего астероид может достаточно уклониться с прежнего курса, чтобы избежать столкновения. Остается принять закон, по которому ни один астероид не имеет права разгуливать, не обвешавшись ледовыми глыбами...

Конструкции кораблей и планетарное сообщение. Поскольку человеку (как предполагается) будет свойственно не только шастать в космическом пространстве, но иногда и возвращаться на грешную почву, эта проблема относится к разряду ключевых. Причем не только в фантастике, но и в реальной жизни. Как известно, атмосфера обладает значительным сопротивлением. Поэтому основная задача аэродинамики заключается в конструировании обтекаемых воздушных и космических судов, способных на высоких скоростях и при этом не разрушаясь перемещаться в плотных атмосферных слоях. А скорости действительно высокие — корабль не может выйти на орбиту планеты и остаться там, если его скорость не превышает первой космической. Точнее, он не может проделать это эффективно, без колоссального расхода топлива. Разумеется, можно всю дорогу работать двигателями и со временем вылезти на орбиту даже на скорости улитки, но потребное количество горючего относит такой способ к категории запретных. Следовательно, для того, чтобы покинуть гравитационный колодец, требуются гигантские скорости. А для их достижения, в свою очередь, необходимо придавать кораблям обтекаемую форму. Человеческое мышление, приученное

к красоте полета хищных птиц, радуется схожести с птичьими самолетными форм. Однако на деле обтекаемость является серьезной проблемой при проектировании механизма, вынуждая плотно упаковывать его компоненты в зализанные оболочки. Из-за этого расположение узлов агрегата далеко не всегда оптимально, для обеспечения связности системы требуются вспомогательные механизмы (которые тоже требуют места и немало весят), наконец, возникают проблемы с охлаждением. Вероятно, конструкторы укажут и на другие проблемы, но для нас достаточно вышеперечисленного, чтобы осознать: обтекаемая форма является скорее недостатком, чем достоинством летательного аппарата. Следовательно, она будет применяться только в случае реальной необходимости.

Из этого следует банальный вывод, к которому прогрессивное человечество пришло десятилетия назад: скорее всего, космические корабли разделятся на два непересекающихся класса: атмосферные транспортные челноки и заатмосферные корабли. При этом последние в целях удешевления вряд ли будут обладать возможностью посадки на планеты с атмосферой или даже просто временного входа в газовую среду, а их конструкция в общем и целом потребует лишь прохождения векторов главной тяги через центр масс. Ну, и общей прочности, разумеется, чтобы не разваливаться при ускорениях. Разнообразные космические штурмовики и бомбардировщики вряд ли станут исключением из правила. Поэтому эпизоды наподобие посадки Люка Скайуокера на планету мастера Йоды в своем верном X-Wing не пройдут.

Напоследок упомянем о ма-аленькой детали, которая обычно остается незамеченной. Космические корабли в фильмах и значительной части книг всегда идут со включенными двигателями. Даже если это катер, направляющийся из одного ангара в другой. Между тем, включенный двигатель означает постоянное ускорение по соответствующему вектору, которое требуется далеко не всегда и уж совершенно определено — не в момент стыковки. Постоянный выхлоп из дюз не только экономически невыгоден (вы ведь отключаете двигатель своего автомобиля на стоянке?), но и зачастую просто не адекватен ситуации.

Мотивация космических войн. Следствием проблемы с преодолением притяжения планеты является смехотворность сюжета о захвате планет ради их сырьевых (читай — минеральных) ресурсов. Ну ладно, злобные инопланетяне захватили Землю и начали усиленно выгребать из нее золотишко и прочие металлы и кристаллы. И что дальше? Их ведь еще нужно доставить домой, а для того — поднять в космос. Но зачем для этого выкарабкиваться из глубокого гравитационного колодца, когда куда проще эксплуатировать астероиды или малые планеты, которых вокруг немеряно? Захватывать планету в качестве базы для военного флота или аналогичной цели? Все то же самое: ресурсов хватает и в вакууме, зато на планете куда сложнее строить, оборонять, маневрировать, охранять окружающую среду и т.п.

Для прочно обосновавшейся в космосе цивилизации (а другие звездные войны устраивать не в состоянии) существует единственная проблема: энергия. И как раз эту-то проблему планетарная поверхность решить не поможет. Разве что аalienам совсем никуда без органического топлива из нефти...

Созвездия. Вообще говоря, известно, что созвездия формируются зачастую далеко отстоящими друг от друга звездами. Кроме того, каждый школьник знает, что понятие созвездия применимо только к конкретной точке пространства. Сместись на пару парсеков в сторону — и рисунок звезд неузнаваемо изменится. Однако нет-нет, да проскальзывает в фантастике (начиная еще с Гамильтона) могучая империя (или республика), обосновавшаяся, скажем, в созвездии Ориона. При этом расстояния от Земли до Бетельгейзе, Ригеля и Беллятрикс (Альфы, Беты и Гаммы Ориона) составляют соответственно 650, 1076 и 240 световых лет. Империя протяженностью в восемьсот с лишком световых лет — нехило, э?

Завершая обсуждение космической темы, упомянем еще одну мелочь: «метеорит» и «метеор» — разные вещи. Первый — лежащий на земле кусок камня, а второй — явление, связанное со сгоранием малого объекта в атмосфере. А до того, как вошел в атмосферу, он вообще «метеороид». Так что «метеоритная атака» в космосе, от которой так любят отбиваться и страдать книжные и киношные космолетчики, невозможна принципиально.

Тема третья. Технологическая

Здесь мы рассмотрим два небольших вопроса технического плана, не подходящие для предыдущих разделов.

Путешествия во времени. Со времен Уэллса стало довольно модно отправлять героя в прошлое или будущее с помощью разнообразных установок. Сунул парня в камеру, нажал на кнопку, бац — и он уже в другом веке. В чем проблема?

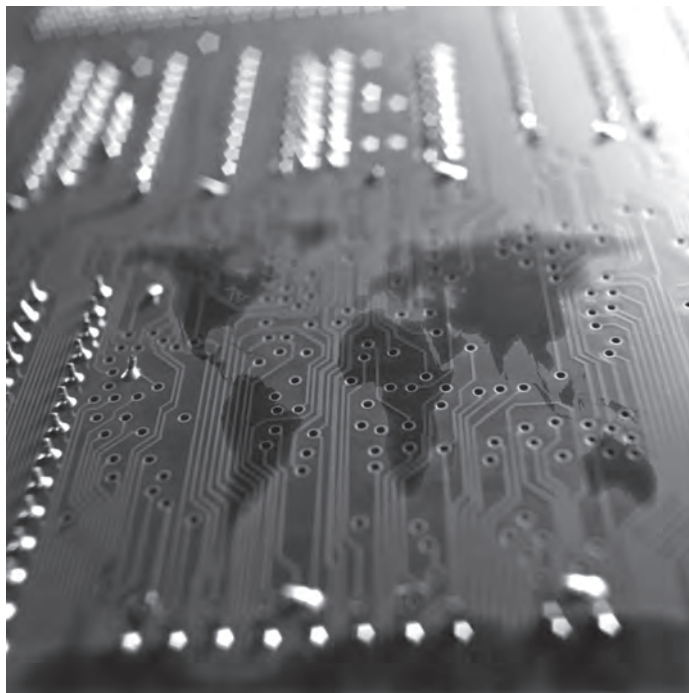
Первая проблема заключается в том, что герой в ином времени почему-то оказывается на том же самом месте земной поверхности, с которого отправлялся. Предполагается, что перемещение происходит только по одной — временной — координате, оставляя три остальных неизменными. Но позвольте! Планета Земля, что бы ни думали по этому поводу древние философы, не является центром мироздания! Она не закреплена в одной точке космоса — наоборот, она весьма интенсивно движется в пространстве: по орбите вокруг Солнца, вместе с Солнцем — вокруг ядра Галактики, вместе с Млечным Путем и прочими галактиками разбегается куда-то в непонятном направлении... Ее траектория весьма сложна, и отправлять героя в прошлое (или будущее) только по одной координате означает гарантированно выбросить его в вакуум вдали от любого планетарного тела. Ну, или внутри его, если очень повезет и если это можно назвать везением.

Просчитать аналитически расположение Земли в пространстве с точностью хотя бы до метров практически невозможно: подобная задача аналитически в общем виде не решается уже для трех тел. А численные расчеты требуют огромных ресурсов, и требования нелинейно возрастают при увеличении количества задействованных объектов. А ведь на положение Земли влияет не только Солнце — еще и Луна, тела Солнечной системы (вплоть до астероидов), даже ближайšie звезды. Про дрейф плит земной коры просто молчу. И самая минимальная погрешность просто в исходных данных приведет к тому, что незадачливый хрононавт окажется совсем не там, где планировалось.

Но и это не все. Пространство, в которое попадает герой после перемещения, уже занято. Даже обычный воздух является вполне материальной смесью газов. Если просто переместить объект без подготовки места финиша, это приведет к резкому насыщению воздухом тканей тела. Данное событие далеко не так безобидно, как может показаться. Во-первых, кровь уже содержит в себе газы атмосферы, причем максимально возможное их количество. Новые газы отнюдь не растворятся в ней. Наоборот, они немедленно вскипят, превратившись в газовые пузырьки, и закупорят собой кровеносные сосуды — этаким вариантом кессонной болезни на суше. Подобная закупорка гарантированно ведет если не к мучительной смерти, то уж точно к инвалидности на всю оставшуюся жизнь. Ну, и внезапное двухкратное повышение давления в легких тоже общее самочувствие не улучшит. Кстати, это справедливо не только для путешествий во времени, но и для телепортации.

Единственным способом избежать такого развития событий является полная ликвидация некоторого объема вещества в точке финиша и обеспечение там полного вакуума. Однако тогда человеку придется путешествовать как минимум в герметичном защитном костюме: мгновенные перепады давления в таком диапазоне приведут в уныние даже самый закаленный организм.

Помехи связи. Мелкий, однако постоянно бросающийся в глаза ляп связан с симптомами нарушающейся связи. Очень популярным приемом для наведения тени на плетень являются внезапные помехи в эфире, из-за чего голос говорящего по радио прерывается шипением и треском, изображение идет гори-

зонтальными полосами, а о содержимом жизненно важного послания остается только догадываться (чем герои и занимаются все оставшееся время). Подобные проблемы действительно могут иметь место, однако они характерны для аналогового вещания. Уже в наше время этот способ медленно, но верно вытесняется цифровым. Кинофильмы в форматах наподобие

MPEG и DivX, внедрение телевизионного стандарта HDTV, широкое распространение сотовых телефонов — примеров много. Даже в классическом радиоэфире планируется вести цифровое вещание в диапазоне, доселе занятом АМ-радио. Причин вытеснения аналоговых методов много. В их числе — возможности кодирования передачи с коррекцией ошибок и эффективным быстрым шифрованием, устойчивостью к помехам, удобство хранения цифровых записей, использование циф-

ровых каналов общего пользования (типа Интернета) для передачи аудио- и видеопотока, повышение эффективности использования полосы пропускания и т.п. Можно прогнозировать, что в обозримом будущем цифра вытеснит аналог даже в нашей скучной серой реальности. Что уж говорить о далеком-далеком будущем?

А в цифровом вещании помехи выглядят совсем иначе, чем в аналоговом. Там нет треска и шипения — его место занимает глухая тишина в тех местах, где электроника не смогла восстановить испорченный пакет. Там нет горизонтальной ряби на изображении — только неподвижные пестрые блоки в испорченных местах. В цифровом мире невозможно имитировать помехи, просто покрутив из стороны в сторону ручку настройки радиостанции или пошипев в микрофон. И отговориться тем, что не расслышал приказ («Второй, приказываю стрелять!» — «Первый, не слышу вас из-за помех»), тоже не удастся: если ответ идет без сбоев, то и начальный запрос наверняка прошел полностью.

В следующем выпуске мы обсудим весьма животрепещущие экологические темы, являющиеся предметом активных спекуляций не только в фантастике, но и в реальной жизни. На прощанье — очередное домашнее задание: какое именно слово пропущено в словосочетании «запасов нефти на Земле хватит на X лет»?

(Продолжение следует)

Владимир ТРУСОВ

Одной из лучших серий открыток о природе Вениамина Леонтьевича Метенкова (1857—1933) можно считать фотоизображение Чусовой.

Метенков на Чусовой

Фотограф со своими помощниками не менее четырех раз сплавлялся по уральской красе-реке. Есть летние снимки на лодке, а большинство видов снято с коломонок на бурной весенней Чусовой. Все эти фотографии можно отнести к 1890-м годам. Метенков договаривался со Строгановым или его приказчиками, заранее приезжал на заводы и ждал вскрытия Чусовой ото льда. Можно предположить, что одно путешествие Вениамин Леонтьевич сделал на билимбаевских барках и два — на староуткинских.

Билимбаевский завод выпустил первый чугун 17 июня 1734 г. и до 1917 года принадлежал Строгановым. Староуткинское предприятие запустил в 1729 г. Акинфий Демидов, а Сергей Александрович Строганов

купил его в 1891 году. На нем были разобраны старые домны и построена новая доменная печь, запущенная в 1896 г. К этому же времени устро-

ен ряд вспомогательных фабричных зданий, новый шлюз и гавань. Все события, связанные с заводской реконструкцией, подтверждают версию

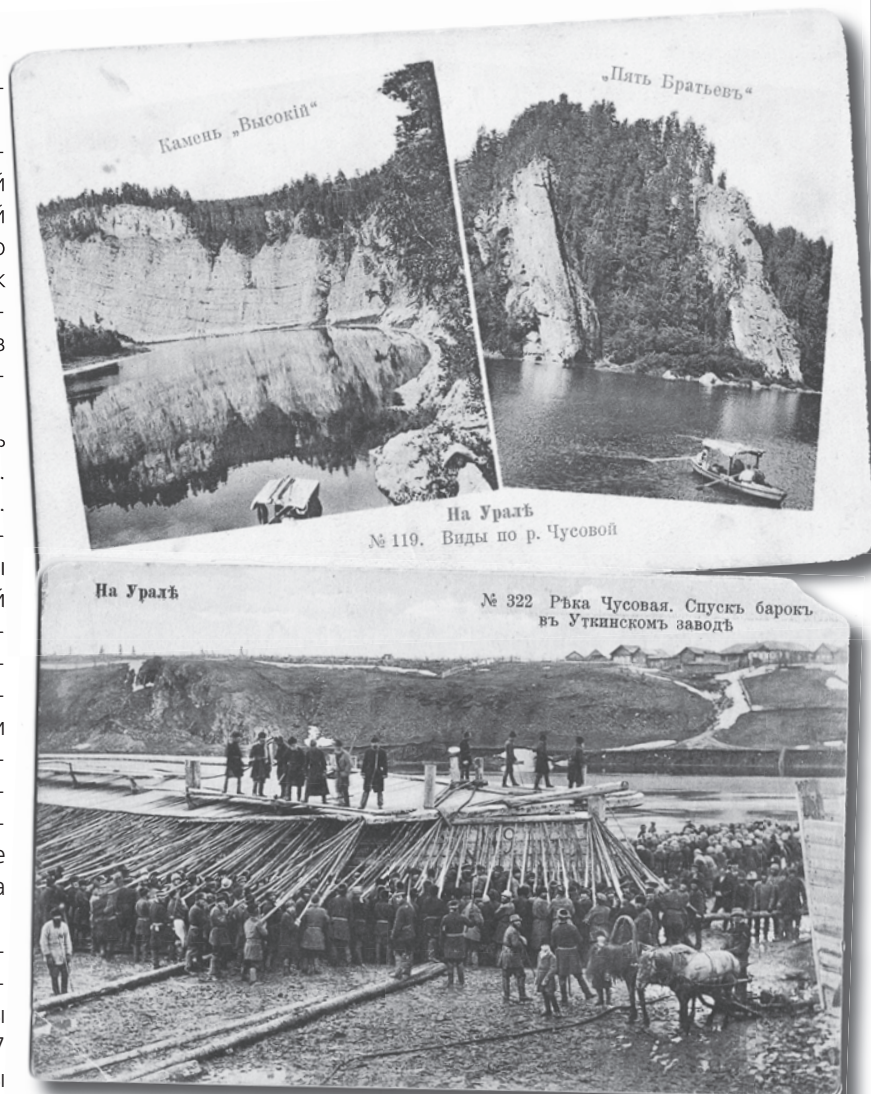
отправки Метенкова на староуткинских судах в 1890-х годах.

Виды на открытках свидетельствуют, что Метенков несколько дней перед сплавом находился в Старой Утке. Для того, чтобы сделать фото «№ 320. Река Чусовая. Выход барок из гавани Уткинского завода», фотограф или один из его помощников переправлялся на другой берег Чусовой.

Уникальным можно назвать снимок «№ 322. Река Чусовая. Спуск барок в Уткинском заводе». Ведь надо было дождаться момента спуска судна в воду, чтобы запечатлеть его для истории. Такой метод спуска применялся до постройки удобной гавани. Только после реконструкции заводских сооружений и устройства новой гавани коломенки стали выходить в фарватер Чусовой через шлюз. Путь караванам предстоял дальний, и поэтому все весенние работы на реке выполнялись быстро, чтобы суда шли по «большой» воде.

По каталогам Метенкова серия открыток по Чусовой состоит из 62 изображений, которые зарегистрированы №№ 117–121, 174–209, 318–337 и 342. Эти же виды были отпечатаны и под другими номерами.

Следует заметить, что открытка «На Урале. № 117. Виды по р. Чусовой. Камень Заплотный» — с перевернутым изображением. Негатив-пластинка была установлена неправильно, и поэтому левый берег Чусовой стал на ней правым.

С негативов или готовых открыток Метенкова изображение Чусовой с барками печатали и другие типографии в разных городах России и даже в Стокгольме (Швеция).

При жизни Вениамина Леонтьевича чусовские виды с его фо-

тооткрыток без указания авторства Метенкова печатались в Свердловске (1927 г.) и Москве (1928 г.) предпринимателем Варфоломеем Феофилактовичем Куренцовым, имевшим свой книжный магазин в столице Среднего Урала.

Николай ЕРОХИН

Про мамонта

Предыстория этих событий может послужить сюжетом для хорошего детектива. Несколько лет назад обычный житель Гыданского полуострова, ненец Степан Яптунай, нашёл в тундре бивень мамонта.

Ненцы занимаются рыболовством и охотой, но основное их занятие — разведение северных оленей. А поскольку олени, следуя своему инстинкту, постоянно кочуют (весной — на север, в тундры Ямала и Гыдана, осенью, спасаясь от суровой полярной зимы — на юг), то ненцам приходится кочевать вместе с ними, перевоза на нартах (санях) свои чумы (жилища). Такое перемещение ненцев с оленями называется «каслание», но не путайте это с «камланием» — ненецкими шаманскими плясками и отправлением языческих ритуалов. Ненцы за последние несколько сотен лет замечательно приспособились к такому образу жизни и с полным на то правом могут быть названы «бедуинами тундры», только вместо верблюдов у них олени. А олень для ненца — это всё: и еда, и средство передвижения, и одежда, и даже дом, поскольку чум тоже делается из оленьих шкур.

Тундра для ненцев — как суровая мать, и они научились использовать все мало-мальски пригодные ресурсы, которыми снабжает их скупая северная природа. Немаловажное место в их хозяйстве отведено мамонтовому бивню, идущему на рукоятки ножей, украшения и посуду. По крайней мере, так было раньше. А сейчас чаще всего найденные бивни продаются за хорошие деньги. Настолько хорошие, что многие местные жители всё короткое лето

только тем и занимаются, что ищут бивни. Кстати, поговаривают, что ненцы, руководствуясь каким-то седьмым чувством, умеют находить посреди голой тундры места, где в вечной мерзлоте покоятся останки давно погибших мамонтов.

В этом случае никакой подобной мистики не было. По крайней мере, так утверждал Степан Яптунай: просто шёл по тундре, увидел торчащий из земли бивень, выкопал его и унёс домой.

(Печатается с сокращениями)

Но с продажей бивня случилась у Степана неувязка.

Как ни удивительно, но в безлюдной тундре новости разлетаются очень быстро, и вскоре в стойбище Яптуная появились два человека. Представившись сотрудниками Мамонтового комитета из Санкт-Петербурга, они сказали, что обладают всеми полномочиями забирать «ценные научные экспонаты». Разумеется, за солидное вознаграждение, которое Степан непременно получит... но чуть позже. Даже оставили в задаток свою старенькую палатку и почти не дырявую лодку. А сейчас, дескать, они спешат доставить в свою лабораторию уникальный образец для препарирования. И в самом деле, если бивень нужным образом не обработать после извлечения, он может растрескаться и даже рассыпаться на бесполезные кусочки.

Степан, конечно же, это знал, к тому же ему были продемонстрированы всевозможные удостоверения, сертификаты и прочие бумажки (которые на домашнем компьютере изготавливаются любого цвета и в огромном множестве за полдня). Но компьютера у Яптунаев не было, и «наивный ненецкий вьюнош» сорока с гаком лет отдал бивень именитым гостям. А может, и по какой другой причине, кто же знает...

Впрочем, видимо, не настолько уж Степан был наивен, как рассчитывали липовые учёные. Как-то так получилось, что всего через пару дней, не дожидаясь обещанного вознаграждения, Степан «чисто случайно» проходил мимо здания администрации райцентра — посёлка Гыда. И вроде как совершенно без задней мысли зашёл туда поделиться своей радостью — ожидаемым скорым пополнением семейного бюджета. Поскольку карты здесь под рукой нет, скажу для ясности, что от стойбища Яптуная до Гыды буквально рукой подать — около 70 километров.

Чиновники местной администрации искренне порадовались за Степана и тоже захотели познакомиться поближе с большими учёными, так редко посещающими те края. Поэтому они разослали во все западносибирские города с аэропортами настоятельное приглашение двум незнакомцам с бивнем ещё немного погостить на сибирской земле. Не прошло и недели, как милиция аэропорта Норильска прямо у трапа самолёта торжественно вручила повестки с приглашениями любителям бивней и с почетным караулом препроводила их в ближайшую кутузку, где им уже подготовили отдельные аудитории для многолетнего углубленного изучения мамонтов и прочей тюремной живности.

Бивень сначала проходил как вещдок по делу, а потом след его загадочным образом затерялся. Зато информация об этом бивне попала в недавно отстроенный (а значит, полупустой) музей города Салехарда.

Денег у свежеспечённого музея много, а вот экспонатов мало.

И надо же было случиться такому совпадению, что как раз в это время в музее Салехарда находился мой непосредственный начальник Пал Андреич. В нашем институте он занимает должность заведующего зоологическим музеем и по служебной надобности часто бывает у своих коллег в других городах России.

Пал Андреич — наш великий палеонтолог,

специалист по костям вымерших и современных животных. Вы можете принести ему совершенно невзрачный обломок кости, и он вам скажет, какая это кость, от какого зверя и сколько лет назад тот умер. Причём это и его призвание, и хобби; он не только знает, но и любит кости, находя в них и ценный научный материал, и эстетически прекрасные объекты. Если ему, невзирая на огромное количество бесконечной и срочной работы, когда-нибудь удастся вырваться на курорт, вы его сможете без труда найти на местной помойке. Не смейтесь, это не шутка: где ещё, как не на мусорке, можно найти много разных интересных костей.

Узнав про обстоятельства и район находки, Пал Андреич немного подумал и подкинул сотрудникам музея дельную мысль: «Там, где нашли один бивень, обычно лежит и второй. А если есть два бивня, то это уже череп. Где череп — там и другие кости; бывает, даже целый мамонт. Как вы относитесь к перспективе заполучить себе в экспозицию целый скелет мамонта?» Музейщики отнеслись к этому весьма положительно и бросились выбивать деньги для поездки на раскопки.

На полномасштабную экспедицию им поначалу денег не дали — всё-таки оставалась вероятность того, что, кроме уже найденного бивня, там больше ничего нет (и такие случаи бывают). Но вода камень точит; спустя какое-то время удалось организовать полномасштабные работы на месте находки.

Однако все это была присказка, а сейчас начнется сама сказка.

Итак, двадцать второго августа 2005 года на Гыдан вылетела небольшая по численности экспедиция с намерением, ни много, ни мало, а выкопать из вечной мерзлоты мамонта. Возглавлял работы Пал Андреич, я отвечал за техническо-методическую часть, могучей движуще-рабочей силой служил студент нашего университета Лёнька, а для исторического запечатления этих знаменательных событий, от Салехардского музея, участвовал Алексей. Но он, по сути, наш человек — тоже выпускник УрГУ, профессиональный журналист и, как теперь говорят, фильм-мейкер, всего лет семь назад перебравшийся с Урала на Север.

С нами вместе, пользуясь случаем, вылетела группа хренологов...

То есть, пардон, я имел в виду дендрохронологов. Между собой мы их в шутку и для краткости называем хренологи; они вроде не обижаются. А занимаются дендрохронологи тем, что пилят и сверлят деревья

и рассматривают их годовые кольца. И вот по этим кольцам они могут определить... ну, возраст дерева, это естественно, но самое главное — ширина этих колец, напрямую связанная с климатом, различается в разные годы. Холодный год — узкое кольцо, тёплый — широкое. Чувствуете, куда я клоню? Можно определить, тёплая или холодная погода была в этом районе, скажем, в 1387 году, причём до нашей эры...

Долетели до места мы нормально, высадив наших хренологов по дороге, только вот сели далеко от мамонта, в полутора километрах. За пару-тройку часов мы поставили лагерь. От «стандартного» варианта, который привычен нашим туристам, он довольно сильно отличался. Из-за постоянных пронизывающих ветров и частых бурь в тундре (там рукой подать до океана) пришлось в «кухонной зоне» обойтись без навеса над костром, роль которого исполняли примусы. Дров в тундре нет, и нам проще было привезти бочку бензина, чем поленницу. Сами примусы были огорожены защитными экранами, иначе бы их задувало. Но самое главное — под палатки были сколочены деревянные щиты. Вам не приходилось спать на вечной мерзлоте? И не советую, почек у большинства из вас всего две. Так что такая, на первый взгляд, роскошь, как дощатый настил под палаткой, в действительности необходимое средство выживания. Хотя, не скрою, по ночам приятно было чувствовать под спиной твёрдый сухой пол, а не эти сырые и мягкие кочки.

СЕНСАЦИОННЫЕ НАХОДКИ НЕ ЗАСТАВИЛИ СЕБЯ ЖДАТЬ.

На следующий день зона раскопа была размечена на квадраты, как это полагается по методике, и буквально уже в процессе расчистки ямы от оплывшей земли мы нашли позвоночник и рёбра. Мамонт лежал на спине, потому-то вокруг и валялись кости ног, оказавшихся сверху. Такое положение мамонта привело к тому, что за несколько лет уничтожения трупа песцами и тёплой погодой его внутренности (желудок и кишечник) оставались в мерзлоте, и мы смогли собрать их содержимое.

Вы представляете, что это значит для науки? По этим материалам можно установить массу интереснейших вещей: что мамонт ел, как он переваривал пищу, какие у него были паразиты...

Больше всех был воодушевлён Пал Андреич. Он был просто в состоянии эйфории, прекрасно сознавая, что далеко не каждому учёному в жизни выпадает такая удача. Это, если выразиться категориями советского времени, всё равно, что выиграть в лотерею машину. В конце концов, опасаясь за его душевное состояние, мы отправили начальника в лагерь готовить обед. И правильно сделали, потому что тут же нашли целую шкуру мамонта. Вернее, шерсть без кожи, свалывшуюся, как руно; этакий ковёр в несколько квадратных метров. Хорошо, что Пал Андреич этого не увидел — столько выигранных за один день машин он бы не пережил.

Через несколько дней, когда страсти улеглись, была сделана ещё одна сенсационная находка. В одном из углов ямы нашлась нога, сохранившаяся благодаря

всё тому же Степану. Добираясь до бивня, он отрубил мешавшую ему стопу мамонта и отбросил в сторону, в лужу на дне ямы, где та сначала замёрзла, потом засыпалась землей... И песцы, сожравшие древнее животное, до этой ноги не добрались. Мы же её нашли и с превеликими сложностями, то вырубая из льда, то оставляя для оттаивания, через неделю работы извлекли. С шерстью, с кожей и связками, только мясо немного подпортилось; ну, да нам было не суп из неё варить. Как вы думаете, сколько весила даже не целая нога, а одна только стопа мамонта? Килограммов под шестьдесят! Когда несли её в лагерь на специально сколоченных для этого носилках, тоже весивших немало, попробовали сначала вдвоём; прошли метров 20 и устали. Только вчетвером, постоянно отдыхая, часа за два дотащили.

ЭКСКЛЮЗИВНАЯ МЕТОДИКА ИЗВЛЕЧЕНИЯ ШКУРЫ МАМОНТА

Со сбором шкуры тоже была просто песня. Вообще, как надо правильно собирать все эти экзотические образцы, никто не знает, ибо мамонтов находят настолько редко, что нет возможности отработать методику. Я думаю, нашему мамонту повезло, что он жил и умер на территории России. Только наши люди способны из помета мамонта сделать конфетку, а нашли б его где-нибудь на Аляске, так собрали бы одни кости.

Поэтому, внимание! — рассказываю эксклюзивную методику извлечения шкуры мамонта. Жидкую ледяную грязь с её поверхности аккуратно вычерпываете ладонками в ведро, которое периодически относите подальше и выливаете (если выльете близко, она вскоре притечёт к вам обратно). Усердствовать тоже не стоит; тщательно дочистить и вымыть экспонат вы вполне сможете по возвращении, причём тёплой водой, что намного приятней. Когда на поверхности шкуры не останется больших комьев грязи, попробуйте её с краю приподнять. Вы обнаружите под ней лёд, поскольку шкура работает как прекрасный изолятор. Это вам на руку, и теперь главное — не пытаться шкуру сместить, а то она тут же распадётся на клочки. Сверху на шкуру кладёте несколько слоёв газет и осторожно, отделяя некоторые вмёрзшие в нижележащий грунт волоски, наматываете на газеты, словно рулет. При этом не забывайте подбавлять ещё газет, так как они намокают и расползаются. Не стоит также делать рулет слишком толстым, а то либо вы не сможете поднять «колбасу», либо она сломается под собственной тяжестью. Лучше отрезать его от основной шкуры острым ножом и начать катать новый рулет. При этом не забудьте промаркировать куски, и потом в лаборатории вы сможете соединить их снова в нужном порядке.

Когда после многих часов экспериментов был вынесен первый кусок шкуры размером около 60 на 80 сантиметров, Пал Андреич впал в тихий экстаз. Он сидел над развернутой для просушки на куске картона шкурой мамонта, с нежной любовью и чуть не со слезами на неё смотрел, а ещё периодически осторожно трогал волоски пальцем и покачивал головой. Это продолжа-

лось добрых полчаса, и мы снова начали беспокоиться о его психическом здоровье.

В один из дней к нам пришли гости

– уже взрослые сыновья Степана. Мы как раз тогда активно занимались кишками мамонта, поэтому, наверное, представляли для них презабавное зрелище. Рассуждали, какие это уникальные вещи, которым цены нет, хотя выглядят и пахнут совсем непрезентабельно.

Через два дня после их визита, пока мы вырубали мамонтовую ногу, кто-то побывал у нас в лагере. Исчезли УКВ-рации, запасной GPS Алексея, все личные деньги (которых, правда, было немного) и некоторые мелочи наподобие тента, полиэтилена, Лёнькиного плеера. Мы же не первый раз живём: казённые деньги, документы и дорогостоящая аппаратура всегда носят с собой. Но самое забавное и в то же время печальное – унесли ровно половину продуктов и инструментов.

Уже потом, после возвращения, выяснилось, что сотрудницы музея в прошлую разведочную поездку пообещали Степану трёхместную резиновую лодку в качестве гонорара за услуги проводника и в награду за находку мамонта. Сами они про своё обещание успешно забыли, а Пал Андреич об этом уговоре ничего не знал, иначе бы позаботился о том, чтобы не подводить ненца. Ведь это для нас лодка – пустяк, а для них там в тундре подобные вещи – предметы первой необходимости, от которых зависит не столько благополучие, сколько жизнь.

А теперь поставьте себя на место Степана. Сначала двое орлов, наобещав ему с три короба, обманом забрали бивень. Потом бивень обнаружился, но снова пропал, и деньги за него получил отнюдь не трудяга-ненец. Музей Салехарда посулил ему лодку, если он покажет, где нашёл мамонта; он добросовестно показал. Наконец, приехали совсем новые люди, накопили на этом месте, по их же словам, бесценный материал, а может, и второй бивень втихушку нашли. В итоге за все эти годы Степан не получил ничего, кроме пустых обещаний, переживаний да дырявой палатки. И как бы вы поступили на его месте?

А ещё нам довелось посетить ненецкое святилище.

Когда работы у нас стало поменьше, появилась возможность сходить к Енисейской губе, фактически на берег Северного Ледовитого океана. Это было двенадцать километров по карте, но на деле обычно выходит гораздо больше.

Отправились в этот поход мы втроём, оставив начальника сторожить лагерь. Взяли с собой кучу снаряжения, в том числе и двуручную пилу для отпиливания дендрохронологических образцов. Ещё были взяты с собой так называемые «гербарные папки» для сбора растений, лопата – вдруг чего копать придется, мешки под кости, куча одежды на случай непогоды, то есть навьючены мы были, как учёные верблюды.

Среди однообразного ландшафта тундры любые нетипичные предметы хорошо выделяются, и потому

через пару часов пути мы издалека заметили какую-то странную горку. Подошли ближе – куча рогов северного оленя, скреплённая, чтобы не развалилась, сломанными хореями. Ох, чего мы там только не нафотографировали! Среди рогов попадались старые интересные деревяшки – обломки нарт, фигуры животных, идольница (такая досочка с пазами, в которые воткнуты маленькие резные идолы). Один из хореев имел рукоять в виде грубо вырезанного медведя, отголоски «медвежьего культа». Этот зверь у ненцев почитается особо; они то ли считают, что люди произошли от медведя, то ли что когда-то медведи были людьми, точно не помню. Охотиться на косолапого и есть его мясо теоретически нельзя, но с соблюдением особых ритуалов допустимо. Мы в том убедились, обнаружив сбоку от кучи череп небольшого бурого медведя.

Море-океан нас особо ничем не впечатлил, разве что завалом из тысяч брёвен в дельте Салпада-Яха. Такая когда-то плававшая древесина называется «плавник». Обычно это деревья, упавшие в воду с подмытого берега, то есть стволы с корнями, но перед нами лежали почти исключительно пиленные товарные брёвна. Оно и понятно; мало ли сплавляется леса по Енисею, и далеко

не весь он вылавливается. Да, чуть не забыл — вода в губе была слабо солёная, потому что река распресняла океан.

Ещё что там было примечательного — в один из таких походов по тундре мы нашли второго мамонта. Россыпь из нескольких сильно раздробленных костей в одном из обрывов... Сложно было определить, где основная часть скелета: лежит пока в грунте или уже вывалилась и была растащена. А времени копать для прояснения этого вопроса у нас уже не было.

Да-а... славно мы тогда повеселились. Перед отлётом устроили традиционный «прощальный» вечер и первый раз за всё время позволили себе развести костёр из остатков стройматериалов, тем более что единственный оставшийся примус работал, когда ему хотелось. Посидели, как полагается, у костра, помянули мамонта, потрепались... Но сильно не расслаблялись — понимали, что вертушка может завтра и не прилететь. Словом, были готовы к любым поворотам фортуны.

И судьба напоследок преподнесла нам пару сюрпризов.

С утра в день отлёта мы позавтракали и свернули лагерь, молясь, чтобы его не пришлось ставить вновь вечером. Часа в два, когда мы уже подумывали о приготовлении обеда, на горизонте показался вертолёт. Мы быстро залили костёр кипятком, упаковали посуду... а вертолёт заложил вираж и ушёл мимо нас в район бывшей полярной станции Лескино.

Каких только объяснений мы не придумали странным действиям экипажа, чтобы успокоить себя! И, когда минут через двадцать вертолёт появился снова, сделал над нами круг и стал заходить на посадку, мы поняли: счастье есть. «Оно не может не быть!»

Когда взлетели, Пал Андреич сходил пообщаться с командиром вертолёта. Вернувшись, рассказал, что какая-то «добрая душа» в авиакомпании при оформлении заявки на полет выкинула из текста шесть букв. Вместо фразы «Забрать отряд в районе станции Лескино» в заявке было написано «Забрать отряд в станции Лескино», а это 21 км в сторону. Хорошо ещё,

что не выкинули точные координаты, где мы ждём вертолёт. Командир экипажа, человек бывалый, сразу заметил, что координаты с указанным местом не сходятся, и полетел сперва, как и было написано, в Лескино. Приземлился — тишина. Когда из развалин посёлка стали разбегаться зайцы, понял, где тут песцы порылись, и полетел к точке с координатами.

Но это были ещё цветочки. В Салехард из-за позднего прилёта нас уже не пускали, и наших хренологов забрать мы тоже не могли. Им-то действительно пришлось на ночь разворачивать собранный было лагерь, а мы переночевали в гостинице авиаторов на Мысу Каменном. Этот замечательный посёлок стоит на песчаном берегу Обской губы, прямо посередине Ямала. Так что, если будете в тех краях — очень рекомендую. Я там уже бывал однажды, Пал Андреич — тот вообще посещал Мыс Каменный через каждые год-два и каждый раз давал только положительные отзывы об этом местечке.

Утро. Несколько часов мы как на иголках провели в вертолёте в ожидании разрешения на вылет, откладывающегося то по одной причине, то по другой... Наконец дали отмашку. Летим забирать наших коллег, летим... гляжу, не туда летим.

Пал Андреич, матюгнувшись, пробирается сквозь груды барахла к пилотам... Ситуация проясняется быстро: тот же доброхот из авиакомпании при составлении заявки на полёт выкинул из текста «лишние» координаты. Вместо фразы «Высадить отряд в координатах 67.30N, 70.40E, забрать 67.25N, 70.48E» в заявке оставили только координаты высадки. А где надо было забирать ребят обратно, выкинули.

Счастью мокрых и начинавших паниковать хренологов не было предела... В Салехарде нас встречал почетный эскорт из музейных машин, готовых принять драгоценный груз и незамедлительно переправить что-то в морозилку, что-то в сушилку. Впереди была долгая работа по размещению и первичной обработке привезенных материалов в оборудованных помещениях (так называемая «камералка»), но это уже наши малоинтересные трудовые будни. Вот так и закончилась эта поездка за мамонтом. Однако за двадцать лет до этого мне довелось еще пару раз побывать на Севере...

Продолжение цикла «Северных баек» от Геннадьяча читайте в следующих номерах «Уральского следопыта».

Светлана ПЕРВАЯ, г. Химки, Московская область

Вторая жизнь

Звонкий стук ложки заставил ее поморщиться и особенно аккуратно размешивать сахар. Медленное, задумчивое колыхание коньячного цвета настоя — свежесваренного и, как ей больше всего нравилось, едва долитого кипятком — не шло ни в какое сравнение с тем бурным водоворотом, который устроила в своей чашке подруга. Хотя, нет, не подруга... Скорее, хорошая знакомая, коллега по работе.

Вечер только начинался.

— Лен, ты не понимаешь, что ли? Ты ж сохнешь по нему! Сохнешь самым натуральным образом!.. Почти год как сомнамбула ходишь. Похудела, круги черные под глазами, не ешь толком... Вечно в столовке салатик там или котлетку — и все. И дома в холодильнике мышшь повесилась. — Взгляд выпуклых глаз с некоторым сожалением мазнул по белой эмали. — На одном чае сидишь, да на валерьянке с корвалолом. Можно подумать, валерьянка тебе поможет...

Пухлые губы шумно втянули горячий чай.

— И что ты только в нем нашла? Не красавчик, чтоб за ним хвостом бегать, так — обычный простачок-работяга, ничего особенного. И живет в старой двушке у черта на рогах, до работы по два часа добирается. Ни машины, ни денег — только грошовая зарплата. У нас иные ее только для виду и берут: левые заработки надо же чем-то прикрывать. А этот... Нет, подруга, ты меня извини, но давно пора за ум браться. На тебя тут как-то заглядывался один из этих, — голос упал до пронзительного шепота, — замов. Вот бы и...

Татьяна многозначительно умолкла, еще сильнее вытаращив глаза. Елене примерещилось в них кривое отражение лощеного «мажора», любимчика гендиректора, его циничных улыбочек и толстого кошелька. А позади папа виднеется, который, собственно, и устроил сыночка на хлебное место...

— Смотри-ка! Она и ухом не ведет!.. — возмутилась «благовестница». — Нет, правильно я девчонкам сказала — нечего всей толпой идти, лучше сама сначала.

Светлана Юрьевна Первая родилась в Грозном в 1981 году. Окончила Московский государственный университет экономики, статистики и информатики. В 2006 году, сразу после защиты диплома, Светлана была приглашена на работу преподавателем на кафедру банковского дела в Московскую финансово-промышленную академию, где и работает сейчас.

Теперь вот точно вижу, совсем дело дрянь. Влипла ты, Лен. Любовь зла, полюбишь... А вот кого и любишь, в общем.

Пустая чашка звонко стукнула по столу.

— Налей-ка чаю еще, если уж ничего другого нет, и будем думать, что делать...

Я пришла к нему прошлой зимой, когда февраль то выл в переулках злым норд-остом, то ронял первые капли с высоких карнизов. В тот раз я не стала мерзнуть у подъезда, а затаилась на темной лестничной площадке, поджидая его с работы. А потом нахально проскользнула мимо ног в открытую дверь. По-хозяйски прошествовала в кухню и свернулась рыжим клубочком у теплой батареи, глядя на него желтыми глазами.

«...Повстречает свирепой пантеры наводящие ужас зрачки». Не знаю, может, на мышей они и наводили ужас, но тот, кого я выбрала, увидел в них совсем другое. И не смог. Не смог выгнать тощую уличную кошку обратно на мороз.

— Пушистая, ты б хоть поздоровалась, прежде чем в квартиру врывать. — Голос у него густой, глубокий, век бы такой слушала. — Нам ведь теперь жить вместе, так что повежливей надо...

Я облегченно прижмурилась — понял. Не уйду я сама, а выставит — опять вернусь.

— Чем кормиться-то будем? У меня китикетов не водится. И молоко вчера последнее допил... Может, яичницей обойдемся?

После холодного бетона лестницы мягкий жар батареи убаюкивал. И только кончик хвоста слегка шевельнулся: «А хоть бы и яичницу...»

— ...что думала? Ты ведь только на работе и видишься с ним. Нет бы инициативу проявить, в кино пригласить или в театр. Ну, сама не хочешь, давай мы с девчонками займемся! И фильм как раз подходящий на выходных будет. Только тогда компанией идти придется, свободно не пофлиртуешь!

Забывший чай остывал, а новоявленная сводня вдохновенно изобретала пути к счастью коллеги.

– Или вот еще. У Надьки, помнишь, муж гулял, а потом – как отрезало? Мы еще удивлялись... Так она его приворожила! Самым натуральным образом! К старушке одной сходил, та пошептала чего-то над фотографией, побрызгала водичкой и Надюхе масло дала вонючее, ну, это... ароматическое. И теперь благоверный налево – ни ногой! Может, и тебе, – гостя доверительно нависла над столом, – приворот там навести или еще чего? Я и адрес уже вызнала...

Цепкие пальцы ухватили чашку, но остывший напиток потерял всякий вкус. Татьяна скривилась. Хозяйка молча взяла чай, выплеснула в раковину и налила свежий. Вечер длился, и ветер шуршал за окном опавшими листьями...

– Нет, Тань, не стану я ерундой всякой заниматься, к шарлатанам бегать, привораживать... Если судьба – сам придет.

– Как знаешь... – В голосе мелькнула обида. – Не для себя ж стараюсь, в конце концов. Смотри, так и будет он за этой мырмой из бухгалтерии ухлестывать. Каждый день вместе на работу, вместе с работы... И в обед-то их врозь никто не видал!

Чашка возмущенно скользнула по столу, роняя на него светло-коричневые кляксы. Елена потянулась за полотенцем, едва качая головой.

– Да нет у него никого...

...так и называл меня потом – Пушистая. А я мле-ла – от голоса его, от тепла рук, когда он – изредка – гладил рыжую шкурку, чесал за ухом. Нечасто это случалось. И правильно. Есть кошки и кошки.

Иногда приходили к нему – черненькая или светленькая. Давно. Ночевать оставались...

Так я отвдила: то легкий шарфик шелковый когтями изорву, то сапожки итальянские помечу... Крику было, слезы в три ручья!.. Но он и пальцем меня не тронул. А потом красавицы эти и дорожку к его дому забыли. Ничего, смирился, больше никого не водил. И сам – только на работу и домой. Ко мне. Хорошо ему со мной. И мне – с ним.

У нас как бывает? Если найдешь своего человека, потом ни с кем счастливой не будешь. И ему тоже без тебя не жить, пустышками все иные покажутся. Вот и ходим по свету, ищем... Кто и за морями не находит. А мне повезло...

Ветер злится, в стекло палыми листьями бьется, форточку распахнул... Но мне тепло. Я с работы хозяина жду. Уже скоро, уже от остановки идет. Вот-вот стукнет две...

...И шерсть дыбом встала! В форточку, скорее!.. Третий этаж (я сорвалась однажды, так едва отходили) – и пусть! Одно дело упасть, другое – прыгнуть. Да удачно, на все четыре лапы...

А теперь – дворами, дворами, дворами... Успеть бы только!

Иногда кошки видят дальше людей. На самую капельку – то, что должно вот-вот случиться. Видят – и ничего не могут сделать.

Но не в этот раз.

...Рука, что тянулась за полотенцем, замерла...

На повороте когти проскрежетали по асфальту.. Успела! Вон он, стоит в дальнем конце проулка, а рядом – тусклая тень... Я рванулась еще быстрее.

Лапы ныли, но пока слушались. Только бы не подвели... Вот уже рука серого чуть изогнулась для удара снизу, блеснул нож и...

«Но молчи! Несравненное право: самому выбрать свою смерть».

Метнулась рыжей молнией – и в правом боку буд-то огненный шар взорвался... А мимо!.. Мимо хозяйна! Отвела...

И – ревом над улицей:

– Пушистая!..

Ага! Теперь постоишь за себя!.. И за меня тоже. И все хорошо буд...

–...чего, Лен? Эй! Очухивайся давай!..

Чужие жесткие руки мотали голову из стороны в сторону, пытаясь привести меня в чувство. Пришлось разлепить глаза... И сразу же их зажмурить – мир плыл и двоился, одновременно цветной и почти черно-белый. Я осторожно пошевелила руками, перека-тилась на бок, заново привыкая к забытой уже цельности и баюкая призраком боли.

– Ну, слава Богу! Очнулась!.. – Татьяна явно не улыбалась канитель с вызовом скорой. – Сидела-сидела, бледная как смерть, и вдруг – бряк! – в обморок. Ты меня так больше не пугай!

«Не буду. И вообще – надо бы тебя спровадить поскорее».

– Ну, вот и щеки порозовели... Давай-ка садись.

«Ага, я и поправилась сразу на пару-тройку килограммов, только тебе об этом знать совсем не обяза-

тельно...». Тело слушалось плохо, поэтому пришлось воспользоваться предложенной помощью.

– Сейчас корвалольчику накапаю...

– Не надо... – хрипло попросила я. – Лучше валерьянки. С чаем.

– Валерьянки, так валерьянки, – Татьяна засуетилась у шкафчика с лекарствами. – Посмотри, до чего себя довела, а? Нет, так дальше нельзя!

Конечно, нельзя. Я теперь кошку только через месяц выпустить смогу... И не объяснишь ведь, откуда живая-здоровая явилась. Разве решит, что отползла куда, отлежалась. Тела-то он не нашел.

Надо будет завтра подойти, наверно, посочувствовать... Скажу, от Марины из бухгалтерии узнала – от нее он таиться не будет, сестра все-таки, хоть и двоюродная.

Я осторожно отпила крепкий чай из поставленной передо мной чашки. Татьяна, наконец, перестала мельтешить по кухне и уселась напротив.

– А ты, Лен, подумай все ж насчет приворота – средство надежное и, главное, быстрое. К тому же – только не обижайся, – говорят, у тебя бабка ведьма. Может, ее попросишь? – Она прищурилась. – Да ты и сама не так проста, как кажешься: травки всякие, баночки, скляночки в шкафчике. И все без этикеток...

Ишь ты, сколько всего высмотреть успела!

– А лапок мышиных ты там не видела? Лучшее средство для любовного зелья!.. – усмехнулась я. – Аллергия у меня, вот и заказываю лекарства у частного фармацевта. А бабка-то – да, колдунья первостатейная, потомственная, угу.

«Ох, бабуля! Прибьешь ведь: меньше чем за год вторая жизнь коту под хвост! Сначала в январе, пока ждала его у подъезда, замерзла насмерть, а теперь поножовщина эта...»

– А вообще, Тань, слушай больше. Наши-то девочки городские всех, кто в деревне живет, могут в ведьмы записать. Еще бы!.. Телефона нет, Интернета нет, туалет на улице, и за почтой в райцентр ездить приходится – как есть нечистая сила!..

Вечер кончался. Под окнами бродила осень, постукивала ветками в стекло. Пахло дождем.

Я закрыла форточку:

– Поздно уже. Давай-ка расходиться. Только без обид, ладно? Лечь хочу пораньше. Завтра на работу все-таки, а тут обморок этот... Да нет, не волнуйся, нормально все уже, сама справлюсь. А тебя дома ждут.

Татьяна поджала губы, но возражать не стала, пошла одеваться. Она, конечно, на ночевку рассчитывала... Ничего, перетерпит. И без того сплетней набрала – три дня разносить будет, и то останется. Да Бог с ней... Мне-то что теперь делать?

Я провожала – выпроваживала – гостью, а сама размышляла.

Так все хорошо было!.. И волки сыты, и овцы целы. А сейчас опять решать надо, как дальше быть. Разве что...

«Пра-авильно, – мурлыкнула кошка. – Давно пора».

И свернулась калачиком на самом доньшке души. Отлеживаться.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

В

ВИНОГРАДОВА М. М.

Сотр. журн. «Воспит. и обучение» (1893-96), Наверно она авт. кн. «Потребление водки в России и урожай», изд. Петрогр. политехн. ин-та. Пг., 1916.

ВИНОГРАДОВА Ольга Андреевна, авт. воспоминаний.

Знакомая педиатра С. И. Федынского. «Воспоминания о Сергее Игнатьевича Федынском». – В кн. «Сб., посв. памяти проф. 2-го МГУ Сергея Игнатьевича Федынского». М., 1927. С. 22-25.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 3. № 5803.

ВИНОГРАДОВА Ольга Ивановна (псевд. Ростоцкая, Н.; Ростоцкая, Н.; Нищий и др.; 1881 – 1913), журналистка.

Участн. рев. движ. Сотр. в «В. Жизни» (1906-1907) и в саратовских рев.-дем. газетах; авт. кн. «Потемкинские дни в Одессе» СПб., 1906; др. публ. (с правкой В. И. Ленина) «Одесские дни на Потемкине». Женева, 1905 – Нищий.

Масанов; ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3288.

ВИНОГРАДОВА С. М.

Пер. кн. «Песталоцци» (1905).

Венгеров. Источ.

ВИНОГРАДОВА-ЛУКИРСКАЯ Мария Исаевна (1853 – ?), врач.

Венгеров. Источ.

ВИНОГРАДСКАЯ Анна Петровна.

Слов. рус. писательниц.

ВИНОГРАДСКАЯ Полина Семеновна (1896 – 1979), прозаик и публицист.

Большевичка; в октябрьские дни – технич. секретарь Московского Военно-Революционного комитета, затем сотрудница Моссовета. С авг. 1919 была в действующей армии; затем – инструктор отдела работниц ЦК РКП (б). В 1922-1923 – старший научный сотрудник Академии коммунистич. воспитания. Училась в Институте красной профессуры и руководила кабинетом Института Маркса и Энгельса. Авт. кн. «...Женни Маркс фон Вестфален: К 50-летию со дня смерти». М. -Л., 1931. В 1933 кн. вышла еще двумя изд.

Николаевская.

ВИНОГРАДСКАЯ Прасковья Федоровна, авт. воспоминаний.

Бывшая последовательница члена секты «хлыстов», а затем основателя самостоятельной общины А. Г. Щетинина. «Страдания и слезы мои: Записки П. Ф. Виноградской». – В кн. «Материалы к ист. и изуч. религиозно-общественных движений в России». Пг., 1916. Вып. 7. С. 364-368.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 4239.

ВИНОГРАДСКАЯ С.

Авт. кн. «Как жил Есенин» М., 1926.

Розанов.

ВИНОКУРОВА Анна Павловна (1866 – 1933), авт. воспоминаний.

Член РСДРП. «Ткачихи в революционной борьбе». – В кн. «Заре навстречу: Костром. Совет в 1905 г.» Ярославль, 1977. С. 131-132.

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 2. № 3594.

(Продолжение на стр. 71)

Леонид БУКРИН

Заветная мечта команды «Север»

Путешествие

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

20

Если вам не известно, так знайте, наш Уральский шестидесятый меридиан начинается на Северном полюсе и заканчивается на Южном полюсе. Проходит через Центральную Арктику, Землю Франца-Иосифа, Баренцево море, Новую Землю, Карское море, остров Вайгач, Югорский пролив, Югорский полуостров, Северный Полярный круг, Уральские горы, Екатеринбург, Магнитогорск, Казахстан, Аральское море, Туркмению, Иран, Аравийское море, Индийский океан, Экватор, Маскаренские острова, Антарктиду, Южный Полярный круг, и заканчивается Уральский меридиан на Южном полюсе.

Уральский следопыт, декабрь 2007

Мечтали побывать на Северном полюсе

Северный полюс Земли. Нельзя сказать, чтобы члены команды «СЕВЕР» никогда не мечтали о маршруте к этой легендарной точке нашей планеты. Просто вероятность такого события была настолько микроскопической, что мы даже себе боялись признаться в этой заветной, и, как нам казалось, несбыточной мечте.

Однако, занимаясь подготовкой очередной экспедиции, наши пермские друзья получили от авиаторов Хатанги исключительно заманчивое предложение. Оказалось, что ещё в марте этого года вертолётчиками Хатанги был подготовлен специальный ледовый аэродром, обеспечивающий коммерческие полёты с зарубежными туристами. Теперь авиаторы предлагали и нам воспользоваться редкой возможностью: высадиться на дрейфующий лёд Центральной Арктики, чтобы дойти на лыжах до Северного полюса.

Друзья-пермяки не забыли про нас, а упустить такой шанс мы не могли, так как соблазн был слишком велик! Попасть туда, где нет весны и осени, есть только полярный день и полярная ночь, зима и лето, где можно перевести часы и жить на любом меридиане.

На пути к полюсу

У северных народов самый большой праздник 22 марта, день весеннего равноденствия, и чем ближе к полюсам, ночь становится дольше зимой, а день — летом. На полюсах 21 марта ещё полная ночь, а 23 марта уже полный день. Весны и осени не бывает.

От Северного полюса можно идти только на юг.

На полюсе за 1 минуту можно пройти все меридианы Земли.

На пути к полюсу нам неоднократно попадались полыньи глубиной 4 км — трещины, которые приходилось часами обходить или переправляться через них. Торосы в Ледовитом океане — коварные враги всех путешественников, от них нужно держаться подальше. Если

выбора совсем нет, начинаются для всех мучения и страдания.

На наших глазах льдины сталкивались друг с другом, образуя новые торосы, тысячи тонн льда и снега напирали друг на друга. От медленного сжатия льдин слышался треск, гул и стук под водой.

Бывают случаи, когда льдина поднималась от столкновения, торцом уходила под воду и в таком состоянии вмерзала. В Арктике были случаи, когда подводные лодки на глубине 80 м наткнулись на льдины.

Сбылось!

Команда «Север» пришла на лыжах на 90° северной широты. Это событие совпало с днём рождения Д. В. Тиунова — штурмана нашей команды. В ту ночь навигационный прибор в его руках показал 89,999°

северной широты, у прибора погрешность 10 метров. Мы развернулись цепью и взялись за руки, чтобы один из нас как можно точнее оказался именно на Земной оси. Дима крикнул: «Стоп! Мы на Северном полюсе!». Мы бросили рюкзаки, закричали «Ура!». Ю.А. Федоров из рюкзака выдернул флаг России и воткнул его в воображаемую Земную ось. Эти минуты на вершине планеты не забудутся никогда. Главный пожарник из Перми, полковник Ю.П. Криворук, заставлял нас исполнять дубли перед замёрзшей видеокамерой, кричал: «Не прячьте обмороженные лица!».

Сбылось. Ведь совсем недавно мы о полюсе только мечтали, каждый про себя. И вот он, момент истины. В три часа ночи 20 апреля в день рождения Димы Тиунова мы установили палатку на Северном полюсе, а наша льдина медленно плыла в сторону

Канады. За один час её относил около 600 метров. На маршруте бывало, что за ночь нас относил от 5 до 10 км и всегда в разных направлениях. Иногда нас несло по направлению к полюсу, а иногда и обратно, откуда мы пришли.

Ближайшая от Северного полюса земля через 900 км — остров Гренландия и Элсмир, на 100 км дальше Земля Франца-Иосифа и Северная Земля.

В экспедиции Амундсена 12 мая 1926 г. на Северном полюсе отмечали день рождения Линкольна Элсуорта, когда они с Нобелем летели на воздушном шаре с Земли Франца-Иосифа на Аляску.

Когда к нам прилетел вертолет, наша льдина дрейфовала от полюса почти 10 км за 16 часов. Когда мы летели на вертолете, под нами плыли паковые поля дрейфующих льдов. Паковый лёд — это многолетний лёд, который замерзает зимой снизу, а летом верхний слой превращается в лужи. В толщину он достигает 10 метров. Страшно представить, тем более, оказаться там, когда такие льдины начинают двигаться друг на друга. Это настоящее буйство стихии.

Под нами проплывали места, где мы ставили палатку, те же торосы и полыньи. Мы прощались с этим удивительно сказочным миром холода, с вздыбленными, ослепительно белыми льдами и черными реками. Жутко подумать, если бы кто-то из нас свалился в эту чёрную реку глубиной 4 км, в котловину Амундсена.

Через час мы были на ледовой базе с позывным «Борнео». За наше отсутствие аэродром дрейфовал около 70 км в разных направлениях в 150 км от полюса. На базе было около 110 человек. Это летчики, туристы, парашютисты, корреспонденты, иностранцы — для них каждую весну в марте готовится этот аэродром в Центральной Арктике.

На базе был и путешественник Райнхольд Месснер, он испытывал парус, но что-то у него не получилось, в торосах сломал ногу. До этого он покорил все гималайские восьмитысячники в одиночку. Была и женская команда «Метелица» из Москвы с руководителем Кузнецовой, был и Чуков с командой из Томска, они в 1991 г. впервые автономно дошли от Северной Земли до

Северного полюса. На ледовой базе мы подождали всего час, и нас посадили в самолёт вместе с командой «Метелица». В самолете мы с ними обменялись вымпелами. Они готовились к экспедиции в Антарктиду.

Два часа на Ил-72 мы летели до Северной Земли. На острове Среднем в архипелаге Седова гостеприимные полярники даже не успели попить нас чаем, как мы сели на тот же самолет и улетели в Хатангу. Там нас встретил начальник аэропорта Бахметьев. На самолете Ил-18 мы полетели в Москву. В солнечную погоду было видно северную тундру, славящуюся своими озерами, были видны знакомые нам хребты Полярного Урала с горой Манарагой.

Командой «Север» от ледовой базы с позывной волной «Борнео» по Центральной Арктике до Северного Полюса пройдено за 9 дней 190 км.

Руководитель команды «Север» из Перми — Юрий Фёдоров.

Состав команды из Перми: Леонид Бойченко, Илья Крендель, Юрий Криворук, Валерий Подольяк, Иван Светляков, Сергей Шадрин.

Из Екатеринбурга: Евгений Сорокин, Дмитрий Тиунов, Леонид Букрин.

В 2008 г. команда «СЕВЕР» готовится достичь на лыжах Южного полюса Земли.

«Терпение да пение — лучшие добродетели полярников» — слова Георгия Ушакова, исследователя Северной Земли 1932—1934 гг. В архипелаге — могила Ушакова. Его прах привезли из Москвы и похоронили на Северной Земле. Рядом, на острове Среднем, музей первым полярникам.

Приоритетный национальный проект «Образование» Министерство общего и профессионального образования Свердловской области Региональный центр медиаобразования Комплексный проект модернизации образования

История Урала через историю семьи, через судьбы наших земляков-уральцев в документальных сериалах «Родославная» и «Большой космос: уральские страницы»

Проект «Эпоха»: соприкосновение с судьбами

В 2001-м году у меня вышла книга «Космос. Ракеты. Судьбы», где я рассказал об уральских страницах космической эпопеи, о людях и предприятиях, внесших большой вклад в познание космического пространства. Эта тема показалась мне интересной и актуальной по нескольким причинам. Во-первых, об уральском космосе почти ничего не было известно из-за крайней секретности отрасли. Во-вторых, при «вхождении в тему» оказалось, что уральцы могут гордиться тем, что сделали для отечественной космонавтики — весьма значителен их вклад в советскую и российскую космические программы. В-третьих, люди, с которыми я соприкасался во время работы над книгой, — уникальные специалисты, колоритные талантливые личности.

Первая глава книги посвящена пионеру космонавтики Ари Абрамовичу Штернфельду, в годы Великой Отечественной войны оказавшемуся в эвакуации в северном городе металлургов Серове. Человек уникальной судьбы, он оставил большой

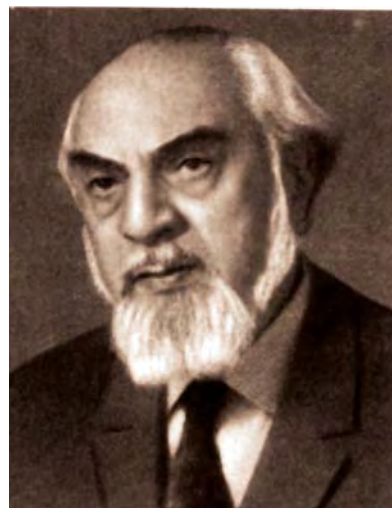
след в истории изучения проблемы межпланетных полетов.

Рассказывая о А. Штернфельде, я ссылаясь на статью серовчанина Г. Гулина, опубликованную в местной газете еще в 70-х годах прошлого века. Пытался найти автора, но неудачно. Может быть, плохо искал.

Я и забыл об этом, однако случай неожиданно свел меня с Геннадием Ивановичем. Дело в том, что летом этого года стартовал медиапроект «Эпоха», в рамках которого предполагается сделать несколько фильмов, раскрывающих историю Урала, его известных людей, городов. Родилась идея рассказать и о космической летописи Уральского края. Так мне снова пришлось вернуться к серовской истории.

Я начал писать сценарий, и, представьте, съемочная группа нашла Геннадия Гулина. Мы встретились с ним в Серове, в его небольшой квартирке в старом кирпичном доме.

Гулин рассказывал о том, как Ари Абрамович преподавал в металлургиче-

Ари Абрамович Штернфельд (1905–1980), автор научных и научно-популярных трудов по космонавтике

ском техникуме, как жил в суровое военное время, с каким увлечением, наконец, говорил о будущих полетах человека к другим планетам.

Ирина Соловьева — дублер Валентины Терешковой

Геннадий Гулин

— Не скажу, что его идеи увлекли нас очень сильно, — вспоминает Г. Гулин. — Воплощение его идей казалось далеким будущим. Но позже я осознал: он понимал перспективы космоплавания и был уверен, что человечество на пороге новой эры — космической. Через тринадцать лет, 4 октября 1957 года, его предвидения сбылись.

После войны Г. Гулин разыскал А. Штернфельда. Так начался новый этап их дружбы.

Учитель и ученик, они переписывались до последних дней жизни ученого. Бывший учащийся металлургического техникума был в гостях у Штернфельда, присутствовал на его юбилеях.

Есть ли в их дружбе закономерность? — задавал я себе вопрос во время встреч с Геннадием Ивановичем. Мне кажется, есть. Гулин — человек неординарный, творческий: играет в шахматы, сочиняет частушки, стоял у истоков городского краеведческого музея, написал несколько книг о развитии туризма в родном городе, создал музей спортивной славы серовчан. Стремление к постижению нового и объединило Гулина и Штернфельда.

Проект «Эпоха» открывает такие необыкновенные человеческие судьбы, яркие личности. И это замечательно.

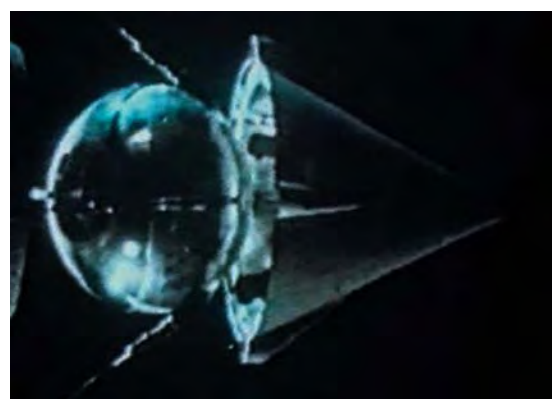
А Серов оказался и впрямь космическим городом. Здесь проходил срочную

службу в армии сотый космонавт Земли Виктор Савиных, здесь работала Ирина Соловьева — дублер Валентины Терешковой.

В городе металлургов умеют хранить память об их пребывании на Северном Урале. Подборка материалов о Штернфельде есть в городском историко-краеведческом музее. Дочь Гулина, Галина, редактор газеты Серовского металлургического завода, стала подлинным пропагандистом творческого наследия Ари Абрамовича, не раз публиковала материалы о нем, рассказывая землякам о выдающемся ученом. Многие годы дружеские отношения с дочерью Штернфельда, Майей, поддерживает директор заводского музея Эльвира Решетникова.

Соприкоснуться с судьбами этих людей мне помог проект «Эпоха», создаваемый для образовательного телепроекта «КАМЕРТОН». Он реализуется в рамках комплексного плана модернизации образования, приоритетного национального проекта «Образование» при поддержке Министерства общего и профессионального образования Свердловской области и участия Регионального центра медиаобразования. Проект только начинается, и, значит, нас ждут новые встречи с интересными людьми, их судьбами и делами.

✉
Андрей Дунашин

**Подробнее о телепроекте «Камертон»
читайте в журнале «Образование. Медиа. Общество.
Пространство сотрудничества»
и на сайте www.omo-ps.ru**

Алексей ЛЕВЧЕНКО

СТРОИТЕЛИ БАЙКОНУРА

4 октября 2007 года исполнилось пятьдесят лет со дня запуска первого в мире искусственного спутника Земли. С этого момента начался отсчет практического времени по освоению космоса.

Юбилей

РЕКА ВРЕМЕНИ

В.К. Полищук

В.В. Ведерников

Ф.Л. Жеберляев

В.Ф. Пашкин

Строительство космодрома Байконур и многих сооружений, строящихся по программе освоения космического пространства, стало значительным событием XX века. Ведущая роль в их создании принадлежала военным строителям Министерства обороны СССР.

Во время Великой Отечественной войны, показав свои огромные возможности, широко применялась ракетная артиллерия. В конце войны в авиации ряда армий для достижения сверхзвуковых скоростей стали появляться самолеты с реактивными двигателями. Началась смена главного оружия войны.

Для создания новейших образцов оружия и техники, их испытания необходимо было построить полигоны, ракетные базы и космодромы.

13 мая 1946 года И.В.Сталин подписал постановление СМ СССР № 1017-419 «Вопросы реактивного вооружения», а в 1947 году лично нанес на карту точки будущих ракетных баз и полигонов. Его красный карандаш сделал отметку и на казахстанском поселке Тюра-Там (Байконур). Чуть позднее красные точки появились на карте с названиями Капустин Яр, Плесецк, Свободный и др. Через короткое время красные точки превратились в огромные стройки, где возводились объекты нужные для реализации самых смелых замыслов — не только для испытания современ-

ных видов оружия и техники, но и для освоения космоса.

Площадка для строительства космодрома в Байконуре настолько была подходящей «технологически», что не остановило даже то, что она находилась на голом месте. Отсутствовали людские ресурсы, электроэнергия, были малы залежи необходимых инертных строительных материалов, слабы мощности заводов строительных изделий и полуфабрикатов. Отсутствовали автомобильные и железные дороги, предприятия пищевой промышленности и быта.

Расположение космодрома приблизительно к экватору способствовало увеличению скорости полета ракеты на восток за счет использования скорости движения космодрома вокруг оси планеты Земли. Малонаселенность района была необходима, ибо зоны падения отработанных ступеней ракеты по условиям техники безопасности, должны быть пустынными. И, наконец, отчуждение земель под строительство не наносило ущерба народному хозяйству страны.

12 февраля 1955 года было принято постановление правительства о строительстве полигона в районе станции Тюра-Там.

Возведение комплекса, ставшего потом всемирно известным космодромом, было возложено на военно-строительную организацию, на Главное управление специального строительства Министерства

обороны (ГУСС МО), а персональная ответственность возлагалась на главного инженера главка, впоследствии Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Михаила Григорьевича Григоренко, которого мы, и не только военные строители, называли просто МГ. Первоначально Байконур создавался как полигон для испытания боевых межконтинентальных ракет. Там уже с 1954 года велись работы по освоению научно-исследовательского полигона НИИП-5 по созданию экспериментального ракетного комплекса «РС-10». Он предназначался для проведения летно-конструкторских испытаний новой МБА «легкого» типа УР-100 (главный конструктор В.Н.Челомей).

Наличие ракет разных модификаций требовало создания на полигоне и различных стартовых комплексов. Испытывались новые ракетные комплексы, их усовершенствованные варианты и ракетные установки.

Генеральной проектной организацией был 31-й Центральный

Алексей Васильевич Левченко, генерал-майор в отставке. Бывший заместитель командующего войсками Уральского военного округа по строительству и расквартировке войск. Председатель фонда Г.К. Жукова.

Г.И. Маренков

В.С. Малолетнев

Запуск межконтинентальной ракеты

институт проектирования и специального строительства Министерства обороны (31-й ЦИПСС МО). Поэтому и ходила легенда, что Байконур «родился в 31-м институте». Руководил этим институтом продолжительное время генерал М.П. Климов.

В начале строительства ветераны Великой Отечественной войны составляли большую кагорту руководителей, прошедших жестокую школу войны. Они создавали на стройке особый климат ответственности, четкости и обязательности. Это было подхвачено уже молодой сменой и приносило свои хорошие результаты.

Военные строители Уральского военного округа принимали самое активное участие в строительстве космических объектов. На их плечи легла вся тяжесть первых, самых трудных лет создания космодромов и других сооружений. Несмотря на сложнейшие климатические условия, эти сооружения возводились в самые короткие сроки.

Секретность была едва ли не самым главным признаком жизни и работы на космических объектах. Она добавляла еще ряд неудобств в работе и создавала уникальный технологический климат.

Время внесло большие коррективы в биографии участников этих великих строек, но история хранит память об их славных делах.

В Екатеринбурге в настоящее время проживают активные участники строительства. В свое время они руководили сооружением многих объектов, строящихся по

программе освоения космоса. Вот их имена.

Генерал-майор в отставке Алексей Васильевич Левченко, полковник в отставке Василий Фомич Пашкин, Владимир Кириллович Полищук, Георгий Иванович Маренков, Виктор Васильевич Ведерников, Феликс Лазаревич Жеберляев, Виктор Сергеевич Малолетнев и др.

В конце пятидесятых и в шестидесятых годах прошлого столетия автор этой статьи был главным инженером генподрядной военно-строительной организации (УНР-256), которая обустроивала воинские части Забайкальского военного округа (ЗабВО). В том числе строили трассовый измерительный пункт (ИП-13) в районе Улан-Удэ. Он состоял из технической, казарменной и жилой зон. Объект постоянно совершенствовался и реконструировался.

Специальными работами на объекте (сантехническими, электромонтажными и связными) руководил капитан В.Ф. Пашкин – главный инженер субподрядной военно-строительной организации (УНР-148).

Как создатели объекта ИП-13, мы 4 октября 1957 года слушали на командном пункте сигналы первого спутника Земли, а 12 апреля 1961 года – голос первого космонавта Юрия Гагарина.

Начиная с 1966 года, я как главный инженер строительного управления ЗабВО был ответственным за строительство станции слежения, которую мы строили в Мишелевке Иркутской облас-

ти – (автор академик А. Минц). Специальными работами на этой огромной стройке руководил подполковник В.Ф. Пашкин – начальник УНР-148. Оба объекта – ИП-13 и станция слежения в Мишелевке – и в настоящее время работают в схеме освоения космоса.

Военно-строительная организация строительного управления УрВО – УНР-296 была расположена в г. Челябинске. В шестидесятых–семидесятых годах она построила все необходимые объекты (жилой, казарменный городки, технические здания и аэродромные сооружения) в Кустанае и Троицке для размещения авиационной части поисково-спасательной службы, которая и в настоящее время выполняет работы по поиску и доставке спускаемых космических объектов.

60-е монтажное управление (60-УМП) силами своих сантехнических, электромонтажных и связных организаций, а их доходило до десятка, участвовала в производстве специальных работ на объектах Байконура, Кустаная, Троицка, Джесказгана, Караганды, Енисейска, Чебеньков и на многих других стройках.

Правительство высоко оценило участие военных строителей в сооружении объектов для освоения космоса. Многие из них награждены высокими правительственными наградами. Многих уже нет в живых, но вечным памятником им будет дело, в которое каждый из них вложил часть своего сердца.

Пишите письма!

11.

Рассказ моего друга надо выделить особо. Кто знает, не будь его, возможно, не было и этой повести.

— Мы тогда работали на поставки в Гвинею, — начал Сашка. — Вот ты меня встретил с макакой на плече. Знаю, не твоя, но я о том говорю, что ваш пароход — громадина, есть где разгуляться, и у владельца обезьяны наверняка в каюте простор. Условия! А возьми наш тралец? Разве это масштабы? Хотя и у меня, сам знаешь, тоже своя каюта, да весь пароход-то с гулькин нос. И всё-таки я обзавёлся человекообразным приятелем.

Он перевёл дух, повозился под одеялом и продолжил.

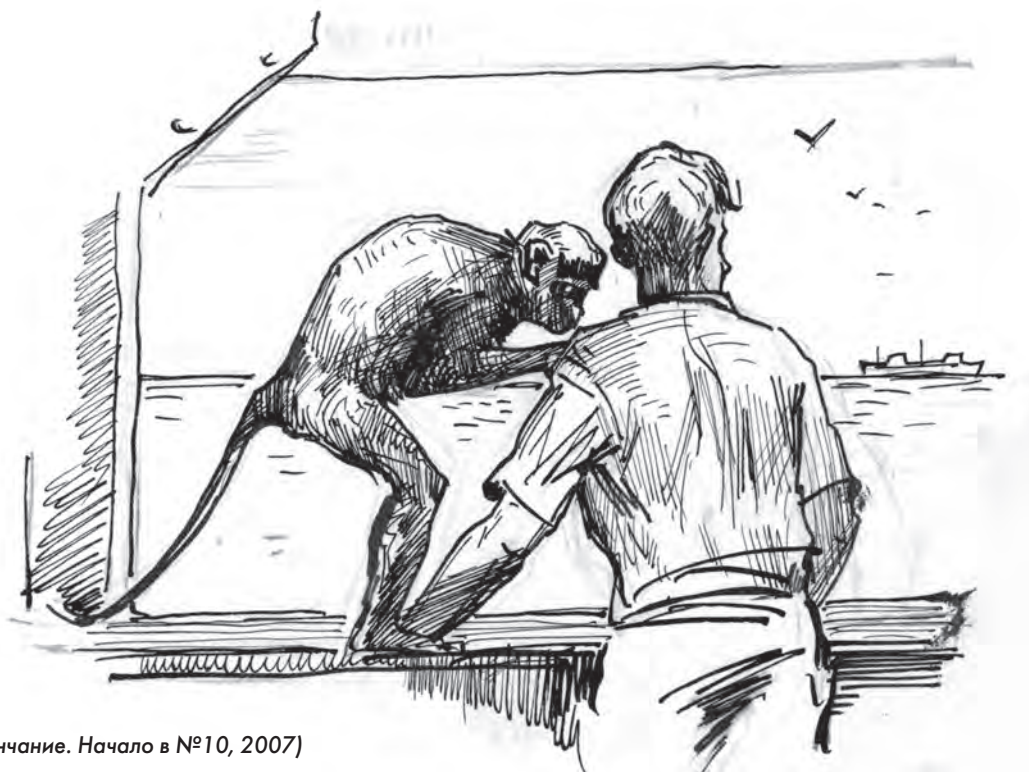
— Приходим как-то в Конакри. Поддали, естественно. Ночью просыпаюсь среди манго и ананасов и слышу, что где-то кто-то плачет. «Уж не повернулся ли по пьяне?» — думаю. Нет, точно кто-то ревёт. Где?! Вылез наверх, а там среди коробов мартышка на цепи, к тумбе пристёгнута. Обнёс цепь, размотал, а на ней ещё и пояс — проволочный обод, поясницу натёр животине. Рванул я цепь — оторвал от тумбы, принёс её в каюту и плоскими перекусил проволоку. Как он, мартыш этот, закричит, как заскачет! Кинулся ко мне, гладит ладош-

кой щеки, а после снова прыжки, снова кульбиты по всей каюте.

Так я и не дознался, как он попал к нам. Зажил мартыш у меня. Назвал, как обычно, Яшкой. Уникальный был мужик. Умница. Кроме меня, никого не признавал. Ни капитана, ни помощников, ни матросов. При любом окрике, угрозе — шасть ко мне, к ноге прижмётся, обовьётся вокруг неё, знает, что под надёжной защитой. Конечно, шkodил всюю. Оставишь сигареты — всю пачку разберёт, табак ладошкой развеет. То же и с чаем. В тот первый раз дал ему крупный манго, так он мне так подушку вывозил, до конца рейса не отстирал. Смеху было, когда он первый раз посрал: выставил зад в иллюминатор и навалил на пожарный ящик. Потом приспособился с планширя — прямо в море.

А уж прохиндей был, таких поискать.

Сгребёт карандаши в кулак, резинку сунет за щеку и — драла. Я за ним, а на трёх ногах далеко не убежишь. Так он мне по карандашику кидает и смывается, пока я подбираю. А то сдирал резиновые колпачки с пульта управления радиостанцией «Рейд». В гирокомпасе напряжение на корпус сто двадцать семь вольт. Провели от него проволочку под колпачками. Как он схватил, да

(Окончание. Начало в №10, 2007)

как закрича-ал! Совсем по-человечески, но к «Рейду» с тех пор не подходил.

Сашка перебрался к борту, закурил. Я последовал его примеру.

— Я на вахту, — он со мной, — продолжил Сашка. — Я с вахты, он вскакивает мне на плечо и едет до каюты. Я его, между прочим, яйца есть научил. Очистил как-то и скормил кусочками, но он после этого и сам мигом освоился обдирать скорлупу. Только макал не в соль, а в масло. Матросам это не нравилось. Шуметь начали, а я им: «Да он, мариманы, чище вас!» Стал я масло класть для себя на отдельную тарелку. Сам мажу на хлеб с этого куса, а он мажет яйцо и слизывает, пока не надоест. А в обед у меня из борща мясо вылавливал. Я рявкну: «Отдай мясо, прохвост!» Иногда отдавал. Это когда улавливал настоящую строгость в голосе.

Сашка выбросил окуроч, задумался, припоминая.

— А спал сидя. Сам научился свет включать-выключать. А то сядет ко мне в изголовье и начинает перебирать волосы. Каждый волосок переберёт! Были бы у меня вши — вывел бы, точно. И вот чувствую, что перебирает всё медленнее, а потом разом — всё: упал и — храп. Здорово храпел. Я ему: «Яшка, не храпи!» Вскинетя и давай гладить мне щеку или усы. Потом опять засыпает. Дверь, кстати, тоже сам научился открывать. Повиснет на ручке, отождмет вниз, а потом на ней и въезжает в каюту. И воду пил из-под крана... — Сашка вздохнул. — Нажмёт педальку и сосёт.

— А где он сейчас? — спросил я.

— На дне, в синей туманной мгле. — Сашка перебрался под одеяло. — Кок его не любил, а Яшка как-то заскочил на камбуз. Ну кок и кинулся на него с секачём. Тот от него рванул и — за борт. Утоп. Плавать обезьяны не умеют. Матросы коку Яшку так и не простили. Изводили до конца рейса и тоже чуть до кандратия не довели.

Саша замолчал, сунул руки под голову и уставился в небо, усыпанное гроздьями звёзд. Под нами, в железном чреве тральца, глухо и деловито настырничал, что-то доказывая самому себе, тудяга-двизжок, бормотала за бортом, жалуюсь всему свету и страдая вечной бессонницей, вода. Будто оправдывалась, что не виновата в смерти Яшки, потому что во всех бедах на море виноваты сами люди...

— Ты как будто хотел рассказать про пацана, про Максимку, — напомнил я.

— К тому и веду, — очнулся Сашка. — Это было предисловие.

Он сел, по-турецки сложив ноги и накиннув одеяло на плечи: ночь посвежела.

— Постепенно, за временем, за работой, история с Яшкой забылась, а после — домой, а из дома снова назад, но уже в соседнюю Гвинею-Бисау. Рядом вроде, но похоже и не похоже. Хреново живут негры, вовсе нищие. Кто имеет хоть капельку власти, помыкает теми, кто этой капельки не имеет. Мы ловим рыбу для них, а они её ну буквально растаскивают, а ничего поделывать не можем. Своя рука — владыка, а рука та не наша, ихняя.

— Вот ты про вашего Айболита рассказывал, — сказал он, помолчав. — И санитарка у вас, и стоматолог есть, и рентген даже, а у нас один доктор — я, старпом. Должность обязывает. Со всяким приходилось сталкиваться, так что, учти, в медицине я что-то петрю. А теперь насчёт Максимки. Его вообще-то звали Абубакаром. Стоим мы однажды в Бисау после очередного заплыва. Там рядышком куча островов — Болама и Бижагош. Ползаем возле них неделю, а потом в порт гребём. Ну, значит, подали верёвки на бережок, народ портовый собрался у трапа. Ждут момента, когда при разгрузке можно урвать из ящиков рыбку-другу. Вижу в сторонке мальчишку. Лет ему так... ну девять-десять, не больше. Чумазый, и это при всей его природной черноте, в рванье замызганном, а но-оги... сплошные болячки и струпя. В глаза ему хоть не смотри — вся мировая скорбь в них. Нет, Витя, этого словами не передать. И знаешь, зло меня взяло. Вспомнил Яшку и думаю, коли я с обезьяной, значит, по-человечески, то с человечком этим тем более надо что-то придумать, ну по-людски.

Сошёл на причал, за руку его и в каюту. Сначала накормил малость, а потом приступил к лечению. Главное, думаю, убрать омертвевшие ткани. Ты не поверишь, но в его болячках черви копошились! Буквально! Позвал матросов-добровольцев. Они его держат, он визжит, а я режу по живому. Ковыряюсь — мутит, тошнит, но держусь. Народ на причале визг слышит — всполошился, а я ноль внимания. Новое лезвие на спичке накалю и продолжаю кромсать. Закончил, обрезал, что мог, вычистил, мазью Вишневского всё законопатил... О, спасибо Вишневскому за его мазь. Памятник ему надо поставить. Да ему и поставили.

— Как же ты с ним объяснялся? — спросил я.

— Я, Витя, за последние годы немного наблатыкался по ихнему. Нахвтался словечек английских, французских, испанских. В Бисау португальских. А что словами не скажешь — на пальцах. Так и народу на причале объяснил, что к чему, ну и пацана предьявил в повязках. А после привел его обратно в каюту, всякую мелочь протёр спиртом, йодом смазал — это на животе, в основном, водой сполоснул, где мог. Словом, сделал профилактический ремонт. Даже приодел. Дал кое-что из чистой рабочей одежды, а трусы, майку — из личной. Пока стояли в порту, он так же, как мы сейчас, в неводе обитал. Я ему повязки менял ежедневно. Тогда он и стал у меня Максимкой, как у Станюковича в том фильме, где Борис Андреев матроса играет. Засобирались в море, я ему бинтов дал и цинковой мази. Показал: «Мажь и привязывай, как я делал». Он, Витя, сунулся ко мне... прости за сравнение, как Яшка. Прижался и — по-русски: «Папа старпом, папа старпом!» До слёз разжалобил.

— Взял бы и усыновил...

— Представь себе! — вскинулся Сашка, отбросив одеяло. — Было такое намерение. Он же не отходил от меня. Мы — в порт, а он уже на причале: «Папа старпом, здрастуй!» Но, брат, чего нельзя, того нельзя. А была бы возможность, что бы я Манюне сказал? Нет,

Витя, хреново мир устроен. И то ладно, что вылечил мальчика и подкормил. Да и не был я больше в Бисау. С тех пор всё на Анголу работали.

— А как в Анголе?

— Да то же самое. С той лишь разницей, что там постоянно воюют. Мы же сюда пришли из Луанды. Та же сардина там, и те же негры, только почти все с «калашами». Один такой крепко меня на рынке выручил, когда ихние «нехорошие парни» начали меня брать за жабры. А вообще... Тоже воруют, тащат всё, что ни попадя. За всем нужен глаз да глаз. Знаешь, — он оживился, — там наши подлодки торчат на боевом подводном дежурстве. Бывало, всплывёт ночью такая шука возле нас, и начинаем ченч. В темпе, конечно. Мы им — рыбу, они нам — спирт. Но, понятно, при условии, чтобы рядом не было никаких засранцев-иностранцев.

— Кого они там... дежурят? — удивился я.

— Кого надо, того и дежурят, — засмеялся Сашка. — Военная тайна! У Брежнева спроси. Лёня тебе всё растолкует. В Анголе, Витя, есть кое-какие кораблики с пушками. Офицеры на них тоже расейские камрады. Форма ихняя, ангольская, а бороды наши, и мат-перемат наш родной. Без него негров ничему не научишь. Будешь сочинять эти, как их — мемуары, на матершину особенно не налегай, хотя без неё полной и достоверной картины не получится: на ней не только флот стоит, вся Россия держится. Я когда на курсах учился, нам и грамматику немного давали. Преподаватель — старик. Вот он нам и говорил про русский мат как про основу основ жизни и социалистического общежития вообще. Даже стишок привёл в назидание. Как он там, погоди... Еб... нет, прости, не могу, как он. Я тебе стих по-своему переиначу — поймёшь.

*«Такая» мать для русского народа,
Как масло в кашу, как мясо в щи!
«Такая» мать нам строить помогает,
«Такая» мать врагов уничтожает.
«Такая» мать не просто мать «такая»,
А так сказать, «такая» мать!*

— Вот и суди сам, на чём держится мощь русского народа. А ты, если сочинительством займёшься, всё-таки палку не перегибай. Некрасиво это, верно говорю?

— Верно... Сочинительством я заниматься не собираюсь, а если соберусь, то... Ну, может, чуток самый. Чтобы, как это у вас, художников, называется, получился сочный мазок в самом нужно месте, где без него не обойтись.

Он взглянул на часы.

— Ого, заболтались! Через полчаса мне на вахту. А ты, Витя, всё же соглашайся на Станюковича.

— Отстань! Надо до пенсии дожить, а там и думать, — ответил, зевая: действительно, заболтались! — А ты, Сашок, поднабей руку в каком-нибудь художественном кружке, чтобы было кому иллюстрировать мои будущие сочинения.

— Ладно, Витя, это я так. Не принимай моих слов всерьёз. Наше дело рыбацкое: по морям, по волнам... до пенсии, а после грызи морковку вместо бананов.

Сашка набросил на меня своё одеяло и ушёл.

12.

Сашка меня не будил, когда подходили к тральцу и забирали навигатора. Поднял, когда показался «Кавказ».

— Пока ты дрыхнул, я отправил бутылочной почтой послание потомкам, — сказал он. — И твою подпись тоже поставил.

— Какую-нибудь чепуху накарябал?

— Конечно, чепуху, но с загадкой. Ребус на вахте сочинил, — признался он. — А дойдёт ли куда, не столь важно. Мы с тобой всё равно не узнаем, даже если кто выловит и прочтёт.

— Твои же кореша-старпомы зацепят своей большой сетью и тебя же обсмеют.

— Пусть смеются на здоровье. Да, кстати, ваши умельцы сообщили, что наши железки — рухлядь и это ещё один повод сваливать в Пальмас. Так что от вашего борта сразу и отчалим на Канары. Там всё-таки настоящая ремонтная база.

— Бананов привези для мартышки, — попросил я. — Вот и откупишься за подделку моей подписи.

— Обязательно привезу, — пообещал Сашка. — А от меня, Витя, прими скромный дар: эти вот яловые сапоги и этот «плащ рыбацкий», как он обозван в моей лицевой счёт-фактуре.

— Взятка, старпом?

— Это подарок от нашего стола вашему столу. Будешь вспоминать меня в мокром трюме и на дождливом берегу.

На том и расстались.

Перебравшись к себе, я не ушел в каюту. Дождалься момента, когда на «Осиновце» выгрузили из стампа железную «рухлядь» и приняли швартовые. Сашка помахал мне рукой из дверей рубки. Я тоже поднял свою. Траулер развернулся и, удаляясь от «Кавказа», вскоре растворился в жемчужно-сером мерцании пасмурного утра.

Уподобившись Чацкому, я сразу попал «с корабля на бал», то есть оказался в рыбцехе, где в это время появилась кое-какая рыба. Позавтракать, правда, успел, а вот новые бахилы в трюме не опробовал. Вышел из сушилки, и первым, кого встретил, оказался хмурый Бурак. Подлечил, значит, раны и кочерыжку. Бригадир ни словом не обмолвился о моём «круизе». Знал, что я был отпущен с высочайшего позволения. Впрочем, нрав его, в общем и целом, не изменился. Отправив меня на подачу к бункерам с сардиной, он через полчаса уже орал:

— Какого хрена, тудыт-растудыт, мало рыбы даёшь! Давай больше, кому говорят!

Я удвоил усилия, а он уже раззорялся у рыбоделов:

— Двумя руками сортировать надо, м-мать вашу! Из-за вас морозилки стоят!

Словом, когда мне пришлось отправиться в трюм, я с великим удовольствием вернулся к бочкам, натиск которых заметно усилился в последние дни. С меньшим удовольствием встретил я и Бычкова. А как же — спаситель! Геракл в авгиевой конюшне второго трюма! Он же сообщил, что меня разыскивает помпа. Дескать, скажи Заякину, если увидишь, пусть зайдёт к нему после смены. Я кивнул: зайду! И потащил шланги в дальний угол, где Бычков ставил бочки на стакан, а заодно и выдирает шкантодёром затычки.

Свой визит к первому помощнику я откладывал не стал. Прибыл к его высокоблагородию сразу же после обеда. Помпа мурыжил меня полчаса. Путешествие на «Осиновце» его не интересовало. О нём он знал от старпома, который сказал, что Заякин был отпущен к другу-старпому с благословения капитана-директора. Его интересовало ночное происшествие в рыбцехе, наша затея с картошкой и ошпаренные яйца Бурака. Ничего нового я сообщить не мог. Да и он был прекрасно осведомлён о подобных пиршествах, поэтому расспрашивал чисто формально.

— Видите ли, Виктор Михалыч, — перешёл он к сути, — подобные случаи, буде они заканчиваются лазаретом, а значит, находят отражение в судовом журнале и, обязательно, в моём рейсовом отчёте, не лучшим образом сказываются и на репутации судна. Я, собственно, пригласил вас к себе, чтобы вы, как старший по возрасту и по опыту, стали в рыбцехе, как бы это сказать... нештатным инспектором по технике безопасности. Я уже говорил по этому поводу с Холодиловым, но, сами понимаете, ему уже на всё наплевать. Последний рейс делает ветеран, пенсия и...

— Товарищ первый помощник, где — я, и где рыбцех? Из трюма я вылезаю, если начинаются хозработы, а если рыбы немного, Бурак ставит меня на подачу рыбы или банок.

— Во время хозработ и нужен глаз да глаз!

— Тогда пусть инспектируют Петя и Дуська, — тут же предложил я. — Во-первых, они старожилы, во-вторых, верные соратники Бурака, в-третьих, просто обрадуются этому назначению, так как и без того постоянно бдят и надзирают за всеми.

— Верно! — согласился он без энтузиазма. — А я как-то не подумал о них.

Чёрта с два, не подумал! Наверняка подумал, и подумал именно о них, а меня просто решил прощупать, как я отнесусь к его словам.

Я уже собирался откланяться, но помпа, резко переложив руль, снова вернулся к Бурачьей промежути. Сказал, что «моя версия» выглядит убедительно, но не согласуется с объяснениями бригадира.

— Так и согласуйте с ним, как вам нравится, а моё дело сторона, — ответил миролюбиво, но уже начиная злиться. — Версия появляется за неимением фактов, а я вам их предоставил более чем достаточно.

— Не слишком убедительных для меня, — пробормотал он, барабанив по столу пальцами в духе афри-

канских тамтамов. — И почему я должен верить вам, Заякин (ого, уже по фамилии!), а не бригадиру, которого знаю давно?

— Тогда зачем вся эта комедия? — задал я резонный вопрос.

— Комедия?! Вот как? Даже так... — и он надул щёки. — Хорошо, Заякин, идите, а я на досуге подумаю... над фактами.

— А получится?! — Я соскочил с нарезки. — Думать тоже надо уметь.

— Вы, Заякин, наглец!

Он вскочил и эдаким королевским жестом указал на дверь: вон!

Я поспешно убрался и, ещё не успевши остыть, был приглашён Петей на фэйф-о-клок. В смысле, на чаепитие в их резиденции, чтобы потолковать... ну, понятно: о бурачьей кочерыжке, а попутно о — «пряниках». Хотелось послать его куда подальше, но не послал. Понял, что враг заходит с тылу и наверняка подослан бригадиром. Да к тому же, по правде говоря, захотелось взглянуть, как устроилось на «Кавказе» это далеко не святое семейство. Уходя в отпуск, рассказывал Генка Бычков, они передавали каюту только в надёжные руки, чтобы, уходя, знать, что их перины, коврики, кашпо, чайники и чашечки, прочие бонбоньерки будут в полной сохранности. В отпуск они ходили редко, а нынче дело к тому и шло.

— То ли семейное общежитие, то ли каюта-люкс на носу! — восхитился я, разглядывая убранство четырёхместки. — Просторно живёте, а я помню время, когда муж и жена могли плавать только отдельно, на разных парходах.

— Когда это было! При царе Горохе, — ухмыльнулся Петя.

Грузная Дуся сняла с электроплитки закипевший чайник и сотворила в фарфоровом настоящую ароматную заварку. Цветастые чашки, сахарница, сухарики и печенье уже грудились на столике.

— А за плитку не нагорит от старпома? — спросил я. — Ведь категорически...

— За нас Борис Анатольевич поручился, — ухмыльнулась и Дуся.

— А я только что от него, — доложил я. — Имел душещипательную беседу.

Петя и Дуся сделали стойку, сразу прояснив ситуацию, но опомнились и слегка засуетились. А вообще они проявили себя большими дипломатами, заговорили о кабинете Саваофа, который, благодаря их стараниям, «стал цветущим садом», что я и подтвердил, сказав, что на Олимпе настоящие джунгли, которым не хватает мартышек или, на худой конец, соловья или канарейки.

— На каком Олимпе? — не поняла Дуся.

— Это я так... не обращайтесь внимания, — уклонился я от объяснений. — У Льва Константиныча я тоже недавно побывал. Мы с ним старые знакомые, можно сказать, с незапамятных времён, когда он ходил старпомом на крохотном «Стриже».

Дуся поджала губы и переглянулась с мужем, а я подумал, что стал приметлив ко всяким таким мелочам. Однако наживка была проглочена. Супруги финтили и сопели, вытягивая из меня подробности разговора с капитаном и помпой. Я ничего не скрывал. Хрустел сухариками, грыз печенье и прихлёбывал чай. Скрывать мне было нечего. Хотите знать? Пожалуйста! И всё-таки главное было сказано Дусей прямо в лоб, без дипломатии.

— Вот что, Витя, если не хочешь закончить рейс со вторым классом, то не залупайся с бригадиром. Понял? — предупредила она.

— То же самое передайте и Бураку, — ответил, опрокинув чашку на блюдце. — Он бугор, я матрос, но классность выводит комиссия. Есть у него претензии ко мне? Пусть скажет открыто, а совать мне под нос кулак вместе с матом я ему не позволю.

— Смотри, тебе жить, — вздохнул Петя.

Я поблагодарил за угощение и вернулся к себе.

13.

Сашка просил «при случае передать привет и наилучшие пожелания соседу Льву Константинычу». Я обещал «при случае», но случай не подворачивался, и конечно же, я не пошел к Саваофу, занятому не первым днём творения, а возней с целой толпой первобытных Адамов. И всё же нас свёл именно случай. Не на Олимпе свёл, а в преисподней, то бишь в мучном трюме, куда никто добровольно не шел, а лишь под конвоем бригадира. Меня «конвоировал» лично Саваоф, с которым мы встретились на палубе.

...В твиндеке второго трюма скопились самые толстые, самые неподъёмные плахи. Те самые, на которые «молился» Пчеловод. Они занимали много места, они просто мешали, и главтехнолог отдал приказ: «Убрать!» Подготовка была возложена на меня и Пчеловода, выполнение боцман поручил старшему матросу. Мы с Валеркой растянули строп под горловиной люка, сложили на него доски и сочли свою миссию законченной. Дистрофик поднял гидравликой тяжелую крышку и крикнул нам, чтобы стропили. Мы ответили, что это не наше дело. Дистрофик, злой и мрачный по причине трезвого образа жизни, матюкнулся и спустился в твиндек. Боцманьятам он не доверял, всё сделал сам и просчитался, ибо пребывал в состоянии, годном лишь для чесания брюха или ковыряния в носу. В общем, дал он тросу лишнюю слабину — «удавки» не получилось, зато получилось то, что и должно было получиться.

Правые стрелы были вывалены за борт, чтобы пронести доски над водой и опустить их в стензель у кормовой тамбучины. Лебёдки успешно (мы помогли в твиндеке оттяжками) вынесли строп из трюма, но он сразу растопырился, а за бортом уже походил на морского ежа. Было видно, что строп доживает последние секунды. Дистрофик понял это одновременно с лебёдчиками. Эти ждали команды, а он промедлил — реакция подкачала. Вот и получилось, что с носовой лебёд-

ки не успели потравить шкентель, а кормовая, чтобы спасти положение, вздумала взять строп рывком и вывалить плахи хотя бы на палубу. Шкентели пошли враздрай, спружили, и доски посыпались в воду.

— Скоро они доберутся до Африки, — заметил технолог, крайне удрученный таким результатом.

— Был Дистрофиком, Дистрофиком сдохнешь! Умственно отсталый, дерьмо безрукое! — во всеулышанье заявил Пчеловод, более технолога расстроенный гибелью любимых пиломатериалов.

И зачем мы только вылезли из трюма, подумал я, когда Валерка получил плюху от сподвижника боцмана, да такую, что его шапка с помпоном улетела за борт. Пчеловод аж крикнул и — это тихоня! — мгновенно нокаутировал противника. Я поопладировал славному удару и поднял руку победителя. Валерка вырвал руку и прошипел: «Да ты оглянись!» Оглянулся я и встретил осуждающий взгляд Саваофа — вот принесла нелёгкая!

— Надо думать, Заякин, что мы видим плоды просвещения? — сказал капитан ледяным тоном. — Так сказать, влияние старшего поколения на молодёжь?

— Плоды развращения! — поправил помпа из-за спины Саваофа.

Появился Бурак. Боцманьята опрокинули на поверженного гладиатора кадушку воды, но верховный главнокомандующий не стал дожидаться, когда тот придёт в себя. Шагнул мимо и спросил у технолога:

— Кто пойдёт со мной в мучной трюм?

Тот обратился к бригадиру:

— Кто у тебя работал там в последний раз?

— Заякина посылал, — поспешно ответил бугор. — Он знает мешки, которые от пшекков, с ихней «Барракуды». Они с жучком, а наши отдельно лежат, в твиндеке.

Но капитан уже шагнул в рыбцех. Я поспешил следом. Бурак — тоже, но в трюм спускаться не стал. Сказал, что пока не может. «Режет в паху», — пояснил он и остался возле люка. Действительно, бугор всё еще ходил чуть боком и нарасшараку. Видно, мешала кочерыжка, а на ляжках — струпя и молодая кожа. Это я узнал от Айболита, когда в очередной раз выводил мартышку на прогулку.

В твиндеке Саваоф задержался.

— Наши? — спросил, пнув крайний мешок. — Точно, проверены на вшивость?

— Технолог утверждает, что наши не заражены, — пожал я плечами.

— Тащи мешки отсюда и отсюда, — получил я команду, когда спустились в трюм. — Эти с «Барракуды»? А эти чьи?

— Эти с поисковика, с «Бахчисарая».

— А те?

— Те с супера... с этого, с «Губертаса БорисА»

— Тоже два мешка бери.

Когда я сволок с верха штабелей теплые мешки и выдернул нитки, покрывшись при этом зелёной мукой, он взял по щепотке из каждого, пощупал, понюхал, помял и вдруг спросил:

— Как отдохнулось у друга?

— Главное, повидались. Всё-таки двенадцать лет не виделись, а что до отдыха... не привык я бездельничать, — честно ответил Саваоф.

— Ишь ты... трудяга! — буркнул он. — Давай, ещё по мешку из серёдки, — а когда я спустил те, на которые он указал, добавил: — Я иногда завидую Александру. Сам бы не прочь прокатиться на малыше, а не смотреть на океан с вершины этого... Эльбруса. Да, Виктор Михалыч, оклад держит и престиж. У нашего боцмана оклад такой же, как у Александра. Конечно, здесь — ответственность, но, если разобраться, где её нет?

— Он просил передать вам, «по-соседски», привет и наилучшие пожелания.

— Спасибо. А ты, Виктор Михайлович, послушай мой совет, — заговорил он не капитан-директорским, а нормальным «человеческим» голосом. — Ты у нас, знаю, человек временный. Ну, сходишь ещё рейс, ну два или три. Это ж понятно — загранвиза! Потом переберёшься в тралфлот или к Александру в Базу океанического лова и снова станешь мастером дОбычи. Но... не зли Бурака. Ну его в задницу. Помполит за него — горой, есть у него и на берегу защита, а я за всеми не услежу, да и некогда мне заниматься твоей персоной. И с Курицыным не обостряй отношений. Дядюшка его — наш хозяин, но он может тебе крови попортить в любой конторе. У него связи. И тогда тебе даже Гвоздили не поможет. А случись что, дядя Котька и мне свинью подложит. Так что пойми меня правильно. Это не совет даже, а просьба: не лезь на рожон. Всё. Полезли наверх.

Будяг и технолог встретили нас у люка и сделали вопрошающие глаза.

— Не страшно! — успокоил их Саваоф. — Вы правильно говорили, — обратился он к технолог, — процент заражения невелик, а на днях мы сдадим весь груз муки на «Балтийскую славу».

— Вот Русланов обрадуется! — не выдержал я.

Все трое покосились на меня, но ничего не сказали.

14.

Бурак объявил хозработы.

Что ж, любая работа — работа. Бригада жила по принципу, о котором я заявил Бураку в начале рейса: нам что плоское таскать, что круглое катать. Сейчас предстояло таскать «плоское» — коробки с бака в рыбцех. Плоские они, пока лежат в штабеле, форму коробок обретут на глазировке, когда их расправят, набьют брикетами мороженой сардины и наклеют этикетки. И мы потянулись в сушилку-раздевалку, чтобы разоблачиться, облачиться и приступить к исполнению.

Пока дежурный, обруганный и оплёванный бригадиром, торопливо заметал веником серебро чешуи, сыпавшей с курток, фартуков и сапог («Точно конфетти на карнавале жизни», — как мимоходом прокомментировал Алёхин), остальные спешили одеться и поки-

нуть раскаленную сауну. Алёхин растопыривал руки и загоразивал выход.

— Господа мариманы, бондари, трюмные и головотяпы, к вам обращаюсь я, друзья мои, испытывая скорбь и недоумение! — зывал он. — Рейс на серёдке, а ещё никто не предложил выстирать мои носки и портянки! Где же святое морское братство? Где взаимовыручка? Носки уже месяц стоят в углу, на самом видном месте стоят, а вы ходите мимо и воротите рыло, даже норовите пнуть их! А если сломаете ненароком?!

— Где стоят? — Котька повертел головой. — Щас пну, и дело с концом.

— На святое посягаешь? — Алёхин, весь олицетворение скорби, всплеснул руками. — Но я не позволю! Буду их защищать, как достояние республики! Я не трушу, я спокоен, я моряк, поэт и воин!

— А где шканто... — Котька запнулся, увидев за спиной Алёхина Бурака, возмущенного тем, что его прихлебатель пустил в ход мой «афоризм», который всегда доводил бригадира, как говорил тот же Алёхин, «до пароксизма гнева».

— А где он, шкантодёр? — закончил Алёхин, но бугор исчез. — Вперёд, чудо-богатыри! — орал Алёхин. — Все на поиски шкантодёра! Найдём его раньше Котьки и всех наших недругов.

Жара была обычной — несусветной, роба раскалённой. Шкафообразный Петя ринулся как танк и смёл

Алехина, за ним ринулись Дуська и все остальные. Мы с Алехиным двинулись следом и последними прибыли на бак, где высилась картонная гора, накрытая брезентом. В её тени боцманята дулись в подкидного. Стащили брезент и принялись: Бурак приказал «разделаться с этой хабазиной до конца смены».

Вереница «кули» потянулась в рыбцех.

Наберёшь охাপку выше головы и шагаешь наугад, прижав нос к стопе картона. Алехин приколол к своей спине табличку: «Не уверен — не обгоняй!», но её было видно, когда мы порожними возвращались на бак, а с картоном... Дороги не видишь, но маршрут давно изучен. Он проторен и не таит опасностей. Главное, не сорваться с трапа, когда спускаешься с бака на палубу.

Когда ополовинили штабель, Бурак забрал половину носильщиков, поручив им другую работу. Мы, оставшиеся, продолжали однообразное хождение туда и сюда с грузом и без него. Монотонность — скверная штука. Сознание еле дышит. Движешься как в полусне и что-нибудь твердишь, чтобы взбодриться. Я мысленно бубнил строчки, привязавшиеся на «Осиновце»: «Но опять и опять лист бумаги белеет... я не в силах прочесть роковые слова... и лежит тот конверт, только скажет едва ли, а в душе...»

Наверное, так и попадают звери в яму-ловушку.

Если судьба — индейка, значит, она безмозгла. Но единственный шанс, готовя пакость человеку, она всё-таки даёт: воспользуешься — выкарабкаешься из беды. Я воспользовался им: «теплый» люк четвертого трюма, мимо которого был проложен наш маршрут и в который я шагнул, не совмещался по вертикали с дырой твиндечного лаза. Это и предотвратило сквозной полёт в места, откуда нет возврата. Но и падение на промежуточный «аэродром», покрытый ледяными наростами, оказался слишком жёстким. Позже Бычков, напичканный киношными репликами, мог шутить по этому поводу: «Прилетели — мягко сели: высылайте запчастя, фюзеляж и плоскостя». Генка и вытаскивал меня из твиндека, что было нелёгкой задачей для такого громоздкого богатыря. Вертикальный железный трапик с прутьями-ступенями заканчивался в квадратном люке, ширина которого не превышала восьмидесяти сантиметров. Приходилось держаться за трап одной рукой, а другой удерживать меня, и хотя снизу ему помогал Пчеловод, с такой задачей мог справиться только человек, обладающий силой подъемного крана.

Когда я снова оказался в лазарете, Айболит меня «утешил», буднично перечислив болячки, полученные в результате «мягкого приземления»: сотрясение мозга, ушиб поясницы, многочисленные синяки. Выходило — туфта, а вот ноги потеряли чувствительность и лежали неподвижно, как колоды. «Полежишь — отлежишься», — заметил доктор, но Лидочка, которая пользовала меня микстурами, мазями и примочками, как-то шепнула, многозначительно приподняв выщипанные бровки: «Отшиблен нерв!»

Меня не утешали, но все пытались шутить. У Саваофа это получилось неловко и даже двусмысленно: «Явилось начальство, пришёл капитан...» Ладно, что не

пропели «вечную память». Колька Алехин тоже добавил «бодрости», заявив: «Ништяк, дядя Витя, тяжело в лечение, легко в гробу». И даже доктор сказал, что пребывание в лазарете входит у меня в привычку. Типун ему на язык!

Хорошо, хоть визитеры не докучали вопросами-расспросами. Даже помпа не лез в душу. Тем более что вопрос, почему люк оказался открыт и не огорожен, как положено, стойками и цепочками, сразу закрыл пенсионер Холодилов. Он видел, как в трюм спускался Котька Курицын. Другой вопрос, почему он, когда вылез наружу, не опустил «тёплую» люковину, предназначенную для того, чтобы в трюм не попадал наружный воздух? Лично я меньше всего думал об этом. Выговор Котька схлопотал, всё остальное Саваоф оставил на усмотрение береговой профкомиссии по технике безопасности, буде такая захочет разбираться в деталях. От самого Котьки ничего не добились. Парень путался, мямлил, а потребовали объяснительную, распустил нюни, и его до поры до времени оставили в покое. Бурак ко мне, как и в прошлый раз, так и не зашёл. Помпа навестил два раза. Сказал, что Курицын в шоке, у него, видите ли, стрессовое состояние. До сих пор не может опомниться и простить себе «жуткую оплошность». Я в эту «версию» не поверил, но ничего не сказал. Моя «версия» была иной. Что если Котька открыл люк специально, зная (или видя уже?), что сейчас Заякин шагнёт в него, так как ни черта не видит перед собой из-за кипы картона? Верить в такую подлость не хотелось, но эта мыслишка постоянно сверлила мозг. Я буквально изнемогал от неё, и потому всё усерднее разминал и массажировал ноги, хотя толку от этого не было никакого.

Бычков принёс мне (тоже шутка?) толстенный том романа «Хождение по мукам», но чтение не лезло в голову, тем более книгу эту я уже когда-то читал дважды, да и фильм ещё не выветрился из памяти. Уж лучше заниматься бесполезным массажем. Спина ещё болела, но я старательно гнул поясницу, стараясь добраться до пальцев. Мне казалось, что если вернуть им чувствительность, то дело сразу пойдёт на поправку. Я щипал их. Хотелось почувствовать боль, но пальцы «не отвечали взаимностью». Когда Лида, а после и Айболит обмолвились о том, что на одном из тральцов погибло сразу два человека, я и это пропустил мимо ушей. Слишком был занят собой и мыслями о своём будущем. Что, если вернусь инвалидом?! Всю жизнь потом, тот огрызок, что мне остался, провести в кровати, кресле или в коляске? Да лучше в петлю!

Пчеловод, забежавший чаще других, сообщил, что Бурак стал шибко нервным. В иные дни чуть ли не ласков со всеми, в другие — чистый Змей-Горыныч. Злитесь по пустякам, не даёт спуска даже Пете и Дуське. Однажды, когда Шкаф работал на закатке банок с пресервами, так на него наорал, что Петя помял несколько крышек и ушёл в гнев с боевого поста. Дуська, конечно, вернула супруга, но факт есть факт — небывалый сам по себе. Но я был слишком занят собой, и все новости, поступающие из цеха, не задерживались в голове.

Я отсыпался днём в промежутках между процедурами, которыми регулярно занимались Айболит и Лидочка. Сам я занимался ногами только по ночам. Ночами я почти не спал. Мешала луна? Круглая, как астраханский арбуз, и жёлтая, как узбекская дыня, она нахально влезала в иллюминатор и застревала в нём. Её свет свободно пронзал лёгкую занавеску. Вдобавок луна была и болтлива. И хотя это был только плеск волн у борта, я каким-то образом увязывал их. Наверное, потому что океан и луна взаимосвязаны друг с другом. Они всегда в одной упряжке. Приливы и отливы, фазы нашего спутника и величина приливов, все эти четверти, сизигии и прочее, в чём вряд ли разбирается толком старпом Сашка, кончивший ШУКС и считавший секстан детской забавой при наличии РНС. Впрочем, я ведь не знаток астрономии и мудрой навигационной науки, а потому ночное светило мешало мне с обывательской точки зрения. Мешало и всё, и с этим я не мог ничего поделать. Видно, и «положение обзывало» — загогулины психики, с которыми я не мог совладать.

Лидочка как-то заметила мимоходом, что капитан, когда имеются пациенты, бывает, заглядывает в лазарет даже ночью. Саваоф появился в третьем часу. Я в это время щипал, мял и, в бессильной злобе, лупил кулаками икры и пальцы, по-прежнему нечувствительные ко всем мерам физического воздействия. Я был в отчаянии, а он прошёл между коек, сел напротив меня и, действительно, стал похож на Саваофа: луна за его загривком превратилась в нимб, охватив голову желтым венчиком. Только уши из-за короткой стрижки торчали, словно ручки у кастрюли. Я сразу прекратил свои манипуляции, а он спросил, почему в лазарете нет никого из медперсонала? Я тут же предложил быстренько сбежать и отыскать хоть доктора, хоть Лиду-санитарку, хоть зубодёршу. Дескать, мне это ничего не стоит. Запросто сбегаю и отыщу.

— Язва ты, Заякин, ох, язва!.. — сказал он и замолчал, опустив голову.

Я включил ночник и лёг: вот принесло его на мою голову!

— Ладно, Виктор Михалыч, не хотел говорить, но скажу, ладно... — Он поднялся, шагнул в глубь прохода и сел в отдалении. — Всё равно узнаешь рано или поздно. Нет больше дружка твоего Александра. Они возвращались с Лас-Пальмаса, и он непонятным образом исчез с судна. Причём не один. Заместитель начальника промысла Толин тоже пропал. Видимо, оба утонули. На «Осиновец» спохватились поздно. Вернулись, обшарили тот район, но пока безрезультатно.

До меня не сразу дошёл смысл сказанного. Нет, я всё прекрасно понял. Саваоф не мямлил. Сказал тихо, но отчётливо. Просто смысл сказанного не укладывался в голову. И тут меня потрянуло точно ознобом.

— Сашка?! — Я сел и застонал.

Мой друг Сашка

— Зря я тебе это выложил. Прости, Виктор, не удержался.

И тут я дёрнулся и согнул ноги. В коленях согнул! Сами согнулись и чуть ли не в подбородок уткнулись.

В отсек вошёл Айболит.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Ноги! — выкрикнул Саваоф, тыча пальцем в мои колени.

— Сашка!.. — повторил я, тоже глядя, как шевельнулись и растопырились пальцы.

— Я сказал ему о гибели друга, — сообщил Саваоф, вытирая со лба испарину.

— Шок. Любопытно... — сказал Айболит.

— Сашка... — тупо повторил я и выпрямил ноги.

— Их всё ещё ищут, Виктор, ищут! «Осиновец» ищет, и все суда, что находятся ближе других к тому району, — поднялся Саваоф и, направляясь к дверям, добавил: — Здесь не северная Атлантика, где тебя угораздило свалиться за борт. Не теряй надежды, Виктор, и ноги приводи в порядок. До конца рейса месяц с небольшим хвостиком. Успевай!

15.

Странное дело, оставшись один, я мгновенно уснул.

Не знаю, когда начинают сниться сны. Сразу ли, как уснёшь, или, как говорят, перед пробуждением. Мне показалось, сразу. Закрыв глаза и... очутился в шлюпке, летевшей над океаном. Сзади, на буксире, другая. Внизу горбатились острые стеклянные волны. Перевалившись через планширь, я глядел в них и, наконец, увидел Сашку. Он плыл с трудом через эти стеклянные заструги, голова моталась, из стороны в

сторону мотался и седой вихорок. Поворот румпеля — шлюпка спланировала к самым гребням, а к борту тут же посунулись оскаленные морды белоглазых слепых акул! Каждый глаз — бельмо. Они разевали страшные зубастые пасти, тёрлись друг о друга боками и лезли ко мне. А Сашка исчез. Пришлось набрать высоту и оглядеться. Ба, Сашка и Айболит сидели во второй шлюпке! Я их окликнул, но они разговаривали и не смотрели в мою сторону. Ну, погодите! Я увеличил скорость всё тем же румпелем — шлюпки помчались: скорее бы показался «Кавказ»!

Сна я не досмотрел. Лидочка разбудила чисто женскими воплями.

— Нашлись! — Она подскочила ко мне и чмокнула в щеку. — На них португальцы наткнулись! Уже передали литовцам, а те идут к нам!

Айболит и старпом Мезенцев, вошедшие следом, подтвердили. Подробностей они не знали, но чиф сказал, что Сашка и Толин пробыли в воде, по словам одних капитанов, шесть часов, по словам других, не то двенадцать, не то четырнадцать. И спасли их якобы японцы. Подвернулся ихний тунцелов.

Что я почувствовал при этих словах? Слабость. При известии о гибели Сашки пружина натянулась до отказа. Она, говоря фигурально, и согнула ноги, спасла их. Шок? Пусть шок. Доктору виднее. Но почему я сразу уснул? Я успокоился внутренне. Да, я успокоился. В самых глубинах души то ли понял, то ли осознал или решил, что Сашка не мог утонуть, исчезнуть вот так, запросто. Ноги — это знак свыше. Коли он снова спас меня, значит, спасёт и себя, как в тот раз. Он не мог допустить того (я тоже!), чтобы Манюня и мальчишки остались одни. А теперь ещё и сон! Как говорится, сон в руку. И слова Саваофа, что здесь не северная Атлантика, добавили уверенности, подтвердили её. Теперь, когда всё осталось позади, пружина ослабла. Вообще лопнула, и я расплылся, как кисель. Попросил Айболита не трогать сегодня моих ног, а Лидочку — не пичкать микстурами. Так и провёл весь день, глядя в сетку верхней койки.

...Они появились вечером. Оба в серых байковых халатах. Точно такой же, мышинового цвета, лежал у меня в изголовье.

Видимо, Сашке успели сказать обо мне, так как он сразу направился к соседней койке и сел, глядя на меня как дух морской, но пока что слабый. Много потратил сил и нервной энергии.

Толин в это время бушевал. Лидочка и доктор не могли его уложить в постель. Совсем ошалел мужик. Тогда Айболит кликнул двух матросов. Те его скрутили. Доктор всадил ему пару уколов, и псих вскоре затих. Тогда Сашку посунулся ко мне. Наши головы стукнулись, как бильярдные шары

— Ну, как же ты, старпом, оплошал? — спросил я.

— Из-за этого мудака, — ответил Сашка, кивнув на «коллегу», который всё ещё ворочался и что-то бормотал. — Обо мне успеется. Вот ты, Витька, как здесь оказался?

— Шёл, подскользнулся, очнулся — гипс.

— Понятно... Витька, утром поговорим. Меня ваш док ещё в приёмной напичкал снотворным. Спать хочу спасту нет.

Он повалился на койку, натянул одеяло и мигом уснул.

Первым проснулся Толин и сразу сделал попытку удрать из лазарета, но за дверями дежурили матросы. Один наш, из рыбцеа, сидел за дверью, второй, «мини-штурман», приглядывал за ним в «палате». Этому, видимо, вменялось в обязанность докладывать на мостик о поведении буйного «утопленника». Тогда Толин кинулся к иллюминаторам, но они были задраены наглухо. Свет давали только два, над Сашкиной койкой. На остальных были наброшены «броняшки». В отсеке теперь постоянно горел верхний свет.

Когда принесли завтрак, Сашка спал, псих лопать отказался, так что я проглотил свою манную кашку и чай в гордом одиночестве и стал ждать пробуждения друга. Он поднялся, когда Толину вкатили новую порцию успокаивающего. Я дал Сашке возможность поесть без расспросов. Впрочем, их и не было. Сашка сам поведал историю своих злоключений. И сам начал с вопроса:

— Ты разве не знал, что этот... — кивнул он в сторону той койки, — с «Кавказа»?

— Откуда?! Я в трюме сижу. Я даже штурманов не знаю, фамилию старпома услышал только на днях.

— Ну ладно, хрен с ним. Он, Витька, представитель промразведки, начальник ихней экспедиции, но он, действительно, шишка на ровном месте и валюту получает по полной программе. Вот и умотал в Пальмас отовариться, а вернуться должен был с нами. Не знаю, что с ним произошло, но, думаю, ещё на Канарах перебрал, а у нас добавил из личных запасов. К тому же, думаю, точно, с башкой у него не всё ладно.

— Ладно или нет, но начальник промразведки Кухоренко ему вставит клизьму. И не видать ему больше ни моря, ни валюты.

— Я тоже так думаю, — согласился Сашка. — В общем, ночью он решил утопиться и смайнался с кормы, а я только-только залёг в невод — понравилось после того, как мы с тобой в нём подремали. И, представь, всё это на моих глазах! Швырнул я круг и бултыхнулся следом. До круга так и не добрался, а его отыскал. Он, зараза, топиться передумал, и я рядом оказался. А корась мой ушёл. На нём так и не спохватились. Так и полоскался с ним рядом. И знаешь, Витька, у меня было желание его утопить. Такая злоба была, ты и представить себе не можешь. На злобе я и держался. Он-то не знаю на чём. Но я его даже подбадривал, а сам думал, вот если нас вытащат, то на берегу я тебе, сволочь, обязательно чушку начищу!

— Кто вас нашёл всё-таки?

— Нас сперва португезы выловили, но эти домой топали и спихнули японцам, а тем литовцы подвернулись.

— Хорошо, что вас акулы не слопали, — сказал я и рассказал свой сон. — Возле нас акулы-молоты табуна-ми ходят. Да все здоровенные!

Акул с крылатыми мордами, действительно, собралось возле «Кавказа» великое множество. Огромные, как на подбор, они всегда появлялись парами, внезапно возникали из глубин и, что там ни говори, были красивы, а их лениво-грациозные движения буквально завораживали меня своей мощью и силой.

— Район промысла, что ты хочешь, — отозвался Сашка. — Тут тебе и помои, и жратва дармовая, вот они собрались до кучи-и, — зевнул Сашка. — В общем, повезло.

Сашка снова уснул и спал до ужина. Даже на обед не поднялся, а вечером подошёл «Осиновец». Саваоф не хотел его отдавать: коли проспали старпома, потерпите еще пару суток до полной реабилитации. Но Сашка настоял и распрощался с нами. Но день тот начался с визита Хижняка и Бычкова, что было чистой случайностью, так как бондарь сразу приревновал Генку к Лидочке. Что-то пробурчав по этому поводу, Хижняк сразу направился ко мне и брякнул на постель миску с нежными, исходящими жиром брюшками скумбрии. Лида, конечно, тут же набросилась на дыхателя и выперла обоих, упрекнув в нарушении санитарии. Мы с Сашкой не успели распробовать угощение, как ввалился... Бурак! За его спиной маячил Котык. Я смотрел на них и ждал, что скажут «гости дорогие». Смотрел и Сашка. Смотрел, пожалуй, с долей любопытства. Как же, был о них понаслышан от меня, а я ему их тут же представил как любимого бригадира и его верного сподвижника.

Бурак обернулся к Котыке:

— Дай-ка эту посудину...

Котык развернул газету и вынул зелёную бутылку из-под алжирского вина.

— Полевая почта! — хихикнул он, подавая её бригадиру.

— Бутылочная, болван! — поправил бугор своего прихлебателя. — Но бутылка другая. Эту, точно такую же, прихватили для достоверности. Вашу на «Омаре» раскокали, когда доставали эту белиберду. — Он швырнул бумажку мне на постель. — Там поломали голову и решили вернуть письмо одному из писателей, а вы тут оба оказались.

— А ваши головы тоже оказались поломатыми? — спросил Сашка. — Так и не допёрли?

— Не допёрли, — согласился Бурак, — потому и принесли, чтоб узнать разгадку.

— А загадка простенька — ре-кбус! — сказал Сашка и сочувственно вздохнул: — Значит, голову надо иметь на плечах, а не бестолковку.

— Ладно, почтальоны. Спасибо за доставку, — сказал я, расправляя листок. — Сколько с нас причитается за доставку?

— На том свете сочтёмся! — ухмыльнулся бугор.

— Нет, почтальоны, мы туда не собираемся раньше вас. Отправляйтесь первыми и — счастливого пути! Пишите письма отшель, а мы, в благодарность за доставку, на этом свете поставим вам свечку, — пообещал Сашка. — Кажется, вы оба заслужили, ась?

Котык что-то пискнул, но Бурак его одёрнул: «Заткнись!»

— Кто кого опередит, это мы ещё посмотрим! — проворчал бугор и обратился ко мне: — Может, хватит прохладиться, Заякин, если ноги шевелятся? Работы невпроворот.

— По этому вопросу обратитесь в компетентные органы, — ответил я.

— Куда-куда-а?

— Раскудахтался! К доктору!

Мы б, возможно, ещё перепирались — развлечение. По крайней мере для меня, но вошёл Саваоф. Бурак и Котык попятнулись к выходу.

— Что за толпа?! — зашумел кеп. — Не лазарет, а проходной двор! Навестили своего подчиненного, Бурак, а теперь идите, идите отсюда! Альберт Карлович, — позвал он доктора, и когда Айболит появился, спросил, могут ли эти пациенты (он указал на меня и Сашку) оставить его наедине с Толиным?

— Да, — ответил доктор. — Оба могут самостоятельно передвигаться. Один лучше, другой хуже, но свежий воздух обоим не повредит.

Мы вернулись в отсек, когда ушёл капитан. Очень раздраженный, между прочим. Он приходил и вчера, но разговаривал, вызвав в предбанник, с Сашкой. Ну, понятно о чём: нужно было во всём разобраться и во всём отчитаться. Толин, кстати, успел прийти в себя, но ни с кем не разговаривал, ни на кого не смотрел, и вообще был какой-то отрешенный, не от мира сего. Понимал, что такой фокус-покус ему не сойдёт с рук. Я сел на койку и наконец мог заняться Сашкиной «белибердой», которую он не показал мне на «Осиновец».

«Всем водоплавающим, кто выловит бутылку и прочтёт эти строчки, спокойной воды и всяческих удач! — читал я Сашкино сочинение. — Мы, Нептун, царь морей и океанов, великий повелитель глубин и рыбьих косяков, владыка Атлантиды и прочая и прочая, предлагаем всякому, кто считает себя истинным мариманом, простенькую задачу. Ответ присылайте моему письмоводителю Хотунцеву А. на срт-р «Осиновец» или его заместителю Заякину В. на п/б «Кавказ». Далее был накарябан и сам «ре-кбус», и накарябан довольно сносно. Сашка изобразил его в такой последовательности: знамя с кисточками и пикой на макушке древка, шпулька с нитками, цифры 5 и 6, перемноженные, как обычно, косым крестиком, веник, кладбищенский крест, топор, колун и две буквы — БД. За буквами Сашка изобразил удочку, вилы и зачеркнутую букву Ы, за ней — редька или свекла (буряк — Бурак, сообразил я) и ещё одна буква — А. Ниже шли наши подписи, координаты тральца, видимо, на момент бросания бутылки в море и число. Даже пост скриптум имелся (P. S.), в котором говорилось, что пусть, мол, не расстраивается получатель, не разгадавший загадку, и не ломает голову: у неё в конце-концов другое предназначение.

— Предлагаешь мне разгадать твою загадку? — спросил я.

— Попробуй, если интересно. А впрочем, можешь выбросить эту белиберду, — ответил Сашка. — Мура

всё это. Нашёл на меня стих, вот и отправил. Я ведь не думал, что бутылку выловят так быстро.

— Разгадал, — сказал я через полчаса.

— Ну-ка, ну-ка!..

— Знамя-нитки пятью-шесть-веник-Крест-топор-Колун-бд. Знаменитый путешественник Кристофор Колумб. Так? Вот только не пойму, зачем ты удочку нарисовал перед вилами.

— А если не удочка, а уДА?

— Уда... удавил, что ли? Удавил Бурака?

Сашка расхохотался.

— Всё верно. Значит, ты, Витька, настоящий мари-ман!

— А ведь письмо-то явно рассчитано на своих, — сказал я.

— Знамо дело, — ухмыльнулся Сашка, — но, признаться, я не рассчитывал, что его выловят так быстро и что оно попадёт твоему бригадиру.

— А он его не разгадает...

— Вот и ладненько. Пусть его удавит собственная злоба, а не «знамянитки пятьюшестьвеник Крестопор Колунбд».

Вечером мы попрощались, и я остался наедине с Толиным. Соседство не радовало. Было что-то тягостное в его присутствии, и я взмолился:

— Альберт Карлович, отпустите на свободу!

Айболит не противился. Конечно, он советовал побыть на «больничном» ещё несколько дней и не спешить в рыбцех, а в трюм — тем более. Но уж слишком надоело мне присутствие рядом этого психа. Очень неспокойно вёл себя Толин. То рвался наружу, то всё время что-то писал. Писал и рвал, писал и рвал. То ли это были письма, то ли рапорты или объяснительные. На меня он не обращал внимания. Я для него не существовал. А с доктором постоянно перепирался. Даже на Лидочку огрызнулся, но она терпела.

16.

Три дня я разрабатывал ноги. Возобновил прогулки с Гратис, однажды помог боцманьям сростить пару каш на «геркулесе», а как-то ввязался в самую, как потом выяснилось, трудоёмкую процедуру. Дело в том, что каждый пневматический кранец состоит из трёх резиновых «сигар», соединённых цепями. Внутри — камера. Накачиваются они сжатым воздухом. Шланг подсоединяется к патрубку с нипелем и... Словом, минутное дело. Но когда лопаётся хоть одна «сигара», возни хоть отбавляй. Чтобы поменять камеру, «сигары» нужно разъединить, но, как правило, резьба у скоб прикипела на ржавчине, а головки болтов сточены от долгого употребления. Не помогает, соскальзывая, даже «крокодил» — громадный ключ с зубастой пастью. И трубу на него насаживаешь, чтобы увеличить рычаг, карячишься так и эдак, а не подступишься. И тогда такую скобу приходится пилить ножовкой. Словом, мука из мук.

Вот за этим занятием (я сам вызвался помочь тезке Витьке Боровику, второму старшему матросу, но ран-

гом поживе в здешней иерархии, управиться с кранцем) меня застал однажды боцман Толя Шелак. Дав нам несколько дельных советов, дракон отозвал меня в сторону.

— Значит, так, Виктор, — сказал он. — С завтрашнего дня ты в моей команде. Хватит тебе карячиться в трюме. Я выкупил тебя у технолога за три бутылки водяры, а в цех вместо тебя отправился Помидор. Болтает много: я такой-сякой, я-я-я! А сам ни хрена не умеет. Согласен?

Конечно, я был согласен и начал обживать палубу. В трюме с моими ногами было тяжело, а палуба для ног — самое то: швартовка, троса, лебёдки и стрелы. Благодарить! Гратис я тоже не забывал. Старая дружба не ржавеет. Док говорил, что хоть и не ревнует меня к своей волосатой красотке, но задумывается о будущем: как ему быть, если он уйдёт с «Кавказа» или я покину его? Я советовал Айболиту перевестись на «Балтийскую славу» к Русланову, у которого имеется великолепный мартыш мужского полу. Амор — не картошка, это верно, но платоническая любовь не устоит против плотской. И меня забудет, говорил я, а может, и вас, Альберт Карлович.

— Ты видел, на какой цепи сидит его мартыш?

— Пока не имел чести, — признался я.

— Завтра будешь иметь: швартуемся к «Славе», будем сдавать пресервы и муку.

— А ведь я знал Русланова, когда он был для меня просто Славкой, — вздохнул я. — О, время, о, старость!

— Ну-ну, Виктор! Будь осторожнее, и старость застанет тебя в добром здравии. Как ноги, кстати?

— Вашими стараниями, Альберт Карлович, я вполне благополучен. Ноют иногда, когда, бывает, слишком долго топчешься и не присядешь. А как ваш утопленник? Я видел, его начали выпускать из лазарета. И почётный караул у двери отменили.

— Успокоился, но замкнулся, — ответил Айболит. — И письма пишет по-прежнему, и рвёт их тоже по-прежнему. То ли пытается в чём-то оправдаться, да сформулировать не может, то ли... В иллюминатор выбрасывает клочки, урне не доверяет. Бойтся перлюстрации.

— Может, стоит выпустить его на свободу? Всё-таки застенки, хоть и больничные, всё равно застенки. В неволе, небось, любой станет угрюмым меланхоликом, — высказал я свое дилетантское мнение. — У него же есть каюта. В ней быстрее оклемаётся.

— Кто его знает... Капитан боится повторения рецидива. Чужая душа потёмки, — пожал Айболит плечами. — Но ты прав. У меня сейчас нет повода держать его в лазарете.

— Тогда...

— Завтра его выпускаем на прогулку. Под присмотром, естественно. Не явным, что будет его раздражать, но издали будет присматривать кто-нибудь из матросов.

Утром, ещё до завтрака, старпом объявил по спикеру каким-то «особенным» голосом:

— Боцманской команде собраться у второго трюма! Живо, парни, живо!

Когда приказывают «особенным» голосом, поворачиваешься в два раза быстрее. Нас это не касалось, но я взобрался на стол и выглянул в иллюминатор: что за срочность внизу? На люке, навзничь, лежала босая фигура в больничном халате. Верхняя часть туловища была прикрыта простыней. Из-под неё натекла тёмная, успевшая загустеть, длинная лужа крови. С палубы её уже смывали из шланга, а Дистрофик сметал венником в совок кусочки мозгов.

Значит, не уследили...

Да, Толин был выпущен из клетки и отправился в радиорубку. Кому давал РДО, с каким содержанием, нам, понятно, не сообщили. От радиста он отправился вроде как погулять по верхнему мостику. Остановился у релингов, курил и смотрел перед собой, не поворачивая головы. Так рассказывал матрос, издали следивший за ним. Всё остальное произошло стремительно. Оставив тапки на палубе, он вскочил на релинги и нырнул вниз головой на люк трюма.

Эти подробности мы узнали позже. Теперь же всё происходило довольно буднично, словно всё было заранее известно и отрепетировано. Боцман давал указания плотнику насчёт гроба, старпом командовал матросами, притащившими из лазарета носилки. Труп унесли в изолятор, кровь смыли, мозги убрали. Судно зажило обычной жизнью.

— Ч-чёрт... — ворчал боцман. — До конца рейса осталось всего-ничего, а он нам такую свинью подложил! Теперь возись с ним и оправдывайся.

Не знал дракон, что скоро появится ещё один «жмурик».

Я потом думал, неужели это мы с Сашкой накаракали Бураку такую нелепую кончину, когда пообещали первыми отправить ему письмо на тот свет? По словам Пчеловода (я в это время перебрался на верхнюю палубу в пустовавшую четырёхместную каюту, но иногда навещал молодого приятеля), бугор, когда сошли с него все болячки, струпья, стал не просто прежним бугром, но ещё более злобным и настырным. Валерка теперь работал вместо меня в трюме, а тузулечкой заправлял Котька Курицын. Но если Валерка успевал и тузулук сварить, и бочки подать к засольной линии, и забондарить их, коли зашивался Хижняк, и, главным образом, отправить готовые кадушки в трюм, Котька почти не появлялся у элеватора. Ходил мимо и поплёвывал: не моё дело! Зато Бурак всё чаще и чаще совал башку в приёмное окно и поливал Пчеловода матом, ещё хлеще, чем меня. Это его и погубило.

Дико погиб Бурак. И глупо. Как это случилось, мне рассказал Колька Алёхин.

Когда бригадир в очередной раз сунул голову в шахту элеватора, какой-то болван включил механизм. Алёхин, работавший поблизости, услышал дикий крик и... Словом, он успел вырубить элеватор и даже на короткий миг пустил его на обратный ход, после чего выволок Бурака из окна. Тележки сплющили голову и сняли скальп с головы бригадира. В лазарет его доста-

вили ещё живым. Айболит пришел ему уху и сказал якобы: «Не в силах здесь наше искусство...»

Генка Бычков вспомнил аналогичный случай, когда другого такого растяпу спасла трепанация черепа и серебряная пластинка, вставленная в основание черепа. Операцию делали в Дакаре. Так ли это было, не знаю. Что за серебряная пластинка? Для чего? За что купил, за то и продаю. В море много чудес, а легенд ещё больше. Мы тоже пошли в Дакар. На этом настоял Айболит. Не добравшись, повернули обратно: Бурак отдал концы, а вскоре лежал рядом с Толиным — в первом трюме на брикетах с мороженой сардиной.

Когда я был мальчишкой и было это, само-собой, во время войны, мы распевали песню: «Шестнадцать ранений хирург насчитал, все раны засели глубоко, а смелый моряк и в бреду напевал: «Раскинулось море широко». Мне особенно нравилось, что он напевал даже в бреду. Нравился наивный патриотизм военных лет: вот какие наши матросы! Теперь эти слова занозой сидели в мозгу, а когда заноза исчезла, стало не до того: рейс заканчивался, кое-кто уже начал собирать пожитки. Хижняк раньше всех. Наверное, за месяц. Он предвкушал. Мысленно он был уже не здесь, а в Белой Церкви, Киеве или других местах, которые упоминал, набивая авоськи. И он стал разговорчив!

Я тогда ещё жил в нашей Г-34, когда бондарь ожил, покинул койку и занялся инвентаризацией своего барахла, тщательно исследуя каждую тряпку, кое-что откладывая в сторону, что-то опуская в новую авоську. Самая большая была набита вяленным зубаном и деликатесом из брюшек скумбрии, тем самым, что довелось мне и Сашке отведать в лазарете. Когда успел? А ведь успел, добытчик! Выходит, надеялся

запросто миновать проходную. Пчеловод заметил, что бондарь запросто пронесёт мимо ментов даже кашалота, если кому-то понадобится кашалот горячего копчения. Хижняк усмехнулся и дал нам по зубану.

— С вас по кружке на берегу, — усмехнулся он и вот тут-то расчувствовался и заговорил, правда не с нами, а со своим барахлом. Сначала с обувью.

В его чемодане нашлось всё необходимое чеботарю: молоток, всевозможные гвоздики, клей, кусочки резины и кожи. Даже «лапа» имелась! Бондарь долго приглядывался к каждому башмаку и укладывал в чемодан или авоську, сделав заключение: «Ещё походят!» При этом он вспоминал, что «эту пару» купил тогда-то, а эту — там-то и тогда-то, что когда всё-таки приходит время расставания с обувкой, он всегда вспоминает за сколько её приобрёл и сколько в ней отшагал.

С одеждой та же история.

Шипел уют, на ладной спине Хижняка равномерно двигались лопатки, а он вёл сам с собой нескончаемый, кажется, монолог:

— Этот костюм я сшил в Белой Церкви. Помню, портной заузил плечи, но я заставил переделать, как надо. В то лето купил идругой, в Киеве. Постой, где же это? — Некоторое время он морщил брови, глядя в иллюминатор, плевал на палец, касался им пода утюга и, вспомнив, снова опускал утюг на мокрую тряпицу. — На площади Калинина. Нет, на Крещатики. Точно. Костюм югославский и уж больно ноский.

А Пчеловод беспокоился за пасаку, оставленную хоть и на знающего человека, но всё-таки, всё-таки... «Но всё-таки это не то», — заканчивал он каким-то тоскливым вздохом. И только мне нечего было вспомнить, кроме семьи, оставленной у чёрта на куличках. И теперь, поселившись отдельно, я иной раз жалел, что лишился этих разговоров, далёких и от моря, и от недавних событий. Наверное, потому они и преследовали меня той самой «занозой». Я видел обоих покойников и пытался сопоставить несопоставимое: «А смелый моряк и в бреду напевал: «Раскинулось море широко». Кой хрен!.. Толин, скорее всего, не успел даже ойкнуть, а Будяг только стонал, когда его несли в лазарет, а по щеке вместе с кровью скатывалась слеза, как у коровы, которой всадили нож в сердце.

Мне, правда, тоже было о чём подумать. На берегу ждал «квартирный вопрос», один из самых скверных вопросов. Перед снятием с промысла возник другой, личного характера. Боцман пригласил к себе, угостил водочкой и сказал, что уходит в отпуск и хочет оставить судно на меня.

— А почему не на Дистрофика? — спросил я.

— На Олега, что ли, Кузнецова? — усмехнулся дракон. — Его списывают.

— Надо подумать, — ответил я. — И если соглашусь, то при условии, что старшим матросом будет Витька Боровик.

— Он тоже хочет умотать к своим белорусам.

— Да-а... «И кинулись в КабЭРээФ отчаянные белоруссы!» — засмеялся я. — А ты его уговори.

— Попробую, но не обещаю. Сам знаешь, как упрямы «отчаянные белоруссы».

Когда я уходил, боцман остановил меня и сказал, что элеватор запустил Котька Курицын. Шёл мимо, болван, и мимоходом, просто так, от нечего делать ткнул пальцем кнопку пуска. Ткнул и ушёл в тузулучку, даже не обернувшись.

— Алёхин видел, — пояснил боцман. — Проворный парень. Хотя и большой шутник, но себе на уме. Болтать не стал, а начальству доложил. Помпа в него вцепился и попросил молчать. И ты, Виктор, не болтай на палубе, — предупредил он. — Начальство сейчас думает, как им быть. Всё-таки родной племяш САМОГО, понял?

— Да, если раскопают, вони будет достаточно, — кивнул ему и ушёл, так и не приняв окончательного решения на предложение дракона.

Было, было о чём подумать. И не о Котьке, само собой, о себе. Боцман, на громадине, вроде «Кавказа», это фигура. Несопоставимая с боцманюгой на среднем траулере, который вкалывает наравне с матросами и мало чем отличается от них. Толя Шелак — барин. Нагляделся за рейс. Конечно, ответственность другая, конечно! Но смогу ли? Толя умел распоряжаться и давать указания. Рабов у него куча. Он редко кричал или повышал голос. Разве только в подпитии, но и пил он редко. Скорее, изредка выпивал. Вот и водка сохранилась до конца рейса, и это при том, что три бутылки выставил за меня технологу. Возможно, приврал, но это уже другой разговор. И вообще речь не о том. Тогда о чём? О том, что после отпуска он вернётся на «Кавказ», а мне, если не обмишулюсь, достанется, на худой конец, роль старшего матроса. Но почему «на худой»? Концы бывают всякие, потому и надо крепко пошуровать, чтобы не остаться с «худым» или уж остаться, по крайней мере, со своим собственным.

17.

И вот... «все кранцы подняты, верёвки скойланы, и роботы старые ласкает бриз-з!» И Сашка подрос на своём «Осиновце», передал письма для Манюни «в собственные руки», и якоря, лязгнув, замерли в клюзах. Стрелы не опускали. У Мадейры нас поджидал «Святогор», который собирался перекантовать в наши трюма груз пресервов. Добрались до него, сардину приняли, а ему отдали Кольку Алёхина «по собственному желанию». Баламут сказал мне, что на берегу ему не хрен делать — надо зарабатывать, а не бегать по кабакам. Помоему, он просто не хотел допросов-расспросов о Котьке и Бураке: доложил как было, а там разбирайтесь сами.

Миновали Бискай, а я так ничего и не решил. Мучали сомнения.

Ответственность увеличивается с тоннажем судна. Я находился в состоянии «и хочется, и колется, и маменька не велит». «Маменьку», в данном случае, заменяли осторожность и здравый смысл. На последний я и надеялся больше всего. Да, здравый смысл и трез-

вый взгляд на свои возможности. С одной стороны и с другой стороны... Наверное, Котька был прав, обозвав меня там, в трюме, сорокотом, когда я был матросом. Но ведь и он, при его молодости и физических данных, не был «находкой для флота», и не был ещё в большей степени. Для боцмана возраст — не помеха. Лишь бы варил котелок.

Я мог представить, о чём думает Саваоф Замаараев, сидя в своём капитанском салоне, увешанном цветами и гирляндами, слушая доклады помощников и принимая решения. Да, я знал его мысли — опыта для такого осмысления и понимания хватало — и был уверен, что ишемия уже не миновала его, а нынешний рейс добавит стенокардию. Старпом тоже мыслит своими категориями. У него свой груз ответственности, возможно, омрачённый нынче мыслишкой, что его капитанство отодвигается на неопределённый срок. А помпа Борис Анатольевич мается партийной ответственностью и оргводами «о несоответствии», мол, не сумел, не организовал, не заметил, не предпринял, не вник, не повёл массы, не, не, не... И думает сейчас помпа о том, как запудрить мозги парткому, как сотворить рейсовый отчёт, чтобы чёрное не казалось слишком чёрным, а белое сияло девственной белизной. У боцмана, понятно, свои проблемы, которые пока не грозят инфарктом, но в отпуск он тоже намылился не с бухты-барахты. Когда начнётся шухер, когда начнут всех трясти и опрашивать, надо быть как можно дальше от «Кавказа». А с меня какой спрос. Нет, спрос, конечно будет, но за свои собственные «грехи». И с Саваофом боцман всё, само собой, согласовал и утряс.

Да, пожалуй, нет смысла отказываться, решил я наконец. Всего-то один рейс — как-нибудь! Если нынешний оказался «чёрным», не обязательно, что следующий будет таким же. По идее, он должен стать «белым». Таков закон «тельняшки». И потом, для чего я, в таком случае, сделал месяц назад схему проводки швартовых, идущих от кранцев? Через какие клюзы пропускаются кормовые и носовые концы, на каких кнехтах крепятся, — всё изобразил. Будто предвидел, что в этом и будет заключаться для меня самая главная сложность.

На этот раз боцман заговорил со мной в Северном море.

— Дальше, Виктор, тянуть нечего, — сказал он. — Решай. Что надумал?

— Думай не думай, а видно, судьба, — ответил, правда, со вздохом облегчения.

— Ну и молоток! — обрадовался дракон. — Я слышал, ты семью с Камчатки тащишь, квартиру обмениваешь, а для этого дела деньги, поди, не лишни, а?

— Ну верно, верно... Капитан говорил, что у тебя оклад, как у старпома на тральце.

— А ты думал! Сто шестьдесят рублёв, да плюсуй сюда пай с хвостиком. Вот и считай! Ты, главное, не тусуйся и на первых порах думай, что и как. Не спеши! Как говорится, семь раз отмерь, один раз дай по морде, если кто будет возникать.

— Постараюсь... А что Боровик?

— Ни в какую! Да плюнь ты на тёзку. Я с чифом говорил. Он тебе подберёт человека.

Уж не знаю, как я подумал о Сене.

— А если я сам найду его?

— Ещё лучше. Свой человек — самое то, — согласился боцман. — Ну, коли мы решили-постановили, хочу тебя спросить вот о чём. Слушок ходит о каком-то письме, что вы с другом запихали в бутылку. С которым к вам Бурак приходил. Ребус тот никто не разгадал, но кое-кто дотумкал, увидев свеклу, что, возможно, речь в той загадке идёт о покойнике.

— В нём ничего особенного — хохма.

— Ну, если так — смотри. Мне помпа о нём говорил. По-моему, он собирается тебя прощупать на эту тему. Письмо цело или выбросил?

— Выбросил, конечно, — соврал я, так как письмо и бутылку выпросила Лидочка в качестве «морского сувенира». — А что слух о нём дошёл до вершин «Кавказа»?

— Дошёл. Может, тебя и на берегу спросят о содержании. ТАМ, Виктор, учитывают каждую мелочь, имей в виду.

Тем же днём я отправился в лазарет. Лидочка была на месте, бутылка с письмом тоже находилась при ней. Девчонка оказалась понятливой и без звука отдала «сувенир». Только спросила, что означают буквы P. S.?

— Не знаешь?! — удивился я. — Это, Лида, добавление к письму. Допустим, ты о чём-то забыла написать, а потом вспомнила и добавила. Постскрипtum называется.

— Как интересно! — всплеснула она руками. — А почему буквы иностранные?

— Это начальные буквы латинских слов Пост и Скрипtum, секёшь? Вот уедет твой бондарь в отпуск на Украину, а ты ему письмо напишешь, а под конец и напомнишь, чтобы он привёз тебе сала или... или монисто.

— Не буду я писем писать, — потупилась Лидочка. — Я сама еду с ним в Белую Церковь. — Она расхохоталась. — Надо приглядывать, чтобы он там не налегал на горилку.

— Когда-нибудь дойдёт и до писем, — заверил я. — Он будет бочки забондаривать, ты будешь зыбку качать и писать ему в море.

— Вот тогда и будем писать друг другу.

— Твоя правда, — согласился я.

Бутылку я выбросил в иллюминатор прямо в лазарете. Бутылку с письмом, но без пробки, чтобы она, голубушка, на сей раз обязательно утонула.

P. S. В порт пришли ночью, чтобы избежать лишних глаз.

Трюм вскрыли сразу. Он выдохнул морозный парок, и, словно на его волнах, всплыли и качнулись два гроба. Их тут же приняли на причале и увезли в морг.

Пароход я принял ещё в Балтике, но Толя Шелак позволил мне погулять первые три дня. Первым делом отвёз письма Манюне и отправился к дяде. Выпили со стариком за моё возвращение, за моё назначения и

«за тех, кто в море». Значит, за Сашку. Ждало меня и письмо от женушки. Нормальное письмо. Ольга сообщила, что нашёл в Кениге капитан, пожелавший перебраться на Камчатку, что уже побывал у неё человек того капитана. Осмотрел квартиру и остался доволен. Того же она хотела от меня. Адрес прилагала. Осмотрел жилплощадь и тоже остался доволен. Выслал ей деньги и выразил надежду, что прибытие семьи совпадёт с моим возвращением из рейса.

После этого закрутился. Дел было невпроворот, но удалось выкроить день и разыскать Сеня. Нашёл его, само собой, у того же пивного ларька. Тянуть не стал. Купил пива и сразу предложил пойти со мной в африканские воды в должности старшего матроса. И он согласился! Сказал, что если позволит медицина, хоть завтра. Хочется ему ещё разок взглянуть на Атлантику.

— Почему только «разок»? — удивился я.

— Надолго меня не хватит, — честно признался Сень. — Привык к вольной жизни. Теперь я не альбатрос, а серый городской воробей.

— Ты собирайся, а там посмотрим, — сказал я. — Сам позвонишь Гвоздилину или мне зайти к Валентину Федосеичу?

— Сам похлопочу, — ответил он, погружаясь в пивную пену до ноздрей. — А бутылку не вытаскивай из кармана. Поедем со мной на кладбище? Сегодня, говорили, открывают мемориал «тукановцам». У меня там два кореша закопаны. На месте и употребим.

Мы забрались в трамвай и покатали.

А мемориал был уже открыт. Если предполагалась официальная церемония с оркестром и возложением венков, то груды цветов, успевшие слегка увянуть, уже лежали на плоском бетонном основании, над которым возвышались две белые чайки, сомкнувшие в вышине кончики крыльев. Они походили на ту, что украшает эмблему МХАТа. Был я однажды в этом театре, когда добирался до Камчатки. Лежали цветы и на каждой из пятидесяти могил. Мы положили свои букетики к подножию тех красных гранитных плит, под которыми по-

коились Валькины кореша (одна могила была пустой), а водку выпили у свежего холмика Бурака, похороненного рядом, за аллеей, идущей мимо мемориала.

P. S. S. Медицина Сеня допустила. Возможно, тоже с помощью звонка какого-нибудь доброхота. У него сохранилось множество знакомств. Он их берёт и лелеял «на крайний случай» и попусту никому не надоедал. В рейс сходили нормально. По белой полосе «тельняшки». А умер Сень через год — рак. Съел мужика в одночасье. Похоронили его как можно ближе к корешам с «Тукана», для чего мне и Сашке пришлось выкорчевать густой кустарник, разросшийся у могилы моего бывшего бригадира. Авось, не подерутся, сказал Сашка. Не должны, ответил я. Оба переселились туда, где вечный мир и покой, ибо, как мудро заметил товарищ Сталин, полное спокойствие бывает только на кладбище. Уж он-то знал, о чём говорил. Так и было при нём: «Вечный покой для седых пирамид» и безымянных погостов. Теперь наступило другое время, и если покойники не шумят, не бунтят и не надругаются друг над другом, то живые ведут себя, как нынче говорят, неадекватно. Так что, друзья, «вечный покой сердцу вряд ли обрадует». Даже мёртвое сердце, которое нынче разучилось любить и научилось ненавидеть, когда ещё билось в чьей-то груди.

Впрочем, если вы не согласны с этим, пишите письмо на адрес редакции. Я обязательно отвечу или попрошу Сашку объяснить за меня. Выйдя на пенсию, он перебрался из Кенига на побережье и, уединившись с красками и кисточками, любит вспомнить прошлое и поговорить о былом, но если я, вняв его советам, изложил на бумаге давние события и ограничился этим, он любит пофилософствовать на эту тему и, как ни странно, порой ударяется в мистику, которая абсолютно чужда мне. С этой точки зрения Сашка объясняет внезапное исчезновение могилы Бурака. Я не усматриваю здесь никакой мистики. Могила находилась на главной аллее. За ней никто не ухаживал, и братва просто срыла её, чтобы похоронить на этом месте своих бойцов, застреленных в очередной криминальной разборке.

Медвежий угол

Пермь, если посмотреть на нее как на участок мифологической карты Урала — это «медвежий угол, выпавший из мира»; «ссылный край — котел 100 кровей и наречий». Такие штрихи к портрету места своего обитания привел пермский поэт Юрий Беликов во время интерактивного диалога между Екатеринбург, Челябинском, Пермью и Тюменью.

Пермский текст

Медвежий угол — потому что пространство герметично, закрыто для постороннего. Символический пермский медведь — неотъемлемый элемент геральдики края — неустанно охраняет свои владения, в центре которых город, не то чтобы выпавший из мира, а потерянный. Он потерялся или затерялся, поскольку находится на самом краю тектонической плиты. Это еще и пристанище для потерянных людей. Пермь была и остается местом ссылок. С пермской землей связаны судьбы многих известных писателей — здесь, в губернии, жил в 1916-м Пастернак и мыл на приисках золота Александр Грин.

Из истории, географии, литературы и многих других отраслей человеческих знаний пишется или, точнее, вычерчивается портрет города. Из знаков и символов возникает пермский текст. В этом тексте вместо зачина — походы Ермака. Вместо основной части — «Башня смерти», Кама, «Камский мост», — ландшафт, реальная карта плюс история, или истории, связанные с каждым топосом. Условно, эти топосы — красные крестики, которыми помечено каждое место, что-нибудь значащее для горожанина или приезжего, заключающее в себе сказ, легенду или анекдот.

Дом «Трех сестер»

Проходя с кем-то из пермских друзей по тихой улочке этого города, мимо невзрачного домика, вы можете услышать фразу: «А вот здесь, говорят, жили чеховские три сестры».

В Перми показывали «дом трех сестер», а краеведы разгадывали прототипы чеховских героинь, — пишет Владимир Абашев в своей книге «Пермь как текст». По словам исследователя, чеховский сюжет о судьбе трех сестер, живших в «провинциальном городе вроде Перми» — так Чехов написал Горькому — чистый вымысел. «Некоторого сходства черт, характеризующих город в драме, с пермскими реалиями: явный северо-восток России, снег, выпадающий порой в мае, большая река, вокзал, далеко стоящий от города — оказалось вполне достаточно, чтобы связь пьесы с Пермью стала восприниматься здесь как почти непреложный факт», — подмечает Владимир Абашев.

С тех пор, как пошел слух о том, что чеховские три сестры родом из Перми, они действительно поселились в этом городе, в его символическом пространстве. Стали частью ландшафта, переустроенного и осмысленного культурой, обретшего через нее смысл.

Сначала — слово

Если миф о Екатеринбурге как о третьей столице создается в основном силами политехнологов и СМИ, то Пермь обрастает мифами благодаря деятелям культуры — поэтам и писателям.

С пермской землей связана значительная часть жизни поэта Алексея Решетова, о ней он писал: «И эту землю на седьмое небо, / Живой и мертвый, не сме-

Пермь. Бывший дом Н.В. Мешкова, в котором была открыта первая выставка художника А.К. Денисова-Уральского

ню я». Город — тема многих стихов Виталия Кальпиди, Владислава Дрожацих.

Именно через творчество поэтов и писателей, как-либо когда-либо связанных с Пермью, ее ландшафт становился и становится символическим. Туда входит не только география и геология, а еще и история с археологией, культура с современной культурой и т.д. Земля, ее ощущаемая и чувствуемая природа, определяет, каким будет город, стоящий на ней. Но и город растет из земли, по-своему понимая и объясняя ее. Создается образная, а потому самая понятная для человека система координат. Жить в ней проще и привычнее.

Вечер в Кыштыме

В порозовелом небе день — к закату.
Лучилось солнце нежно.
Лежали тени косо на несмятом,
Широком, снежном.

Топили печи, бани... Пахло дымом,
Не городским уютом.
Изба — в проулке, речка, мостик длинный...
Житье — кому-то!

И мне бы — печь топить, и в синий вечер —
Выглядывать из окон,
И чтобы ты рассказывал о вечном,
Не торопясь, по строкам.

Желтый кораблик

Сорвала с дерева,
Примерила к губам,
Поцеловала,
Зашептала-заговорила,
Пустила
Вниз по реке листок —
Плыви, мой кораблик!

Обрела купаться
В холодной струе,
Умываться
Холодной рекой по капле
(Уж и сентябрь минул!) —
Плыви, мой кораблик!

Вдоль реки,
Вослед желтой крапинке,
Дуют ветры,
Текут взгляды,
Покрутись-развлеки —
Одиноко двоюким среди осени.
Плыви, мой кораблик!

Подбородок
Рассек воздух со свистом,
Вонзился в горизонт.
Не удивляюсь:
Река — отражения.
А над головой — влажная плоть туч.
В той ли плоти настоящая жизнь?
Нет, в тебе она.
Плыви, мой кораблик!

Нарочито спиной —
Маленький город
И маленький человек.
Обижены большой рекой.
Река — мимо.
Жаль их. Но — дальше,
С миром дальше,
Плыви, мой кораблик!

Реки сливаются,
Тяжелеют воды,
Тем русло шире и глубже,
Чем ближе к северу.
Стылые волны,
Свинцовые волны
Ждут.
Гребень — провал — гребень,
И нет тебя...
...Плыви, мой кораблик!

И мне все равно,
В какой обуви
Ходить-вышагивать,
Вымеривать
Вечную мерзлоту.
Ступни — будто голые —
Холодом обожжены.

Я не сумела тебя догнать,
Мой кораблик.

Александра Борисовна Валаева родилась в 1961 году в г. К.-Уральском. Закончила Московский авиационный институт. Работает редактором журнала «Sci-Стайл» (Москва).

Стихи пишет со студенческих времен. Призер Рождественского конкурса Каменска-Уральского 2005—06 гг.

Расстояния

1.

Я спешу к северу-северу,
Где сиренев день.
Ты смотришь на юг,
От вьюг бежать вздумал.
Не медли же, сделай шаг!
Земной шар обогнув,
Мы встретимся
Ровно через вечность.

2.

Нашла в кладовке разноцветный мячик.
Играю, забавляюсь целый день.
Рукою правой запускаю в небо —
Так высоко, что даже, глаз прищурив,
Не в силах разглядеть, как мяч летает.
Левою — ловлю, и снова — кверху...

Ай! — не поймала. Стукнулся о землю,
Подпрыгнул. Стукнулся. Еще, еще, еще...
И с каждым разом — ниже. Наконец,
Травинки приминая, покатился.

Я догнала. Гляди-ка, что с мячом?!
Наверное, от сильного удара
Он сдулся, сморщился... Теперь
На ощупь — мягче плюшевой игрушки.

Два червячка приклеились к нему.
Два маленьких невзрачных червячка.
Меж ними — сотня, тысяча того,
Чем мы обычно мерим расстоянья.
Скорей всего, им жизни неостанет,
Чтоб этот длинный путь преодолеть.

Сминая мячик в складку, пару точек,
Где бедные козявки притаились,
В одну соединяю. Ну же, твари, —
Я нынче — в настроеньи, позволяю
Побыть вам рядом, правилам вразрез.

Дарю вам радость — власть поизвиваться,
Повслушиваться в совпадение ритмов,
Биенье ваших алчущих хвостов.
Зрачок в зрачок — желаете? Извольте.
И самые ничтожные способны
Прогрызть, пробить, прожечь друг к другу путь.

Но поспешите! Скоро мне наскучит
Глядеть на ваше призрачное счастье.
В кладовке есть насос велосипедный
И липкий скотч. Заклею, накачаю,
Пущу опять под облака свой мяч.
Когда он в вышине — подобен птице.

О червячках обманутых забуду.
До жалких тварей мне и дела нет.

3.

Будь я дождем... Среди октябрьской ночи,
Холодной, мглистой, вдруг начнется он;
То робко с крыш невнятицы бормочет,
То, всхлипнув, растревожит крепкий сон;
К утру шумит и плещет без стеснений,
И не заснуть уже в преддверьи дня!
Будь я дождем, полуночным, осенним,
Тогда бы Вы услышали меня.
Будь я листвою... Не той, нежней атласа,
Что безмятежно в кроне шелестит, —
Уставшей землю рыхлой, рыжей массой,
Недвижной, но, лишь ветер налетит,
Взвихрится листьев рой, закрутит сальто —
И ну — вперед, шурша, скребясь, гремя!
Будь я листвою, скользящей по асфальту,
Тогда бы Вы услышали меня.
Увы, не дождь, не ветер, не листва —
Неслышима...

4.

Ночь. В трубке холодной
Гудки — длинным пунктиром.
Минута, другая... Сброс.
Нет ответа.
Снова и снова — пунктиры,
Как будто каплет из крана
Или стучит метроном
В темпе анданте.
Ответь мне! Минуты стекают
По черному лаку окон.
Ночь длинных гудков?
Это жестоко!
Круг за кругом по комнате.
Сбиться бы с темпа анданте!
В трубке горячей — ночь.
Нет ответа.

Километры до тебя, и каждый —
Бесконечность.

Евгений БИРЮКОВ

По «привету» всему свету

С 1900 года в широкое применение вошли почтовые открытые письма (открытки). Вот оборотный текст (отрывок письма) с одной из «московских» — отправленных в Москву — открыток: «Шлю тебе привет с Урала. Ну, брат, пришлось посмотреть то, что никогда не приходилось видеть. Такие роскошные виды, что описать невозможно. Командировкой очень доволен. Привезу уральских открыток, посмотришь».

Открытки с «видами Урала» — своего рода его визитные карточки. У истоков этого жанра стоял известный уральский фотолетописец Вениамин Леонтьевич Метенков (1857—1933). В 2007 году исполнилось 150 лет со дня его рождения.

Увлечшись фотографией еще в Миассе (рядом озеро Тургояк и горные виды Таганая), он с юных лет впитал в себя красоту родного края и стал его патриотом. В 1883 году, уже в Екатеринбурге, был принят в действительные члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) и стал его активистом.

В своих снимках Вениамин Леонтьевич старался сочетать художественные и научно-познавательные достоинства. Серии его снимков Южного, Среднего и Северного Урала восхищали даже знатоков края. С 1900 года Метенков переводит всю свою видовую продукцию на почтовые «открытые письма» (собственное издание). «Видов Урала» — за четыреста. География: Соликамск, Ивдель, Верхотурье, Нижний Тагил, Екатеринбург, Кыштым, Златоуст... Реки Вишера, Кама, Исеть, Юрюзань, много Чусовой.

Конечно, и другие регионы умели прославить себя. Но вот что пишет петербургский собиратель открыток Н.С. Тагрин: «Исключением из провинциального уровня являлось издание В.Л. Метенкова. Эти открытки с большой полнотой и разнообразием открывали многие темы — памятники древней русской архитектуры, предметы старины, панорамы уральских красот, производственные процессы на шахтах, рудниках, характерные сцены ушедших в прошлое варварских условий труда... Этот материал до сих пор остается наиболее обширным из всех выпущенных когда-либо иллюстрированных изданий об Урале».

У коллекционеров, историков и краеведов открытки В.Л. Метенкова и сейчас в почете и в... цене. А в Екатеринбурге с 1993 года работает фотографический музей «Дом Метенкова».

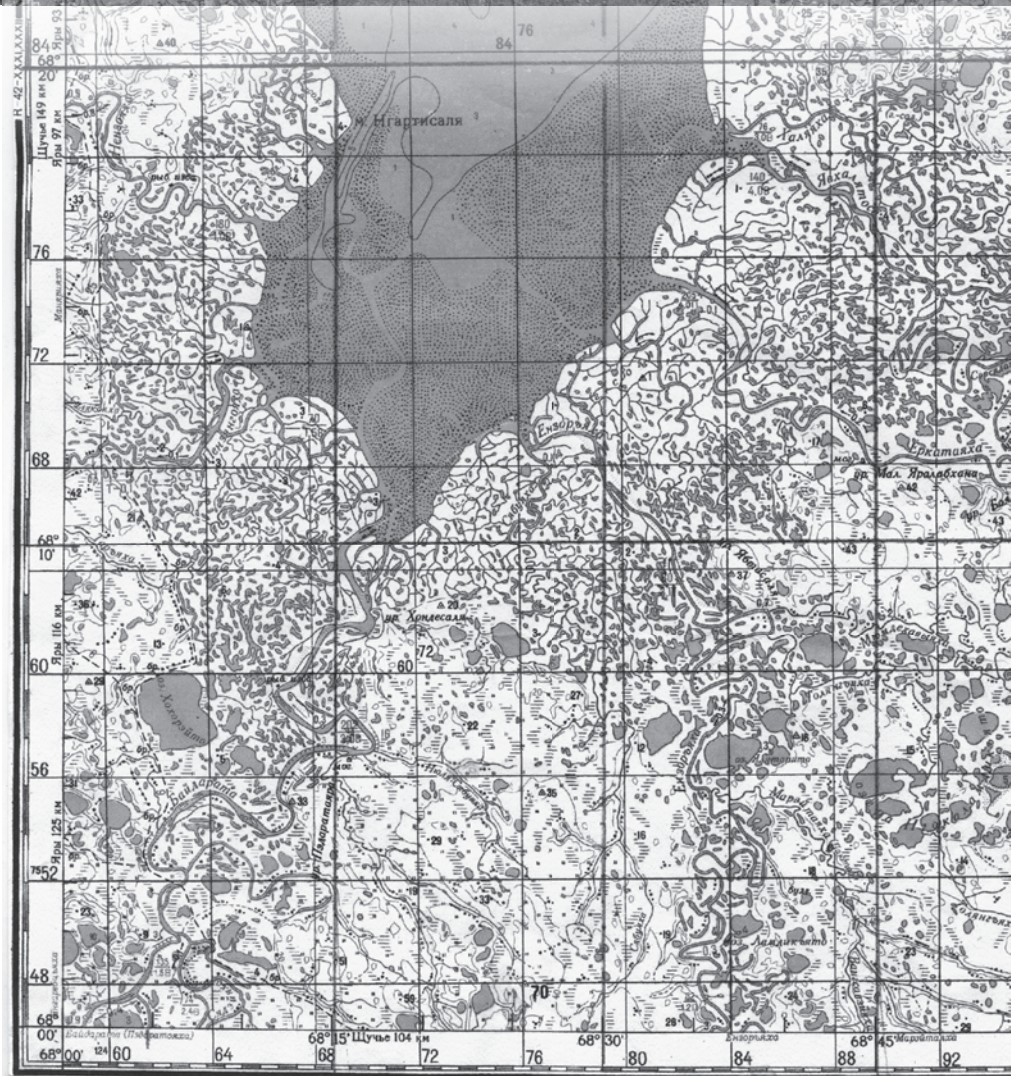
57. Екатеринбург. Музей Урал. Общ. Уральский орелъ.

От Воркуты до Карского моря

Здравствуй, Воркута!!!
Сегодня 6 августа 2007 года. Мы не виделись ровно год. В это прохладное утро нас уже встречает вездеход с машиной. Виктор — водитель вездехода. Мы пользуемся его услугами уже третий год. За 40 000 рублей он должен доставить нас на озеро Большое Щучье, это где-то 150 километров пути.

Пока экипаж вездехода собирается в дорогу, мы гуляем по Воркуте. Чистый город, нашей уральской столице до него далеко.

В кафе на базарной площади встретили уже знакомого нам музыканта Наумова, он играет на аккордеоне. Оказывается, окончил нашу Свердловскую консерваторию, живет в Воркуте 30 лет. По его словам, в застойные времена в городе было 500 тысяч жителей, а теперь только 130, — Воркута освободилась от всех бездельников, а кто востребован — тому дают жилье, какое хочешь. Представляю, если нашу столицу уменьшить по количеству жителей в четыре раза, то вопрос с жильем был бы решен.

Грустный ландшафт тундры

Во второй половине дня мы уже едем по тундре. На больших расстояниях тундра однообразна. Болото, тысячи озёр, речушки, ива, ольховник, редко лиственничные палки, разнотравье в цвету скрадывают грустный ландшафт.

Осматриваем поселок Хальмер-Ю. Это заброшенный шахтерский городок, где добывали лучший и самый северный уголёк в стране. Здесь каждый кирпичик на вес золота. Но у нас слишком большая страна, чтобы обращать на такие мелочи внимание.

Я тоже вырос в шахтерском посёлке Лёвиха, правда, там добывали медную руду. Все шахты брошены (все вокруг г. Кировграда), такая же удручающая картина и здесь, сломан даже центральный копёр. Сейчас поселок выглядит как Париж без Эйфелевой башни.

Дождь. Мы продолжаем бороздить тундру. Ночевали на базе геологов, где раньше бывали. Кроме полярных зайцев, никого из зверья не видели. На следующий день долго и упорно пробирались по долине Большой Кары, где местами оленеводы гоняют огромные стада оленей. Отлично смотрится упряжка из шести оленей с нартами. Рога у оленей в упряжках спилены.

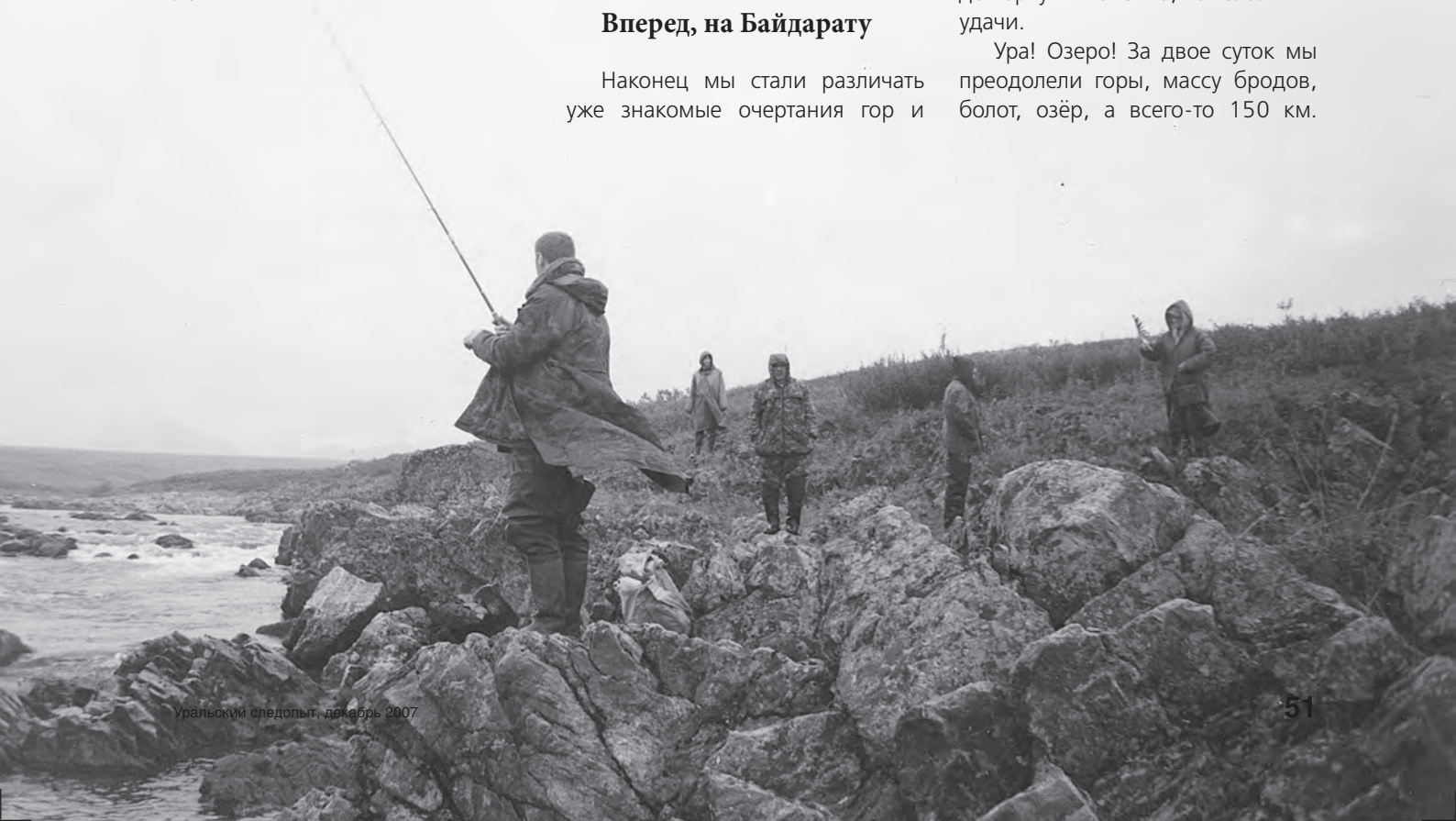
Дорогой не один раз ремонтировали вездеход. Поражает работоспособность водителя, который постоянно начеку, ведь дорога действительно сложная и требует мастерство и выдержка.

Вперед, на Байдарату

Наконец мы стали различать уже знакомые очертания гор и

распадов. Пейзажи меняются на глазах. Встретили группу из города Калуги. Очень молодые, в ботиночках по тундре. Странно. Руководитель без руки, но очень шустрый парень. Идут с реки Сось до Воркуты. Конечно, пожелали им удачи.

Ура! Озеро! За двое суток мы преодолели горы, массу бродов, болот, озёр, а всего-то 150 км.

Озеро Большое Щучье действительно завораживает своей красотой и уникальностью. Вокруг горы на 1000 метров, а глубина — 139. Ого-го! На озере, как ни странно, уже «таскают» восемь рыбаков. Это москвичи. Сказали, что местные егеря просили с них по 2000 с носа за то, что топчут землю севера. Кругом населёнка. Наверно, и на полюсе проходной двор. Такова современная жизнь.

Утром наш главный рыбак Миша Фадеев выловил красавца гольца. Народ его поздравил, как «национального героя».

Прощаемся с экипажем и нашими попутчиками из Перми. Они ехали с нами от г. Кирова. Пробуем катамаран.

На озере тихо, ветер попутный. Вперед, на Байдарату. Более половины озера прошли на вёслах по удивительной экзотике севера. Слева наш проток. Утром, спрятав разобранный катамаран, с солидным грузом двинулись к перевалу. Перевал плёвый, но болото даёт о себе знать. С хорошим грузом — это тяжкий труд. Изнурительно и однообразно тянется болото. По верхотурам нет грибов и ягод, скучновато. Встре-

тили, вернее, нас остановили егеря на вездеходе. Егерь всего Заполярья Николай Максимович Морозов, как он нам представился, долго тыкал пальцем в свою зелёную кокарду на фуражке, объясняя, что хозяин тут он. На беду у Шулятьева было ружьё. Конечно, егерь составил большую бумагу на нашего охотника. Оказывается, здесь уже 10 лет находится заказник, и мы оказались на его границе. С Морозовым был и ученый из Москвы, он следил за овцебыками, которых сюда завезли с Таймыра. Мы их видели, но мельком.

На повышенных тонах, как умеют разговаривать русские люди, мы простились с хозяевами тундры. Хотя в конституции записано, что земля принадлежит народу, нам дали понять, что мы не народ.

Очень усталые, мы добрались до реки Байдарата, стараясь найти место, где можно собрать катамаран. Воды в реке мало, с дровами плохо, так что на ужин только чай. Вечером наблюдали красивую радугу. Как известно, у радуги семь цветов, а тут после фиолетового цвета четко видна восьмая полоса — зеленая. Такое я уже не раз наблюдал в этих краях.

Утром снова надо 15 километров тащить катамаран по болоту. На том же месте нас снова встретил Морозов. С матом, но сам предложил сесть в вездеход, 15 минут ехали в теплом салоне. Заметил: у начальника вездехода полный арсенал орудий лова. Сети, сети, сети.

Мы видели, как хозяева ставили сети на озере. Я понял, что Морозов — заслуженный браконьер всего севера. Таким он нам и запомнился. Забегая вперед, скажу, что нам сообщил Евгений Зиновьев в Екатеринбурге. Морозов после встречи с нами уехал на озеро Щучье, где встретился с нашим вездеходом. Был там крутой разговор, чуть ли не с кулаками. Но уже в темноте примирила хозяйина севера обыкновенная бутылка спирта. Как всегда, она выручает.

Экстрим — наш учитель

Тащим перегруженный катамаран практически через всю речку. Много перекатов почти без воды. Пока в горах кругом экзотика, рыба ловится, дров хватает, жить можно. У Юры Елькина оказалось три килограмма лишней муки, он испек

хлеб, как делают это тафалары в Саянах. Через день Саша Пытьянов обнаружил, что обшивка баллонов порвана. Сутки ремонтировали её. Скорость пошива метр шва за два часа, а шить надо десять метров. Командиры решают, что лишний груз лучше челночить. Сразу четверо уходят с грузом вперед, остальные на хозработах.

Постоянно дождь, мы к нему уже привыкли. Видимо, обшивка ката-

марана состарилась, снова рвется по всей длине баллонов. Долго думаем — как быть? Подвязываем свои коврики по верху обшивки, вроде получилось. На другой день хорошая погода, и мы усилили обшивку ковриками, туго перетянув их бечевкой. Так и шли весь поход. Экстрим — наш учитель, уже проверено жизнью.

Здесь же было много рыбы, грибов, морошки. Пекли лепёшки. Любая стряпня лучше сухарей.

Байдарацкая губа

Река понемногу стала входить в своё русло, хотя перекастов и мелей не убавилось. Она нам помогала практически два дня. Горы кончились, началось болото. В «тёщиной воде» много не набрёшь, да ещё против ветра. Приходится вновь тащить плот по два человека, через каждые десять минут — смена. Так быстрее и надёжнее.

Встречали рыбаков и оленеводов. Посмотрели убранство чума у ненцев. Чумы, как квартиры в городе, абсолютно разные, по хозяевам. У женщины с дочкой чум чистенький. Занавеска, очаг, рукомойник, место отдыха, хворост: всё это хорошо смотрится. За кучей хвороста — два оленёнка, живут тут же. Олениху покусала собака, пришлось от неё избавиться, и хозяйка сама воспитывает оленят. Очень забавные малыши, один нас провожал до катамарана.

Недалеко два рыбака проверяют сети. Посмотрели улов у ненцев. Это голец (белый), щука с красными плавниками, сырок и хариус. Все рыбы светлого окраса, таких мы ещё не видели. Сами не поймали больше ни одной рыбки. А море всё ближе

и ближе, река стала могучая и суровая. Много гусей, реже встречаются лебеди.

Свинцовые угрюмые облака с дождём и ветром создают тоскливую картину в тундре, где нет берегов и растительности. С дровами вообще тоска, но мы находим плавник и прочий хлам, который горит. Река делает гигантские петли, море рядом. Кругом вода, но пресной уже нет. Уже не видно берегов, значит, это Байдарацкая губа. Но удивительно — опять мелко. Отмели все сырые. Мы так и не поняли, что это был отлив. Дождь.

Море по колено

Вечер, берега далеко, еле просматриваются, тянем плот, сами идем по колено в воде. Смешно, но море действительно по колено. До берега 500 метров, снимаем груз. Двое тянут катамаран к стоянке, кругом мели. Ночевка без чая. Перед сном выходим из палатки, оказывается, мы на острове. Прилив, кругом вода, нет берегов. Уровень воды до нашей палатки ужасающий.

Утром вода стала спадать, поплыли без завтрака. Через 10 км Бай-

дарацкая губа осталась позади. Попутный ветер, поднимаемся вверх по реке Ендзорьяха, соорудили парус. Парус — это натянутая на вёсла плёнка. Двое управляют, четверо держат парус. Если хороший ветер, можно плыть против течения.

Байченко и Шулятьев постоянно работают с картой, но всё равно проскочили свороток. На этой косе были тысячи уток (гагары), русло реки не просматривается. Снова разведка, а мы готовим обед. Сильный ветер задувает костер. Нашли брус 200 на 200 на 2000, отличные дрова, наконец-то пригодилась пила. Пришлось повозиться с болтами, которые были вкручены в этот брус. Дрова, конечно же, забрали с собой.

Вновь под парусом идем по реке вверх. Река с мудреным названием Марэйтаяха должна привести нас к железнодорожному мосту. Последняя ночевка на огромном изгибе

реки. Юра Елькин приготовил пирог с рыбой. Объединение! Последний раз попались на морошке. Вот и мост.

Ура! Финиш

Разобрали катамаран. Сильный ветер, ждем оказию. Вот и она. Совершенно пустой автобус подвез нас до разъезда № 5. Вечером посадили в комфортабельный вагон. Из окна вагона отлично смотрится Уральский хребет и тундра с озёрами и оленями. Мы прибыли на станцию Обская, здесь увидели луну и звёзды. Почему-то в тундре их нет. Словили таксиста, который за две ходки доставил нас в Лабытнанги. Так закончилось наше свидание с севером. Мы будем долго помнить Байдарату и Карское море. И это путешествие, которое было посвящено памяти нашего друга Бориса Агафонцева, много лет ходившего с этой группой туристов.

Байдарата

*Не в Эмираты, а вдоль Байдараты
тянется наш полуводный маршрут.
Здесь ветры гуляют, да чайки летают,
и нас в этой тундре конечно не ждут.
На отмелях Кары плачут гагары,
тянет упряжку безрогий олень
А мы песни стары поем без гитары
так вот обычно кончается день.
Дров — ни полена, солёная пена,
в губе Байдарацкой нет глубины.
А Карское море нам по колено —
Море, в которое мы влюблены.
Держать нет силенки парус из плёнки.
Ветер петляет, как наша река.
Для нас это диво — воды прилива,
теперь повезёт нам наверняка.
Кончилось лето.
Экзотика эта
вечно останется в сердце у нас.
Урала отроги
не так уж положи,
но не покруче Афон и Парнас.
Светит в оконце
полярное солнце,
оно избегает северных рек.
Но с нами повсюду
был Агафонцев —
самый весёлый в тундре человек.*

*Ура! В холодном новогоднем мраке
Есть теплый праздник и его огни.*

*Устало Солнце от дымов и шума,
И диск его округлость потерял.*

*Туман реки, усталые деревья,
И цирк вдали — вот осени портрет.*

*Так исподволь возникнет город новый,
Его дома деревьями растут.*

GPS plus

Сеть специализированных магазинов "GPS plus":

Екатеринбург, ул. Малышева, 85а, тел.: (343) 216-11-78
 Екатеринбург, ул. Восточная, 230, тел.: (343) 356-50-39
 Пермь, ул. Соловьева, 12, тел.: (342) 215-51-46
 Тюмень, ул. Семакова, 20, тел.: (3452) 24-22-98
 Уфа, ул. Р.Зорге, 9/3, тел.: (347) 277-79-32

www.gpsplus.ru

представляет

Используя GPS-приемник, вы можете проложить маршрут до интересного места, которое мы вам рекомендуем посетить. Введите в память прибора координаты предлагаемых путевых точек и постройте маршрут поездки по границе «Европа—Азия». Не забудьте добавить новый пункт назначения —

«КОСМИЧЕСКИЙ ЗНАК»

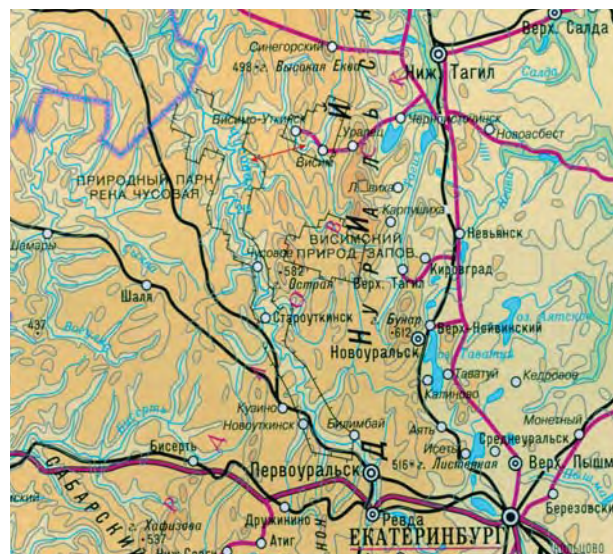
Очередной знак «граница Европа—Азия», у которого побывала команда «Уральского следопыта», находится на перевале через хребет Высокие Горы, вблизи поселка Уралец на шоссе Нижний Тагил — Висим.

Нынешнее состояние памятника тоже оставляет желать лучшего. Шестиметровый столб исписан почти до середины.

Этот знак сооружён в 1961 году и посвящён успехам советской космонавтики. Квадратную колонну шесть метров высотой венчает макет земного шара со схематичной сеткой параллелей и меридианов. Раньше вокруг металлической планеты Земля были стальные орбиты, на которых — мини-копии спутников и корабля «Восток».

№	Точка маршрута	широта	долгота
1	г. Екатеринбург, УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, редакция	N56°50'144"	E60°35'382"
2	Выезд из Екатеринбурга на Серовский тракт	N56°53'169"	E60°33'390"
3	Съезд с трассы Екатеринбург - Серов на пос. Уралец	N57°50'552"	E59°55'576"
4	Знак «Европа-Азия»	N57°40'643"	E59°41'979"

Проекты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Пирамида – хрустальная гора

Пирамида – гора, находящаяся по соседству с горой Народной и Неройкой на Приполярном Урале. Подходы к массиву горы нагнетали необъяснимое чувство тревоги. Собственно гора Пирамида – заброшенный рудник по добыче горного хрусталя. Закладка рудника, вероятно, относится к 30-м годам прошлого, двадцатого века, когда «врагов народа» загоняли в места не столь отдаленные, за Поясистой хребет Урала.

Судя по вырубленному лесу, этапные партии были пригнаны со станции Кожим в эти места глубокой зимой по тяжелым снегам. Лиственницы для постройки барачков вырубали почти на высоте человеческого роста, это свидетельствует о величине снежного покрова в момент закладки рудника.

Ледяная тюрьма

Сохранившиеся остатки нарт и лямок дают возможность представить себе, как заключенные впрягались по десятку человек в нарты, чтобы доставлять инструменты (кайлы, ломы, лопаты, стальные клинья) и оборудование (тачки металлические с ручными и ножными кандалами, которыми приковывались заключенные к тачкам). Вес такой тачки вместе с кандалами около 50 килограмм.

Добыча «щеток» хрусталя велась с пробивкой штреков в скальной

породе. Штрек представлял квадратную нору в горе размером 1,5 на 1,5 аршина (метр с небольшим на метр). Крепили листовыми бревнами. В штреках намерзал лед, т.к. из породы постоянно сочилась вода. Для того, чтобы добраться до забоя, лед необходимо было вырубать ежедневно. Старые штреки сплошь забиты льдом. Забойщик работал лежа и обязан был осторожно вырубать гнезда (жеоды) щеток хрусталя, он отвечал за сохранность кристаллов. Малейшая трещинка – это брак.

За единичный случай брака лишили пайки на день или несколько

дней, за повторный случай пускали в расход. К тачке приковывался «коногон», он вывозил тачку из штрека и разгружал. Были случаи, когда людей замораживало в штреке вместе с тачкой слоем льда.

В более позднее время

породу при добыче стали рвать динамитом. Выход горного хрусталя резко уменьшился. От взрывов щетки хрусталя покрывались мельчайшими трещинами, а это брак.

До сих пор на склонах горы громадные отвалы хрусталя, представляющие интерес только для коллекционеров.

Радий Николаевич Тихонов родился в 1935 г. в Таганроге. Окончил вечернее отделение УПИ по специальности «Технология машиностроения, станки и инструмент». Работал на Уралмашзаводе токарем, технологом, трудовой стаж — 51 год. Был председателем клуба туристов завода, руководитель зимних лыжных походов высшей категории сложности, мастер спорта по лыжному туризму, заслуженный путешественник России. В «Уральском следопыте» были опубликованы его очерки «Нижнесергинские зарисовки» (№ 6, 9, 12, 2006 г.).

Два века села Елизаветинского

В этом году старинному уральскому селу Елизаветинскому исполняется 200 лет. Оно находится в 16 километрах от города Нижнего Тагила, при слиянии двух рек, Елизаветинки и Большой Бобровки, берущих начало на восточном склоне Уральских гор.

Село основано в 1807 году — как поселение углежогов, поставляющих уголь в Черноисточинский завод:

В 1811 году в тогдашней деревне Елизаветинской проживало 4 семьи, 16 мужчин и 9 женщин, все числились углепоставщиками Черноисточинского завода.

В областном архиве сохранилась запись Карла Федоровича Модерха, одного из путешествующих в этих краях: «Из Черноисточинского завода отправился я в Елизаветинскую деревню вместе с кассиром, который тогда ездил для раздачи денег крестьянам. На 9-й версте большой дороги, оставив экипаж, пересели мы на верховых, поворотили в сторону, по тропе пустились в деревню. Через несколько верст открывается эта деревня, за которой возвышается Урал и при нем представляются обширные гари, причиненные пожаром 1842 года».

Проживали в селе в то время горнозаводские мастерские люди — русские, православные и единоверцы.

На географических картах XIX века обозначена деревня Елизаветинская, но в народе село называют Бобровкой. В книге «Церкви и приходы Екатеринбургской епархии», изданной в 1902 году в Екатеринбурге, рассказывается о переименовании в 1893 году деревни Бобровки в село Елизаветинское — с построением здесь православного храма.

Река Елизаветинка берет начало в отрогах гор Урал и Красный Столб и является левым притоком реки Бобровки. Скорее всего, река была названа по имени села. Хотя ранее существовал прииск Елизаветинский по добыче золота на реке Елизаветинке. В 1870-х гг. в верховьях реки Елизаветинки среди доломитов и магнитного железняка было открыто коренное месторождение хризолитов.

Река Бобровка берет начало с юго-западного склона горы Пучени и впадает с левой стороны в реку Черную (левый приток реки Тагил). Название реки идет от добычи бобров. В 1893 году на реке Бобровке началась добыча самоцветных камней — демантоидов и платины. Промывка велась на вашгерде, было найдено два алмаза. Река имеет несколько небольших притоков: Пученя, Дикие ложки, Малая Бобровка, Смородинка, Кочкеватка, Антипина и Елизаветинская Бобровка.

В словаре Верхотурского уезда Пермской губернии, составленном краеведом И.Я. Кривошековым в 1910 году, про село Елизаветин-

ское написано: «Елизаветинское село, или Бобровка, при впадении р. Елизаветки в Бобровку, приток Черного Истока, берущего свое начало из Черноисточинского пруда и впадающего в реку Тагил, от уездного города в 170 верстах. В селе церковь построена в 1890 г. и открыто земское смешанное училище в 1881 году. Торговых лавок 6, винная 1, пивная 1. Средства к существованию — подзаводские и приисковые работы. В окрестностях еще недавно добывалось много хризобериллов, и это давало средства к жизни, а также и огранка их, но в последнее время они встречаются реже. Земледелия почти совсем нет, кроме огородничества.

В настоящее время в центре села возвышаются купола Пророко-Ильинской церкви, построена она из красного кирпича в 1908 году, и освящена в 1913-м. В советское время в ней размещался склад колхоза «Красный уралец». В 1933 году в этом здании открыли клуб, где демонстрировали кинокартины и проводили танцевальные вечера.

Пророко-ильинская церковь

В 5 километрах к юго-западу от села Елизаветинского в 1896 году прошла узкоколейная железная дорога, станцию назвали Бобровка. Сейчас на бывшем полустанке проживают несколько человек.

В 1902 году в селе построили двухклассную школу. Позднее она стала семилетней, потом восьмилетней. Здание сгорело в 1965 году. В 1967-м построено новое здание восьмилетней школы, но в 1970-х годах дети села учились в интернатах.

В 1938 году в Елизаветинском организовали колхоз «Красный уралец», его первым председателем был Дмитрий Федорович Черниченко. На всесоюзной выставке колхоз получил серебряную медаль и диплом 2-й степени и в подарок — автомашину. В 1935 году был открыт фельдшерский пункт, почта и радиоузел.

Когда началась Великая Отечественная война, многие селяне ушли на фронт. В Книге памяти Пригородного района в числе погибших значатся 92 жителя села Елизаветинского. Вернулись с фронта 24 человека.

Уроженец села Елизаветинского Григорий Иванович Чайко после окончания 4-х классов переехал с родителями на жительство в Черноисточинск. Закончил горный техникум и Уральский государственный университет. Работал геологом на Чукотке, в уральском геологическом управлении города Челябинска, начальником геологического отряда на Магнитогорском железорудном районе. Когда Григорий Иванович вышел на пенсию, начал

заниматься краеведением. Беседовал с местными жителями, работал в архивах. Написал книгу под названием «Парень из Бобровки». В настоящее время этот рукописный материал хранится в краеведческой библиотеке Нижнего Тагила. Сейчас Г.И. Чайко живет в городе Челябинске.

С 2003 года село Елизаветинское по административному делению относится к поселку Черноисточинску. В окружении лесов село уютно расположилось в широкой долине рек. Сюда ведет единственная, постоянно нуждающаяся в ремонте, грунтовая дорога. Когда-то в конце прошлого века сюда ходили рейсовые автобусы из Нижнего Тагила, но сейчас курсируют маршрутные такси. В селе насчитывается несколько улиц, постоянно проживают около 70 человек. Пророко-Ильинская церковь обставлена «лесами». Начавшийся лет десять назад ремонт «затих», и когда возобновится, неизвестно.

В селе сохранилась звонница с одним колоколом, когда-то извещавшим о начале пожара или о сходке селян. Погибшим участникам Великой Отечественной войны в селе установлен памятник. Среди

вернувшихся ветеранов в настоящее время здесь живет Владимир Федорович Гореленко. Он воевал в звании старшего сержанта, был наводчиком орудия, получил контузию. Награжден орденом Отечественной войны 2 степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Рядом с памятником погибшим находится могила красногвардейца Панышина, он расстрелян белогвардейцами в 1919 году и перезахоронен в 1968-м.

В 1944 году Елизаветинское постигло большое несчастье: от взрыва газа на улице Октябрьской сгорели 9 домов. Сейчас погорельцы часть домов отстроили заново.

Римма Гавриловна Гореленко, бывшая заведующая клубом, кино-механик, основала народный хор, который в праздники радует селян.

В юбилейный год села состоялась праздничная встреча. Приехали гости из Черноисточинска, чтобы достойно отметить двухвековой юбилей села. Прибыл глава Горноуральского городского округа А.В. Семечков. Он поприветствовал и поздравил самых пожилых жителей села — Елену Ивановну Кожевникову и Нину Михайловну Комарову, им сейчас по 86 лет.

Гиният

Документальный рассказ (или семейная хроника)

— Мама!..

...Гиният вырвался из рук бабушки и побежал за отъезжающим грузовиком. Он уцепился за край борта, но машина дернулась на ухабистой сельской дороге, стряхнула лишнего пассажира. Ладонь содрана в кровь. Но это ничего не значит — он еще может догнать, догонит... Машина скрылась из виду, но он бежал, спотыкался, падал, поднимался и снова бежал... «Мама, не бросай, не бросай меня, мамочка-а-а-а!..»

Валий

Поезд рассекал пространство, равномерно отбивая такт секундам на стыках рельс.

Сокращалось расстояние между точкой на карте, обозначающей Пензенскую область, где Валий служил в армии, и другой точкой, не имеющей координат на карте, хотя крошечная деревня Меретяк определенно существовала в Сабинском районе, в ста километрах от Казани.

Как птицы после зимовья стремятся к насиженным местам, так и Валий спешил домой к близким своим, к дорогим деревенским улочкам, где под переливы гармонии прошло его детство; к лесу, где он слушал пение соловья; к речке, куда он мальчишкой с друзьями ходил в ночное.

За два года службы он освоил профессию механика и рассчитывал, что, проработав какое-то время на тракторе, как отец, станет старшим в бригаде механиков.

Отец погиб, когда Валию было пятнадцать лет.

Ничего не предвещало беды, а беда — вот она, притаилась в траве на нетронutom участке пахотной земли. Таких участков отец немало перепахал за свою жизнь, и было это дело привычным. А беда фугасным снарядом времен гражданской войны выставилась наружу краем ржавой металлической оболочки, притаилась в терпеливом ожидании своего часа. Когда плуг трактора вывернул снаряд из земли, свершилось бессмысленное жертвоприношение, поднялась черная туча, и грохот оглушил округу.

Валий с матерью остались одни. После смерти отца он старался ее не огорчать и не перечить ей ни в чем.

И как она мечтала, глядя на него, сильного и работающего, что будет у него семья, а у нее много внуков и что старость ее пройдет в счастье...

Возвращаясь домой, он готовился к серьезному разговору, который вряд ли понравится матери. Он боялся, что не прочтает в ее глазах понимания, когда узнает она неожиданную новость. Но у него не было обратного пути, для себя он уже все решил.

Новость, радостная для него, но не в традициях, так почитаемых на его родине, идущая наперекор устоям, неизбежно должна была вызвать неодобрение односельчан. Было не так уж и важно, что скажут другие — главное, как отнесется матушка, хоть бы она разделила его радость, не осудила.

Размышляя о предстоящем, Валий вышел в тамбур вагона покурить. Напряженно вглядываясь в одинаково мелькающие деревья за окном тамбура, он искал ответа, как будто они могли подсказать исход долгожданной встречи.

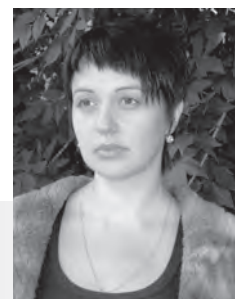
Вагон мотало из стороны в сторону, голова шла кругом. Валий машинально достал последнюю сигарету из пачки. Когда он вышел покурить, пачка была наполовину полной. Нет, курить хватит, он вернулся к своему месту в вагоне.

На соседней полке спала девушка. Румянец на щеках, пухлые губки, чему-то безмятежно улыбается во сне, совсем ребенок.

Валий присел на край полки и осторожно провел ладонью по ее волосам. Ровное дыхание немного сбилось, она что-то прошептала, но сон не прервался. Он бережно поправил покрывало, и толчок нежности, не вмещааясь в груди, подкатил к горлу, отчего-то увлажнив глаза.

«Мария, моя Мария, Манечка... Все будет хорошо, вот увидишь...»

...Как-то их взвод отправили за десять километров от части на уборку колхозных полей.

Ирина Владимировна Сабирова родилась в Екатеринбурге в 1973 г. В 2002 г. закончила Уральскую архитектурно-художественную академию по специальности «дизайн».

Разместились по домам у колхозников. Валия поселили у одинокой бабки Лукерьи. Она сначала ворчала, но после наколотых дров и починенного забора подобрела к своему постояльцу. С материнской заботой Лукерья готовила ему обед, чтобы не с краюхой хлеба уходил он на работу в поле.

— Квасок возьми, касатик, и пирожков с картошкой, в поле-то сгодятся, сам поешь, своих угостишь.

Страда была в разгаре, и жители деревни в большинстве своем выходили на поля, стараясь убрать весь хлеб и заготовить сено для колхозных коров до обещанных дождей.

В поле Валий увидел в первый раз Марию. Увидел, а потом весь день смотрел в ее сторону, в надежде перехватить взгляд.

*Заглянул в твои глаза и пропал...
Что за тайну я в них прочитал?*

*Сколько грусти и печали в глазах!
Не смогу я передать на словах.*

*Взволновали душу мне навсегда
На черёмуху похожие глаза.*

*В этом омуте играет огонь,
Ветра вольного слышится звон.*

*О любви своей боюсь говорить,
Чтобы пламя живое не залить...*

*Соберу я цветы на заре,
Обо всем они расскажут тебе.*

А когда встречались взглядами, то она тоже подолгу на него смотрела, пока кто-нибудь из подруг ее не окликал.

— Маня, ты спишь, что ли? Долго я с вилами наперевес стоять буду? Давай, принимай.

И Мария, стоя на стогу, принимала охапки сена, причесывала вилами макушку стога, расправляла сухую траву, чтобы в случае дождя вода стекала на землю. Так старательно выполняла она свою работу, а сама ненароком поворачивала голову в ту сторону, где Валий ловко сгребал в кучу траву, высушенную августовским солнцем.

Валий с таким нетерпением собирался на работу, что бабка Лукерья заподозрила неладное:

— Уж не охмурила ли тебя какая прохвостка? Пропадешь ни за грош.

— Баб Луш, не прохвостка, то есть не охмурила. Я у себя в деревне женюсь, на своей.

А самого попутный ветер уносил в поле, где была девушка с глазами, похожими на черемуху.

В поле, пока солнце еще не зависало в зените палящим жаром, Валий скидывал с себя рубаху, подставляя спину ласковым лучам.

И не только солнце любовалось его гибкостью и сноровкой, но и девушки, смеясь, переговаривались

между собой, обращая к нему свои шутки. Валий видел, как хмурилась Мария и одергивала подруг:

— Хватит болтать! Работать за вас кто будет?

Он улыбался ей, а она смущалась и отворачивалась, но все же украдкой поглядывала, снова встречалась с ним взглядом и сама улыбалась в ответ.

Однажды в полдень, в самый зной, Валий ушел на реку искупаться. Сморенный жарой, он заснул на берегу.

И приснился ему сон, что лежит он на берегу реки, а над ним склонилась русалка, щекоchet ему лицо волосами и целует в губы. Он попытался убрать волосы русалки со своего лица и проснулся...

Она вскочила на ноги и побежала прочь. Валий бросился за ней следом:

— Мария, не убегай, подожди! Да куда же ты?

Он догнал ее, схватил и, потеряв равновесие, они упали в траву.

— Что ты делаешь со мной, ты зачем меня околдовал?

— Ты мой теперь, я тебя никуда не отпущу.

Небо распахнулось, передавая вселенной энергию вновь зародившейся любви. И травы, и деревья стали свидетелями таинства, совершаемого двумя смертными, которые уподобились богам в своем бесконечном стремлении раствориться друг в друге, когда время и пространство потеряли очертания и перестали что-либо значить. И сладко, и страшно. Плакучая ива на берегу забыла о слезах и тенью своей старалась укрыть тайну этих двоих.

На поле они возвращались вместе.

— Нам завтра в часть... — Он держал ее за плечи и целовал волосы, которые пахли рекой и травой.

— Я приду к тебе, недалеко — всего-то десять километров.

— Правда? Я буду тебя ждать, каждый день. Мне немного осталось служить. После я тебя увезу.

— Ты знаешь, я еще маленькая была, у нас в деревне старушка жила древняя, ей лет сто, наверное, было. Она ворожила и судьбу людям предсказывала. Мне она сказала, что встречу я свою любовь, что жених мой будет издалека и увезет меня с собой, и счастье у нас будет большое-большое, как небо. Правда, она обмолвилась о черной туче, которая счастье мое отнимет. Но не такая я простая, чтоб счастье свое черной туче отдать.

— Ничего не бойся. — Он коснулся губами ее волос и отпустил, хотя слова о черной туче царапнули душу, скользнув тенью мимолетного воспоминания. Но стоило ли думать о плохом, когда сердце переполняет неведомое и оно не умещается в груди, хочется и петь, и плакать. И кричать. Кричать с вызовом всем черным тучам: «Что вы можете, глупые ничтожные тучи?!» Когда само небо благословило их любовь.

И хотелось поделиться с птицами, которые поют красивые песни, своей тайной, чтобы пели они об этой благословенной любви.

— Мне чего люди рассказали! — Бабка Лукерья была сердита. — Сядь-ка, поговорить надобно.

Валий, ошарашенный таким приемом, покорно опустился на скамью.

— Ты с Манькой крутишь? Ты ей голову-то не задуривай, ей шестнадцать лет еще. Не мог кого постарше найти, девок вон полно. Ей и без тебя в жизни досталось. Сирота она. Родители ее утонули, ребенком она еще была. Живет у родных, а все одно, никому не нужная. Уж она и старается, работа по дому вся на ней, а слова доброго не услышит, обуза она им. А какая обуза? Маня и веселая, и добрая, таких поискать, ей попреки, а она все лаской да улыбкой. Ты-то сделал дело и поминай как звали, а ей как потом жить?

Что же это? И не рассказывала она ему ничего про себя.

В руках Лукерья держала кочергу. И уж как бабка ею трясла, что Валий побоялся, как бы та кочерга ему по спине не пришлась.

— Баб Луш, ты кочергой-то потише маши. Не задуриваю я ей голову, мне жизни без нее нет. Увезу я ее от вас.

И вот они едут в поезде к нему домой...

Четыре месяца назад Мария ему сказала, что у них будет ребенок. Валий летал от счастья: «У меня будет сын!»

Командир части разрешил Валию ненадолго съездить к Марии. В сельсовете их расписали.

По приезде домой он так и сказал матери, что Мария его жена.

Мать уже присмотрела единственному сыну, красавцу, невесту из своей деревни. А тут жена... И не са-

мая большая беда была, что девушка молода, всего шестнадцати годов, и что она сирота. Она была русская!

— Сын, что скажут люди?

— Ани, — он обнял мать, поцеловал ее седую голову, — прости. Я люблю ее. Кроме меня, у нее никого нет. У тебя будет внук!

Мария

Мария находила любой повод, чтобы сбежать в поле, повидать своего мужа-тракториста. Ватрушек испечет, нужно отнести, пока горячие, а то к вечеру остынут. Ветер поднялся, а он с утра налегке ушел, нужно телогрейку передать.

— Манечка, ты бы поберегла себя, не утруждалась лишний раз. — Валий переживал, конечно, что она в слякоть апрельскую беременная по полям носится, но сдержать свою радость от ее внимания и заботы не мог. Подхватывал ее на руки и кружил-кружил. Или сажал на трактор и катал по полю, объясняя, где какие рычаги находятся.

— Это я, Маня, не тебе, это я сыну рассказываю. Говорят, они, как брыкаться начинают, так все слышат и понимают. Вот и пусть запоминает. А когда родится, я его на тракторе покатаю.

— Он когда родится, ему, кроме моего молока, ничего интересно не будет. Ходить начнет, тогда и покатаешь. Тебе куда спешить?

— Нам с тобой, Манечка, спешить некуда, у нас вся жизнь — наша. Ты мне еще четверых родишь.

— Да хоть десятерых, только дом у нас маленький, туда столько народу не поместится.

— Будет у тебя большой дом, Манечка, летом попрошу председателя лес выписать. У тебя самый красивый дом будет.

Все пошло не так, как они хотели. Вдруг в одночасье неважен стал большой дом. Самое важное стало — ждать, чтобы он вернулся в этот маленький домик. Война... Нет, не может быть. Война где-то далеко, а здесь — то же солнце, и лес, и речка. А Валия здесь нет. Его призвали в танковые войска, направили на учебу в Ульяновск, откуда через какое-то время он должен будет уехать на фронт.

— Ани, я поеду к нему.

Мария, так же как и Валий, называла ее мамой, она чувствовала себя дочкой рядом с этой сильной женщиной.

— Кызым, ты в своем уме? До Ульяновска как доберешься, Мария?

Она пойдет, ее ничем не удержишь. За то время, что Мария жила у нее, мать хорошо узнала невестку.

Мария выучила татарский язык, приняла веру мужа. И теперь все в деревне считали ее своей.

Видать, сильно любит ее сына, эх, молодость-молодость. И отпускать нельзя, вон живот уже на нос лезет, и отговаривать без толку.

— Я пешком дойду до станции, не так и далеко, километров тридцать, до Ульяновска на поезде доеду.

Ани, я смогу. Повидаюсь с ним только и назад вернусь.

На рассвете Мария отправилась в дорогу.

Небо было чистое, только на горизонте виднелась черная туча. Может, стороной обойдет?

«Что же тебе так беспокоит, сыночек? Не стучи ножками. Надо мне, надо папку твоего увидеть. На войну он уходит. Горе горькое. На войну. Мы придем к нему, и я скажу, чтобы он обязательно к нам возвращался».

А туча никак не уходила с горизонта. Тянулась следом, как немая спутница, как предвестие... И солнце не заслоняла, а затягивала край неба черной мантией. И нужно было туче преследовать Марию? И сама знала та, что страшное, судьболомкое время настало для них с Валием. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, Мария вспоминала слова колыбельной, которую любил муж. Она шла и напевала эту песню для их ребенка, чтобы не было ему скучно в пути, чтобы слушал он песню своего отца. Пусть он еще не родился, но Мария знала, что он слышит и понимает слова.

*Ай былбылым, вай былбылым,
Камыши Агиделя,
Перед зарей едва слышны
Трели соловьиные.*

*Ай былбылым, вай былбылым,
Светаёт над рекой Агидель,
Разрывается душа,
Хочется и петь, и плакать.*

*Ай былбылым, вай былбылым,
Поют соловьи на ветках вербы.
Я им расскажу о тебе,
Все свои тайны.*

Ноги распухли, Мария продолжала машинально передвигаться. Когда почувствовала, что сил уже не осталось, остановилась на короткий привал. Прислонилась спиной к дереву. Долго отдыхать нельзя, нужно успеть до темноты дойти до станции, когда поезд — она не знала. Но лучше ночевать на вокзале, чем в лесу под открытым небом. Неизвестно, когда вздувает туча нагнать ее, со шквалистым ветром, злым дождем.

Сняла с головы шаль и подвязала к талии, широкой стороной прихватив снизу живот. Почему раньше не догадалась? Так и ребеночку удобней, и живот не тянет. Еще бы полчаса отдохнуть, а нельзя, нужно двигаться дальше. Она потеряла счет времени и точно не знала, сколько еще продлится путь.

«Ай былбылым, вай былбылым...»

«Мы скоро дойдем, сыночек, до станции недалеко осталось, потерпи, родной, скоро папку увидим. Он нам обрадуется. Скажет, какие мы молодцы, что пришли к нему. Он нас любит, папка твой».

Она разговаривала вслух со своим ребенком, а дитя, вслушиваясь в слова, утихло, уснуло.

«Ай былбылым, вай былбылым...»

И дошла... Билетов на поезд не было. Проводница сжалась над ней, пустила в вагон. Мария кое-как пристроилась на лавочке в проходе.

«Видишь, сыночек, все у нас получилось. Убежали мы с тобой от черной тучи. Сейчас поспим, а утром с папкой встретимся».

Часть, где проходил учебу Валий, оказалась недалеко от вокзала.

— Не положено! — Караульный выполнял приказ: «Никаких посторонних на территории части».

Неужто все зря? Зря она проделала такой долгий путь. Что же теперь — возвращаться назад ни с чем?

Целый день простояла она у ворот части в надежде, может, кто передаст Валию, что она его ждет.

Нет. Так и не вышел он к ней. На другой день на своем посту спозаранку приняла она вахту.

В полдень увидела, что по дороге к выходу бежит солдат. Сердце замерло, кажется, он.

Валий торопливо объяснил что-то караульному и вышел за пределы части. На один час...

— Мария, как ты здесь очутилась? Мне сказали, что ты ждешь. Ненормальная моя девочка. Всего на часок командир отпустил. Сама пойми, время военное, задержусь, меня за дезертира посчитают. Ну не плачь, Манечка, я вернусь к тебе. К вам... Ты же мне веришь? Ты верь мне. Жди меня.

Как страшно ей отпускать его и жить потом с этим страхом каждую минуту.

Он только успел сказать, что если сын родится, пусть назовет его Гиниятом, так он решил. И обещал, что вернется обязательно к ней и Гинияту.

А она прижималась к нему, когда стояли обнявшись, будто хотела слиться с ним, стать одним целым. Тогда ничего не страшно, хоть на войну, хоть к черту в ад, лишь бы вместе...

*Песню, что из самого сердца
стихами я напоил, вдохнуть
Согласна ли ты?*

*Музыкой вечной любви расстеленный путь
Согласна пройти?*

*Если к нежданной разлуке судьба приведет,
Постоишь, подождешь?*

*Солнца восход слова моей песни нашепчет,
Ему подпоешь?*

*Странником пешим вернусь к тебе, милая,
Чтоб скорее обнять.*

*Сможешь ли в сторону бросить дела?
Выйдешь меня встречать?*

И на следующий день пришла она к воротам в надежде хотя бы через забор его увидеть. А ей сказали, что рано утром всех подняли по команде и отправили на станцию. На фронт...

Догнала черная туча... Хлестала рваными струями по глазам, по душе. Закрыла солнце, отняла свет...

В 1942-м семья получила: «...пропал без вести...»

Мария осталась без мужа, без заступника. Была надежда, что муж вернется. Четыре года прошли в ожидании чуда, которого не случилось...

Появился другой. Война тоже оставила на нем печать — небольшое ранение. Мария ранила его сильнее, своей красотой. Он сделал предложение, уговорами и вниманием добился от Марии согласия.

Гинията бабушка в новую семью не отдала: «Ты еще родишь себе, а у меня он — это все, что есть. Ты должна понять... И твоему новому мужу не нужен будет чужой ребенок. Приходи, всегда его будешь видеть».

Вскоре у Марии родился второй сын. Назвали Феал, а по-простому Фёдор.

Что-то пошло не так. Может, не отпускал Валий, а может, она сама поняла, что другого счастья ей не нужно. Она ушла от мужа.

Бывшая свекровь не приняла назад: «Ты замуж вышла, теперь ты чужая...»

Никому не нужна русская женщина, что ей было делать? Ей попросту негде было жить.

Она решила уехать, попытать счастья в большом городе. Завербовалась на стройку железной дороги и с маленьким Федором уехала в Свердловск.

Перед отъездом Мария зашла попрощаться со старшим сыном...

Гинияту было семь лет.

«Не бросай меня, мама!..»

У него есть бабушка. «Когда я устроюсь, сынок, я обязательно тебя заберу».

У нее все еще оставалась надежда...

Гиният

Так сложилось...

Остались старый да малый.

Гиният был уверен, что мама к нему вернется. Она обещала, когда устроится на новом месте, приедет и заберет его к себе. С деревьев облетали листья, унося с собой надежду на исполнение обещания. Он уже не выбегал на дорогу, издали заслышав звук случайной машины. Но продолжал ждать, хотя время стирало в памяти черты материнского лица, оставляя щемящее чувство брошенности и ненужности.

— Ублюдок! Подкидыш! — кричали соседские мальчишки. — Кому ты нужен, тебя даже родная мать бросила!

Без поддержки отца, без ласки материнского слова что оставалось делать?

Приходилось драться. А в голове было: «Я вам всем еще покажу...»

Как птенец, попавший в чужую стаю, вынужден терпеть щипки и удары от сородичей, так и маленькому Гинияту приходилось неизбежно терпеть нападки со стороны соседских ребятишек. Ребенок — полукровка. И если чужой птенец выделялся из стаи цветом своих перьев или формой клюва, то Гиният ничем не отличался от других детей, такой же чернявый и раскосый. Но то, что он был наполовину русским, давало право относиться к нему как к изгоя.

И не было отца, который бы мог заступиться. И не было матери, чтоб сказать: «Что вы делаете, люди, одумайтесь!».

Убегал в лес к ручью, где прятал свою обиду, рассказывал воде, как тоскует он по своей матери. Спрашивал у деревьев, почему не сдерживает она обещание. Почему не приедет и не заберет его с собой?

А деревьям нечего было ответить, и только шевелением листьев они выражали сострадание маленькому Гинияту. Знакомая береза передавала свою жизненную силу, когда он прижимался мокрой щекой к шершавой коре, обхватывал ствол обеими руками, ища утешения. Лес дарил покой, отгонял одиночество и тоску. И так хорошо становилось маленькому Гинияту. Солнце светило для него, птицы пели для него, ему улыбались яркими красками цветы. И разговаривал он с лесом, а лес чутко слушал и понимал. Лес питал своей силой и укреплял дух его.

Летом с тележкой, зимой с санками отправлялся он в лес, выполняя свою обязанность собирать хворост. И не была маленькому человеку обязанность эта в тягость. Знал, что привезет он сухие ветки валежника и бабушка печь растопит и станет тепло и уютно. Можно будет залезть на теплую печку и слушать, как бабушка рассказывает сказку о мальчике Нуртале. И представлять себе, как вместе с Нурталом побеждаешь драконов, заманиваешь их в море мелодией из волшебной дудочки и драконы, находясь во власти музыки, остаются в море и не причиняют больше вреда людям.

Или укрыться лоскутным одеялом и с книжкой унести в дальние неведомые земли, представлять себя великим воином, в сражениях побеждать врагов. Или пиратом, на корабле с черным флагом, скитаться по бескрайнему океану в поисках острова с сокровищами...

Как прекрасна была жизнь в тех историях, полная приключений и несметных богатств!

Как трудно было прожить вдвоем на бабушкину пенсию в восемь рублей! Огород, что по весне засаживали картошкой, коза и гуси были хорошим подспорьем, удавалось хоть как-то прокормиться. На покупку вещей денег не оставалось.

Бабушка одевала Гинията в одежду, что добрые люди отдавали, зная об их нужде, да из уважения к памяти Валия.

Бабушка штопала, ставила заплатки, но, несмотря на ее старания, латанные-перелатанные штаны да несуразно большая рубаха, подвязанная веревкой, вызывали насмешки у соседских ребятишек.

— Обносок!

«Не нужно внимания обращать, бабушка велела не связываться...» — думал Гиният.

— Так и будешь всю жизнь обноском, побирушка! Как волной подбросило...

Молотил кулаками не разбирая.

— Я не побирушка! Я не обносок!

По голове, по лицу.

— Я не подкидыш!

Соседский мальчишка схватился за лицо обеими руками, между пальцев капала темная кровь. Он громко, на всю улицу, заревел.

Гиният замер, в ужасе глядя на крупные бордовые пятна. И вдруг в голове зазвенело, перед ним стоял сосед Рашид, отец избитого мальчика. Рашид наотмашь хлестал Гинията по щекам, только голова моталась из стороны в сторону. Потом схватил за ухо и потащил в чулан. Гиният почти повис в воздухе. Худой восьмилетний пацаненок еле перебирал ногами по земле.

В чулане Рашид открыл погреб и сбросил туда Гинията. Падая на двухметровую глубину, Гиният неудачно приземлился на руку, от резкой боли потерял сознание.

Бабушка искала его сутки.

У всех спрашивала, не видел ли кто ее Гинията, ходила в лес, звала. Ночь спать не могла, опять ходила в лес, к соседям ночью обращаться было неудобно.

Утром сосед Рашид сам пришел к ней в дом.

— Жамал-апа, твой Гиният вчера моему Радику нос разбил. Совсем у тебя пацан от рук отбил, дикий, злой растет. Без отца какое воспитание? Ты сама еле ходишь, вот он и предоставлен сам себе, думает, ему все позволено. Пацана в строгости держать надо, а он у тебя как сорная трава, ничего путного из него не вырастет. Наказал я его за драку, в подвале он сидит. Иди забирай, только жалеть его не вздумай.

«Подожди, Рашид, я вырасту и прийду к тебе, Рашид. Я тебя убью, Рашид. Ты со мной, как с собакой, обошелся, и умирать ты будешь, как собака. Я куплю пистолет и пристрелю тебя, как паршивого пса». Такие мысли крутились в голове у Гинията, пока он сидел в погребе. Рука обвисла, шевелить ею было нестерпимо больно.

Бабушка спустилась в темный погреб, увидела внука. Гиният сидел на холодной земле, вжавшись в угол. Бабушка обняла его.

— Как у тебя совести хватило, Рашид, ребенка в холодном погребе держать? Ты же ему руку сломал, Рашид, да что же это делается? Пойдем домой, Гиният, тебе нужно поесть.

Бабушка перестала общаться с семьей Рашида, да и другие соседи косились на добротный дом с осуждением:

— Зажрались совсем. С сиротой как обошлись, а то, что его отец на фронте погиб, их паскудные жизни защищая, уже и не вспоминают.

Но все плохое забывается, срстаются сломанные кости, залечиваются израненные души.

Он все реже задавался вопросом, почему не пишет мать, ее образ стирался в памяти. Иногда, мимолетно, ему казалось, что ее руки ласково проводят по его голове, как в далеком детстве. Он отгонял от себя эти ощущения, иначе трудно было сдержать боль в груди, комком подкатывающую к горлу. К чему ворошить прошлое? У нее своя жизнь, и пусть она будет счастлива.

Председатель колхоза хотел отправить его учиться на экономиста, но работа в конторе не прельщала Гинията. Когда на деревенских гуляньях он звонким голосом запевал под аккомпанемент гармони, односельчане прочили ему будущее певца.

Он сделал свой выбор.

После окончания школы Гиният уехал в Бугульму, поступил в училище на бурильщика, на этой специальности была самая высокая стипендия, а впереди ждала настоящая мужская работа.

* * *

Сейчас человека подобной должности и с подобными же обязанностями называли бы губернатором, а тогда, в начале семидесятых, первый секретарь Тюменского обкома партии Борис Евдокимович Щербина повез делегацию московских чиновников на одно из самотлорских месторождений, где работала передовая бригада Левина.

Геннадий Левин к тридцати трем годам имел звезду Героя и отлично сработанный коллектив. Начинали они вместе больше десяти лет назад на нефтяном месторождении треста «Первомайбурнефть» г. Отраднo-го Куйбышевской области.

Гиният после нефтяного училища стал работать под началом Левина помощником бурильщика.

Когда УБР-1 расформировали, вся бригада Левина уехала осваивать нефтяные залежи Самотлора в Нижневартовск.

— Значит, наши доблестные нефтяники ни в чем не нуждаются? — Борис Евдокимович сам был трудягой и ценил работающих людей. Жил скромно, без излишеств, по должности положенным людям его уровня, но основной его заботой было, чтобы рабочие, в чьих руках находились богатства северных недр, а следовательно, благополучие страны, держались сибирской земли. Работая в тяжелейших условиях, они в быту ни в чем не должны нуждаться.

Нефтяники ни в чем и не нуждались. Прошли времена, когда приходилось подолгу жить на месторождении, не имея возможности попасть к семье из-за раскисших дорог, а семьи обитали в вагончиках, называемых «балками». Теперь жили в благоустроенных квартирах, отпуска проводили на море, со снабжением тоже все было в порядке...

— Ну почему же нефтяники ни в чем не нуждаются? — Гиният был старшим бурильщиком вахты. Их вахта по всем показателям в соцсоревновании неизменно занимала первые места. По скорости проходки, по безаварийности работы. Ростом под метр девяносто, богатырского сложения — сибиряк, одним словом. Да и голос соответствовал внешности. — Почему не нуждаются? Я вот, например, слышал, что «Волги» новые стали выпускать. Очень я в такой «Волге» нуждаюсь.

Все посмеялись удачной шутке. Еще бы, Горьковский автозавод недавно наладил выпуск новых «Волг» ГАЗ-24. Да, такая машина была мечтой многих, но в Нижневартовске такой машины не было ни у кого, даже у начальства.

— Я прослежу, чтобы из областного фонда персонально тебе, Гиният Валиевич, выделили новую «Волгу», — поддержал шутку Борис Евдокимович. И Гинияту показалось, что слова такого большого человека, сказанные при всех, совсем не походили на шутку.

Время шло, о полусерьезном-полушутливом разговоре понемногу забылось. Продолжалась работа, в любую погоду, в пятидесятиградусный мороз не останавливались буровые работы. Тысячи метров проходки... Гиният был представлен к награде — ордену Ленина. Его кандидатуру должны были рассмотреть в Москве.

Как-то к нему подошел Александр Усольцев.

— Гиният Валиевич, ты помнишь, Щербина тебе «Волгу» пообещал? — Усольцев тогда работал главным инженером Нижневартовского управления буровых работ. — Ты считаешь, пошутил он тогда? Нет, не пошутил, не такой человек Борис Евдокимович, чтобы обещания не выполнять. Он тебе выделил машину из фонда области, только начальство наше нефтегазовое решило, что кому-то из своих нужнее, чем тебе. Ты бы и не узнал никогда. Я тебя в известность поставил, дальше сам решай.

Председателю профкома Гиният вскользь напомнил приезд московской делегации. Да и невзначай проговорился, что через пару недель в отпуск уходит и есть у него желание в Тюмень заехать к Щербине, спросить, что же это Борис Евдокимович при всей бригаде обещает машину дать, а машины до сих пор нет. То ли забыл Борис Евдокимович, то ли затерялась где «Волга»... Опять же «Волга» не иголка, чтобы затеряться.

Вопрос решился быстро, сам собой.

Через две недели, в свой июльский отпуск, Гиният съездил в Горький за новенькой «Волгой» — «двадцатьчетвертой».

Отпуск планировалось провести у тещи в Ульяновской области. Жена с сыновьями после отдыха на море приедет к матери, Гиният их заберет, и на машине они вернутся домой в Нижневартовск. До Тобольска своим ходом, потом по Оби на пароме.

Еще до Нижневартовска, будучи самым молодым и неопытным нефтяником, только окончившим учи-

лище, Гиният познавал специфику профессии у своего наставника Анвара. Анвар — семейный человек, на несколько лет старше Гинита, стал для него старшим братом. Он часто бывал в гостях у Анвара, а жена Анвара — Галина угощала Гинията домашней стяпней. Как-то Анвар показывал семейные фотографии.

— Кто это? — Гиният увидел снимок незнакомой девушки, но раз снимок находился в семейном альбоме, значит, девушка была родственницей или близкой знакомой.

— Это сестра моей жены, Клара, хорошая девушка, не замужем. Женись на ней, Гиният, породнимся, — хитро подмигнул Анвар. Их с Галиной план сработал. Гинияту очень понравилась девушка на фотографии.

Сказано — сделано. Гиният поехал за своей невестой.

— Мама, я не хочу за него замуж. Он очень высокий, волосы черные. Он мне не нравится. — У Клары появление нежданного, непонятно откуда взявшегося жениха восторгов не вызвало.

— Выходи за него, дочка, он настоящий! Ты пойми, он без матери, без отца, вам сбоку никто мешать не будет. А мне в старости поддержка.

Гиният нашел с будущей тещей общий язык. А через какое-то время, поддавшись уговорам матери, сестры, зятя и настойчивости самого Гинията, Клара согласилась выйти замуж.

Назад, в Отрадное, он вернулся с молодой женой.

Сейчас он вспоминал с улыбкой Кларино упрямство. Целых три месяца пришлось ее уговаривать. Не зря столько усилий потрачено, лучшей жены не отыскать.

До поездки к теще ему нужно было сделать еще кое-что. Гиният давно не был в своей деревне. Последний раз он видел родные места, когда приезжал забрать бабушку к себе. Ее парализовало, и она не могла обходиться без посторонней помощи. С тех пор прошло десять лет. Бабушка умерла, он похоронил ее в Нижневартовске.

В деревне он хотел сходить на кладбище, навесить могилу деда и проведать двоюродную тетку, которая жила теперь в их с бабушкой доме.

«Что же такое? Взрослый мужик, трое сыновей, а волнуется, как школьник перед экзаменом. Может, не стоит ехать? Не хочется ворошить прошлое — что в нем было хорошего? Рос сиротой, вечная нужда... Домик этот маленький с подгнившими бревнами увидеть? В лес сходить к ручью, в реке искупаться, с теткой посидеть поговорить...»

Гиният открыл окно в машине, и ветер, показавшийся прохладным в нагретом июльском солнцем салоне, унес последние сомнения в правильности принятого решения.

Гиният включил радио. Звучала песня, татарская «Сандугач», он очень любил эту песню и с удовольствием пел во время застолий в компании своих близких друзей.

*Соловей, соловушка,
Не улетай, не улетай,
Расправив крылья,
С родной земли,
Ты вырос в этих краях,
Пил чистую родниковую воду.*

*Соловей, соловушка,
Ты улетаешь, я остаюсь.
Я твою песню запоминаю,
Чтобы петь своим друзьям*

*Соловей, соловушка,
Не улетай, не улетай
С родной земли,
Не бойся ты зимы,
Останься с нами,
Я тебя сберегу от холодных ветров.
Не улетай в чужие края.*

*Соловей, соловушка,
Ты улетаешь, я остаюсь.
Я твою песню запоминаю,
Чтобы петь своим друзьям.*

Улетел Соловушка, за тысячи километров от родной земли, и не в теплые края, а в Сибирь снежную, морозную. И там уже крылья расправил. Работал-пахал, не жалел сил своих. Зимой в морозы, летом в жару, мошка-гнус жизни не дает на болотистом Самоотлоре. Не жаловался. Как дед его, как отец. Не стыдно им должно быть за Гинията.

В Нижневартовск он перевез семью после расформирования УБР в Отрадном. Вся их бригада, двадцать человек во главе с Левиным, забрав семьи, уехала на Самоотлор.

Условий для жизни не было никаких. Жили в вагончиках, на улице грязи по колено. Климат суровый. Постепенно жизнь наладилась, всем квартиры государство выделило. Мужчины работали много и тяжело, а дома их ждали жены, уют и благополучие. Держались все вместе и в трудностях, и в радостях. Праздники отмечали большой шумной компанией. А на праздниках Гиният был в центре внимания с песнями. Голос у него, морозом сибирским закаленный, звонче стал.

Вот только...

С Анваром Гиният работал в разных вахтах. У Анвара в смену не вышел на работу верховой, человек, который на нефтяной вышке работает, наверху, следит за подачей труб в скважину. Анвар сам его место занял. Труба внизу плохо закреплена была, ветер в тот день как назло шквалистый поднялся. Труба сорвалась и сбила Анвара с вышки. Разбился насмерть... Братишка...

— Исямисес? Розилия-апа, как жизнь? — Когда вошел в дом, пришлось пригнуть голову, чтобы об косяк не удариться.

— Гиният! Ты, что ли? И не узнать тебя совсем! Ох, какой ты стал...

Так и просидели весь вечер за разговорами, воспоминаниями.

— Кто бы подумал, что ты таким станешь, Гиният, вон и машина у тебя, как у начальника какого.

— Рахмат син, Розилия-апа. Никто бы не подумал, что толк будет от сироты, раз уж мать родная отказалась.

— Ты, Гиният, зла не держи на мать. Не отказалась она от тебя, писала она тебе, только Жамал, бабушка твоя, велела ей забыть тебя. Отписала ей, что не нужна она тебе, что сама о тебе заботится лучше всякой матери. И на бабушку не сердчай, пойми, не хотела она тебя ни с кем делить, один ты у нее был на всем белом свете.

— Так вот, значит. Спасибо, что сказала, Розилия-апа. Пойду пройдуся, что-то душно стало.

На улице он встретил того соседа, Рашида, который его, мальчишку, бросил в погреб, сломав руку.

Это был старый спившийся мужичонка, которого Гиният одним щелбаном мог бы отправить на тот свет.

— Как дела, сосед?

— Да потихоньку, Гиният Валиевич. Вы, говорят, большим человеком стали. Мы-то всегда к вам как к родному относились.

— Что было, то былшем поросло.

Гиният поехал к жене и сыновьям.

В Москве одобрили кандидатуру Гинията на награждение орденом Ленина. Так в тридцать лет он получил за заслуги перед страной большую награду. Об этом писали все центральные газеты.

Мария

В квартире раздался звонок.

— Гиният Валиевич дома?

На пороге стояла женщина. Немолодая, вся в морщинах. Говорить ей было трудно из-за слез.

— Я прочитала... вот в газете...

«Мама, я так долго тебя ждал. Я знал, что ты вернешься ко мне» — он не сказал это вслух. Он только подумал об этом.

Послесловие

Мне привезли кассету о Самоотлоре. О Нижневартовске. Маленький город, который на болоте строили покорители Сибири, превратился в современный районный центр.

И вдруг в кадрах хроники за 70-е годы я увидела Гинията. Он стоит возле буровой. Молодой, красивый, мощный.

— Девочки, идите скорей сюда. Деда показывают. Деда Гену!

Да, это наш дед! Сабиров Гиният Валиевич.

Рахмат син, Ата.

Спасибо тебе, батя.

Основатель Шайтанского завода — Никита Никитич Демидов

(К 275-летию города Первоуральска)

9 июля 1730 года Никита Никитич Демидов получил из Берг-коллегии разрешительный указ о строительстве металлургического завода на речке Шайтанке, притоке Чусовой.

До сих пор считалось, что этот завод строил его сын Василий. Но в ГАСО (Государственный архив Свердловской области) обнаружился документ, который поставил точку в вопросе об основателе Шайтанского завода. Прошение Василия Демидова привожу полностью.

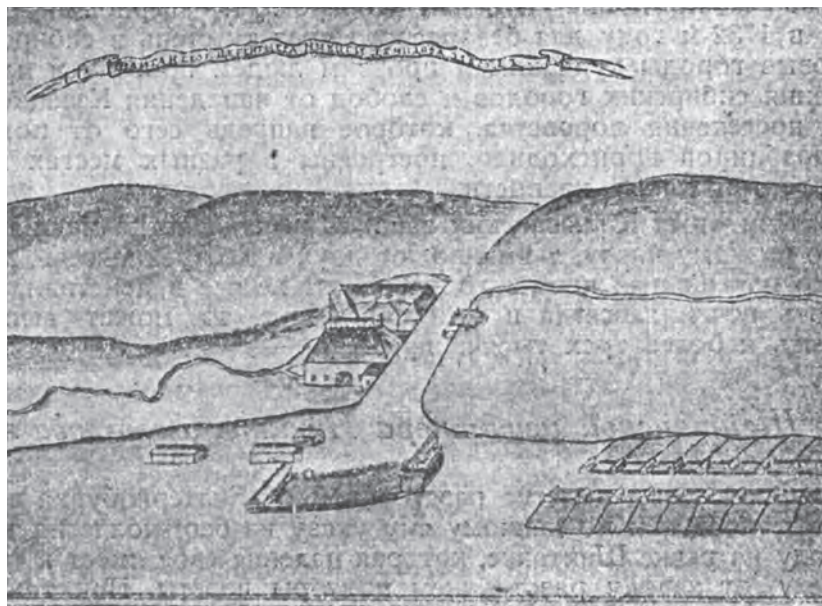
«№ 1184. Подана апреля 23 день 1733 года.

«Всепрестелейшая державнейшая великая государыня императрица Анна Иоанновна самодержица Всероссийская.

Бьет челом цегентнера Никиты Никитина сына Демидова, сын ево Василей Никитин сын Демидов, а о чем тому следуют пункты.

1

В прошлом 1730 году в июле месяце по указу Вашего императорского величества ис преждебывшей государственной Берг-коллегии повелено отцу моему помянутому цегентнеру Никите Демидову по прошению ево строить в Сибири при речке Шайтанке железной водяной завод для плавки чугуна иковки железа. И по силе того указа оной отец мой при речке Шайтанке радением своим плотину и при том домну для плавки

Шайтанский завод. 1735 г.

чугуна и молотовую фабрику дляковки железа построил и в действо пустил. **К сему**

2

И по постройке того, оной отец мой с того Шайтанского завода для управления заводских нужд. А при вышеупомянутом заводе для управления ж заводских дел оставил меня. **прошению**

3

А понеже случаетца то, что прошу я от Сибирского обер Берг амта разные заводские припасы и мастеровых людей чего за новостию при оном Шайтанском заводе еще

не имеетца от Сибирского обер Берг амта, також и другие нужды просить приключаются, а за теми делами ходатайствовать и отлучаться мне з заводу за крайними заводскими нуждами и исправлениями не по которой мере невозможно. И как за прежде поданными прошениями от отца моего, так и от прикащика нашего Конищева, оставляю ходателем прикащика ж Терентья Исаева сына Масалова, и что по прежде поданным прошениям и в впредь будет просить письменно, в том во всем ему Масалову верю и, что по делам он Масалов учинит в том, прекословить ни в чем не буду. **Василей**

4

Всемиловейшая государыня императрица прошу Вашего императорского величества, да повелит Ваше державие сие прошение мое в Сибирский обер Берг амт принять и поверенному моему помянутому Масалову в ходатайстве в наших делах верить. Демидов

Вашего императорского величества нижайший раб цегентнера Никиты Демидова сын ево Василий Демидов 21 дня 1733 года сие прошение писал Сибирского обер Берг амта копейист Василий Бирюков. К поданию надлежит в Сибирской обер Берг амт. руку приложил».

Под каждым пунктом прошения рукой В.Н. Демидова подписаны слова, которые составляют предложение: «К сему прошению Василий Демидов руку приложил».

Первый чугун был выплавлен 1 декабря 1732 года — этот день считается основанием Шайтанского завода, а сейчас города Первоуральска. Завод построен на деньги Никиты Никитича — младшего сына Никиты Демидовича Демидова. Из прошения Василия (внука Н.Д. Демидова) становится ясно, что его отец находился в группе первостроителей, сделал выбор места под строительство предприятия на речке Шайтанке, под его руководством построена плотина и завод. Сам Никита Никитич — хозяин и основатель Шайтанского завода — 1 декабря при запуске домны не присутствовал.

В XIX веке завод называли Васильево-Шайтанским — в честь Василия Никитича Демидова, одного из первостроителей. Новый документ расставляет точки над і.

В прошении также говорится о приказчике Терентии Масалове. В исторической литературе из книги в книгу повторяется, что он является первым приказчиком Шайтанского завода. Но судя по архивным данным, Т.И. Масалов — только четвертый приказчик после Лукияна Копылова, Ивана Яковлева и Агафона Канищева.

ВИНОКУРОВА Наталья Осиповна (1860 — 1930), сказочница.

Репертуар В. был обширен и разнообразен. Ее бытовые и волшебные сказки носят ярко выраженный сибирский колорит и проникнуты сочувствием к страдающим. Лучшие из ее сказок: «Верная жена», «Орел-царевич и его сын», «Колдун и его ученик», «Брат и сестра». Первые записи сказок В. были сделаны в 1915 г. М. К. Азадовским. Ему же принадлежат исследования творчества В. : Русская сказка. Избранные мастера, под ред. М. Азадовского. Т. 1-2. Л., 1932.

КЛЭ.

ВИНТЕР Е., этнограф.

Венгеров. Источ.

ВИНТЕРБЕРГ Александра.

Участв. в соавт. «Истории Бессарабской области» (1816).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ВИРГИНСКАЯ Елизавета Осиповна, авт. воспоминаний.

Сестра историка В. О. Ключевского. «Воспоминания сестры В. О. Елизаветы Осиповны Виргинской». — В кн. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1914. Кн. 1. С. 414-419.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 5427.

ВИРТИН.

(См. Энгельгардт В. В.) .

ВИСКОНТИ Мелитина Александровна, авт. воспоминаний.

Жена эмигранта Н. Н. Лопатина. Авт. ст. «Члены группы «Освобождение труда». (Воспоминания). — В кн. «Группа «Освобождение труда». Сб. № 2. М., -Л., 1924. С. 149-159.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 1. № 1603.

ВИСТЕЛИУС

Уч-ца артели переводчиц (60-70-е гг. XIX в); вместе с др. пер. кн. Г. Вагнера «Из природы». — См. «Женское дело», 1900. № 5.

ВИТАШЕВСКАЯ А., авт. воспоминаний.

Жена народника Н. А. Виташевского. «Н. А. Виташевский. (Беглые воспоминания)». — «Каторга и ссылка», 1924. Кн. 11. С. 257-262.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 1. № 1390.

ВИТВИЦКАЯ Божена Иосифовна (псевд. Бинобль), журналистка.

Сотр. в «Бирж. ведом.», «Теарт и искуст. » 1910-х гг., «Рижском курьере» 1920-х гг. — Бинобль; «Пг. эхо» (1918) — В.

Масанов.

ВИТГЕНШТЕЙН Леонила Ивановна, княг. (урожд. княж. Барятинская), авт. воспоминаний.

Хозяйка салона в Париже. Не она ли редактировала русский и польский отделы биографич. указателя «Celebrated

Woman» известных в истории и в науке женщин, который издавали в Лондоне сестры Бетам. (См. Кн. вестник. 1885. № 1. Стлб. 29). Ее записки в пер. с франц. — в «Рус. архиве», 1908. Кн. 3. Вып. 11. С. 400-401.

ИДРДВ. Т. 3. Ч. 3. № 5751.

ВИТКОВСКАЯ Елизавета

13-летняя сотр. «Дамского журнала», авт. стихотв. (1829. Ч. 25. № 3). Венгеров. Источ.

ВИТКОВСКАЯ Софья Васильевна (1871 — 1906), авт. воспоминаний.

Авт. кн. «Кругом земли: Путевые воспоминания». — СПб., 1915 (портр).

ИДРДВ. Т. 4. Ч. 1. № 521.

ВИТМАН Агния Михайловна (1895 — ?), библиограф.

В соавт. с Н. Д. Покровской-Хаймович (см) сост. библиогр. справочник под ред. и со ст. М. А. Рыбниковой «Восемь лет русской худож. литературы (1917-1925)». М. -Л., 1926.

РНБ.

ВИТМАН Ирина

Авт. рассказов (1912). Авт. кн. «Снежинки». 1912-1913. Калуга, 1913; «Снежинки». 1913-1914. Т. 2. Калуга. 1914.

Венгеров. Источ.; Розанов.

ВИТОЛЬДОВА-ЛЮТЫК Стефания, авт. воспоминаний.

«На восток...: Воспоминания времен колчаковской эпопеи в Сибири в 1919-1920 гг. » Рига, 1930 (Эвакуация с семьей из-под Омска после сдачи города армией Колчака. Поездка в Красноярск. Захват польского эшелона красными. Плен. Работа в госпитале в Красноярске. Возвращение семьи в Литву). «На Запад: Воспоминания» — Рига, 1931 (Нач. 1920-х гг. Жизнь с мужем в с. Большой Имыш, дер. Усолье Минусинского окр. Енисейской губ, в Иркутске. 4-месячный путь в Москву через Новониколаевск, Омск, Вологду в латышско-литовском эшелоне. Московский эвакуационный пункт. Выезд в Литву).

Кн. рус. зарубежья; Периодика...; РРЭВД. 2

ВИТТ, де Вера Николаевна (? — 1904), поэтесса и педагог.

Венгеров. Источ.

ВИТТЕ, де Елизавета Ивановна, авт. воспоминаний.

«Путевые впечатления: С историч. очерками: Лето 1903 г. : Буковина и Галичина / Предисл. О. Грабаря. » — Репринт. Воспроизв. изд. 1904 (Киев), 1977.

Кн. рус. зарубежья (Де-Витте).

ВИТТЕ София (Гельт).

Авт. повестей (1900); авт. критич. очерка «Л. Андреев», Одесса, 1910.

Венгеров. Источ.

(Продолжение следует)

Найден архив домовой конторы Походяшина

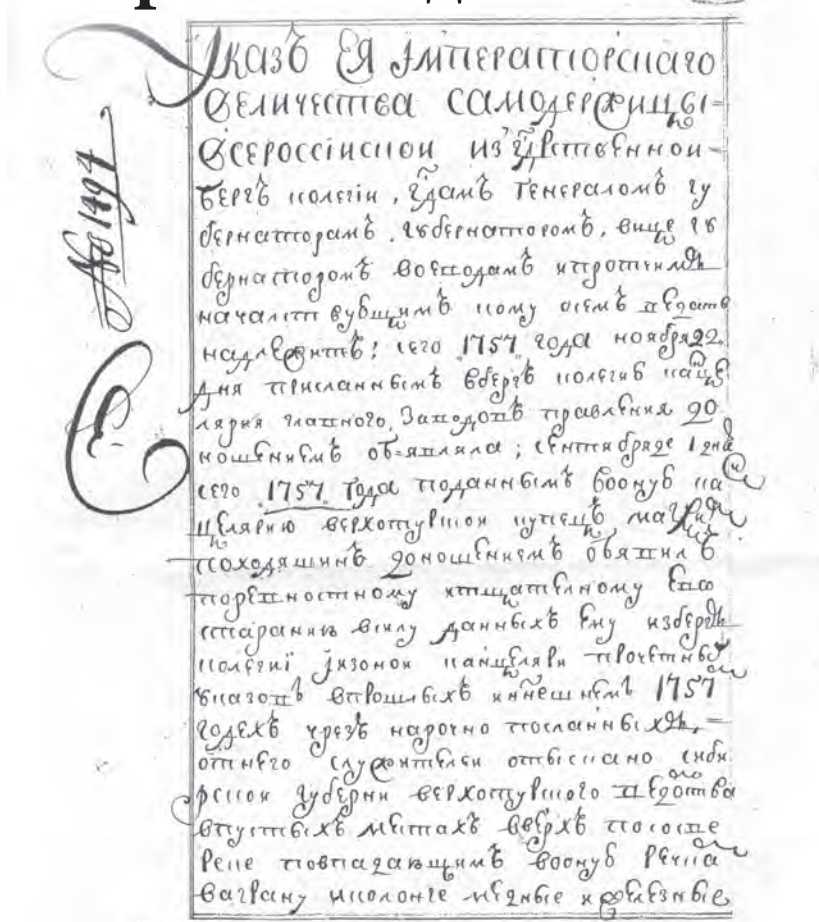

В этом году исполняется 250 лет горнозаводской промышленности Северного Урала. Именно 5 декабря 1757 г. Государственная Берг-коллегия выдала разрешение верхотурскому купцу второй гильдии Максиму Михайлову сыну Походяшину на строительство Петропавловского железодельного и медеплавильного завода (г. Североуральск). С этого момента и началось освоение Северного Урала.

Построенные Походяшиным Петропавловский, а затем Богословский заводы стали выплавлять третью часть всей меди, получаемой на Урале. Благодаря Походяшину были заселены пустынные и таежные места. Впоследствии здесь возникли города и поселки. В их числе Североуральск, Карпинск, Краснотурьинск...

За короткий промежуток времени никому не известный купец становится одним из самых богатых людей в России. На своих заводах он выплавляет до 60 тыс. пудов меди в год. О медном короле Урала складывают легенды. Медь Походяшин получал не простую, а серебристую (с Васильевского рудника) — из нее выделяли серебро и чеканили монеты не только на Екатеринбургском монетном дворе, но и в Санкт-Петербурге, и на Колывановских заводах.

Заслуга Походяшина в развитии Северного Урала так велика, что его можно поставить в один ряд с такими знаменитыми людьми, как Строгановы, Демидовы и Всеволожские. Но в наше время о Походяшине мало что известно. В свое время уральский историк и краевед Н. Чупин опубликовал подробные и достоверные сведения о его деятельности. Но это было давно, и мало кто сейчас имеет возможность с ними ознакомиться. Еще был написан А.Г. Барминым в 1751 г. исторический роман «Руда», но и он уже давно не переиздавался.

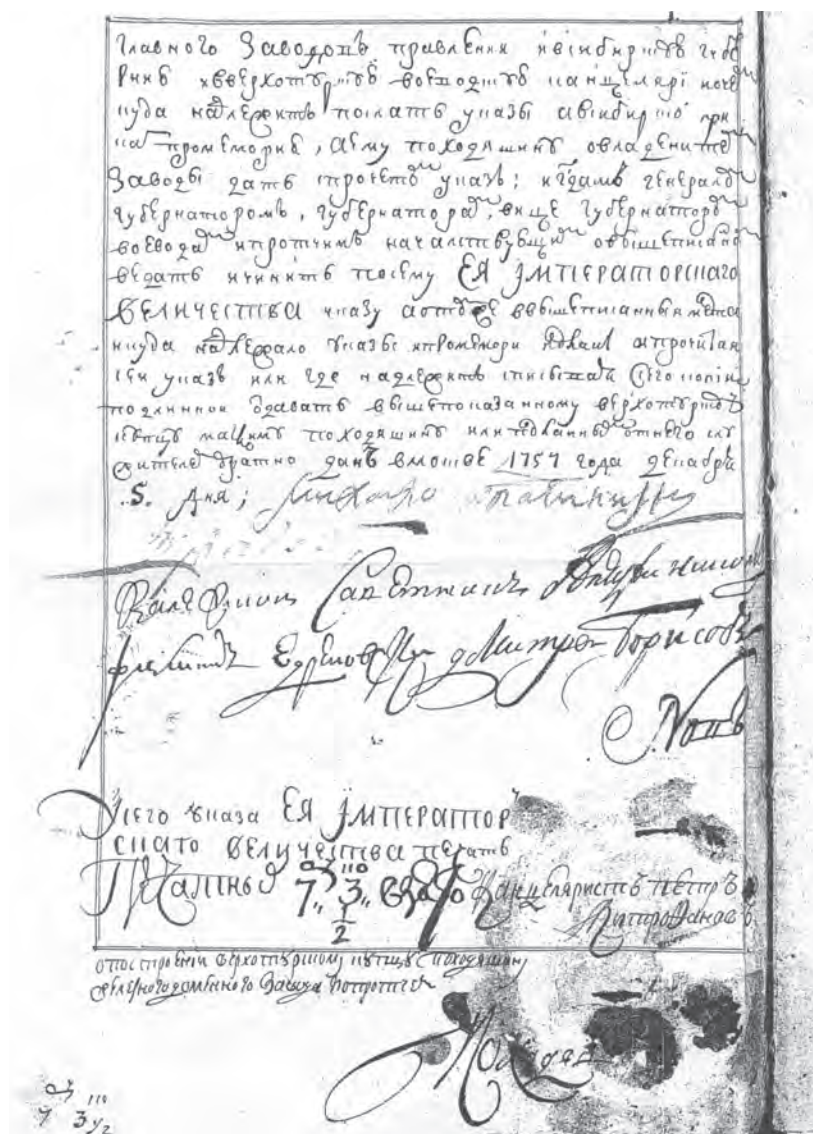
Указ о постройке Петропавловского завода

На этом, можно сказать, и кончается список публикаций о Походяшине. Не найдены и не выделены документы о Походяшине и в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО).

Сейчас краеведы и историки Северного Урала пытаются ликвидировать этот пробел: по инициативе научного сотрудника УрО РАН М.С. Бессонова ежегодно проводятся региональные научно-краеведческие конференции «Походяшинские чтения». Они прошли уже в Верхотурье, Краснотурьинске, Карпинске, Серове и Ивделе. Заслуги Походяшина постепенно становятся известными кругу краеведов и любителей истории края. Но еще не все сведения о нем известны даже историкам.

Автор этой статьи совершенно случайно решил посмотреть одну из предпоследних описей (23) из 24 фонда ГАСО. В конце описи значилось дело № 6887 с названием: «Материалы о состоянии медеплавильных и железодельных заводов Уральского хребта и рудников, принадлежащих к этим заводам».

При ознакомлении с делом оказалось, что в нем собраны не документы о заводах Уральского хребта, а архив домовой конторы Походяшина. Том оформлен в переплет из толстой коричневой кожи, имеет опись из 161 документа и содержит в себе 447 листов. Документы домовой конторы переписаны еще в 1793 г. и по указанию начальника горных банковских заводов надвор-

ного советника и кавалера Максима Никитича Попова и переданы в Горное управление.

Особенно интересным оказался раздел «Крепости, записи и письма, данные вогулами на владение лесов и сенных покосов, принадлежащих к горным заводам». В нем представлены документы о вогулах (манси), которые проживали в местах, отведенных под Богословские заводы и рудники. Стало известно, что Богословский завод был построен на землях вогула Дмитрия Антипова, которые были куплены Походяшиным за 100 рублей.

Походяшин умел ладить с вогулами. Они сообщали ему о найденных рудах. Причем, за каждое сообщение он выдавал им по 10 рублей, даже не выявляя благонадежность месторождения. (Обычно в государственных заводах выплачивали

вознаграждение после выявления запасов.) Были среди аборигенов и такие, которые не хотели объявлять прииски ни за какое вознаграждение. Таким был Сила Городков, юрты которого располагались у Княспинских озер. Документы архива рассказывают о трагической судьбе вогула, которого знал даже знаменитый ученый П. Паллас.

В архиве Походяшина сохранился указ Петропавловской конторе от 1780 г. о вторичном приезде Палласа и о предоставлении ему образцов руд и штуфов с минералами. Поездка у него сорвалась, что вызывает сожаление, так как на Петропавловском заводе были обнаружены неизвестные еще науке бокситовые и марганцевые руды, которые принимались за бедные железные. Не исключено, что образцами неизвестных руд Паллас мог заинтересоваться и взять их

с собой для испытания. И, кто знает, может быть, открытие уральского алюминия и марганца произошло бы значительно раньше.

Документы найденного архива сообщают о находке коренных месторождений золота на горе Кумбе (Золотом камне), на горе Белой и на Воскресенском медном руднике, о которых мало кому известно. Причем на Воскресенском руднике золото было найдено не в 1813 г., как пишут многие авторы, а еще в 1775-м.

Мало кому известно, что первую руду на Качканарском месторождении добыли Походяшин с Ливинцовым еще в 1763 г. Плавил ее на Николаепавдинском заводе. Гору тогда называли не «Качканарской», а «Кескенарской». В найденных документах имеется и чертеж отвода Кескенарского месторождения.

Обнаружены и документы с описанием шахт Турьинского месторождения. Описание помогло найти шахту, в которой Походяшин добывал поделочный малахит. Его называли тогда зеленой курioзной рудой.

Известно стало и то, что Васильевский прииск был найден не в 1758 г., как об этом пишут краеведы, а в 1760-м. (В 1758 г. найден медный прииск, который также располагался на левой стороне реки Турьи в 5 верстах от Васильевского рудника.)

В документах содержится письмо (челобитье) Походяшина к Екатерине II, в котором он просит, чтобы Берг-коллегия ускорила разрешение о покупке им части Николаепавдинского завода.

Архив Походяшина содержит много неизвестных сведений, которые ждут своих исследователей.

Знаменательно, что находка архива произошла в канун 300-летия со дня рождения М.М. Походяшина (1708 г.). Жаль, что до настоящего времени не найдено его портрета. Без сомнения, такой портрет должен быть, так как на заводе у Походяшина работал художник Борисов, который рисовал портреты приезжающих горных чиновников.

Место захоронения Походяшина также остается неизвестным. Но, по всей вероятности, его похоронили в г. Верхотурье, рядом с церковью, которую он построил.

Вершитель судеб

Самое трудное — не открывать глаз, пока не прочитаешь. Только на седьмой раз приучился. Сейчас какой? Так: «Тринадцатый вызов. Временная локализация — 10.07.85. Пространственная локализация — 59,8—30,3. Успехов в новой жизе. Вам присвоен индекс 456895486-13. Если ваш вызов первый, рекомендуем обратиться в Агентство Возврата. Ничему не удивляйтесь! Радуйтесь! Вы там, где всегда хотели оказаться!..»

Я открыл глаза. Идиотизм! Все знают, что Агентства уже не существует. Но время проплачено, значит, реклама должна идти. Вообще, ловко придумали — первые впечатления вызова всегда самые крепкие. Только на меня не действует — псиблок надежный, Крепыш ставил. Первое время во все местные отделения жуткие очереди выстраивались. Я тоже раза два отстоял, пока не догадался с защитой.

Теперь встать и отойти в сторону. Стрелки по движущимся мишеням не стреляют — правила у них такие, что ли? Правила. Сами выдумали, сами и соблюдают.

Проверить одежду. Цела. Значит, ещё послужит — в мусор не заметут ночью. Спать, хочешь — не хочешь, а придётся. Место бы найти. Хоть и тепло, а вдруг дождь. Заболеть — раз плюнуть. А сейчас лечение одно — «помощь при возврате». Ублюдки. Нашли, как убийство назвать.

Судя по всему, умер я сам, никто не помогал. Ну, может, немного — следов вмешательства не видно. Остались ещё совестливые люди.

Самый момент смерти всегда помнится смутно. У всех так — я расспрашивал, пока было интересно. И пока отвечали. Теперь никто не хочет разговаривать — наслаждаются.

Что ж, наслаждаться и я могу. Скажем, голубым небом, зелёными листьями, ветерком, что их колышет, непрямой травой, заросшей грунтовой дорогой, превратившейся в тропинку. Вот по ней и пойду.

Внутренний комп у меня настроен на вывод информации на тыльной стороне ладони, а не как у большинства — на веках. Не люблю, как дурак, с закрытыми глазами замирать, читая информацию. Ретроград, ага. Но выбрать нужное направление это не помешает. Свирился с компом и зашагал на север.

Сергей Викторович Васильев родился в 1966 году в городе Ленинграде (Санкт-Петербург). По образованию инженер-строитель (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта). Первый рассказ «Простые вещи» был опубликован в сборнике «Хищные вещи века» (Волгоград) в 2005 году.

Когда я его заметил, то сразу не понял, что в нём странного. Человек, как человек. Сейчас таких миллионы на всех дорогах. Потом дошло. Он сидел, направив на меня лук с натянутой тетивой и наложенной на него стрелой, и не стрелял.

Однако. Тут впору призадуматься. Никто так сейчас не поступает. Любой бы выстрелил, а потом смотрел — куда попал и во что. Даже я, если б мне было из чего стрелять. Нет, это всего лишь соревнование, а не остатки инстинкта самосохранения.

Везёт мне на интересных людей. Хотя давно ни с кем не разговаривал — все стали какими-то необщительными. А поговорить хочется. Ну, потребность у меня такая — языком потрепать.

Увидев, что я ничего опасного не делаю, мужик отложил лук и показал подбородком на место рядом с разведённым костерком — присаживайся, мол.

А чего — и посидим. Вдруг да и угостит чем — вон, над костерком что-то жарится. Хотя это совсем не главное. Главное — узнать, откуда он такой взялся. Вот первым делом об этом и спросим.

— Слушай, ты откуда, а? Таких, как ты, очень давно не видел, — я выделил голосом «очень».

Мужик посмотрел на меня, потом на небо, на землю и не ответил. Ну, и ладно. Зато я смог его внимательно рассмотреть. Вблизи он выглядел чуднее, чем издали. Невысокий, загорелый, светловолосый, немолодой — лет пятидесяти и совершенно спокойный, будто ему никакого дела нет до всего вокруг. Одежда меховая, кожаная, непривычная; не наша. И ни малейшей искорки безумия в зеленоватых глазах.

— Куда направляешься? — я не оставил надежду разговаривать его.

— Генсво взрата, — мужик ответил резко, коверкая слова, но я понял.

Ага, дойдет он, как же.

— Давно идёшь?

— Лето было. Зима была. Теперь опять лето.

Сильный. Давно идёт. Издалека, небось.

— Я вот тоже третий месяц до Санкт-Петербурга никак не дойду. Вроде и рядом, а всё не попасть — отбрасывает, как умираю.

Мужик повернул пруттик, на котором висело жаркое, чтоб равномерно подрумянивалось, капнул жирком в

пламя — в костре затрещало, и только после этого сказал, будто с каждым словом золотой отдавал:

— Тот добивается, кто стремится.

О — на философа нарвался! Сейчас поспорим с ним. Даже тот спор, где родится истина, может быть интересным.

— А как же внешние помехи? Катаклизмы всякие — бури, ураганы, смертоубийства?

— Нет внешнего. Только то, что создаём своим разумом, мешает нам.

— Мне мешают препятствия, возникающие на моём пути по дороге к цели, — хотелось вызвать мужика на откровенность, и я нарочно провоцировал его.

— Обойди их. Будь гибче. Жёсткое ломается. Гибкое — достигает цели.

— Цели разнятся. У каждого она своя. Что одному легко, другому — трудно.

— Цель одна. Но различны пути достижения её.

— Какова же она? — я уже не мог остановиться с вопросами.

— Достичь совершенства.

А мужик ничего. Станный, но толковый. По-русски плохо говорит, но понять можно, если постараться. Древний, наверняка. У них вечно с пониманием проблема — большей частью на мёртвых языках говорят, а этот научился, гляди.

— Передо мной мудрец! — Я даже не льстил, лезть — ничто в нашем мире: — Как твоё имя?

— Не мудрец я, но — воин. Бату моё имя.

Я поперхнулся своим следующим вопросом — надо же, кого вернули! А по виду не скажешь.

— Меня Саня звать, — поспешил я представиться. Нельзя перед таким человеком неуважение проявить. Мы все — гниль перед ним.

— Ты — хороший собеседник, — сказал Бату, — многих я видел, но ни с кем не говорил так, как с тобой. Безумные они. Все люди безумные. Почему так? Что случилось?

— Люди часто создают то, что оборачивается против них.

— Что же это?

Я задумался. Не объяснять же ему технические аспекты МВ. Я и сам не знаю. Что происходит — понимаю, а вот почему...

Нет, я попробую. Раз-другой сам себе расскажешь — понимание проблемы возрастает. Боюсь только, что проблемы и нет никакой.

А как всё хорошо начиналось!

Эти идиоты изобрели всё-таки машину времени. Исключительно из человеколюбия. И применять её хотели ради исправления исторической несправедливости. Вот погиб исторический персонаж раньше времени, а как бы хорошо вытащить его в момент смерти и оживить уже здесь. Почему-то всё Жанну д'Арк в пример приводить любили. Бедная Жанна...

Вернули её. Спасибо она им не сказала. Она вообще говорила очень мало.

Где одна, там и остальные. Сначала известных личностей тягали, а потом на своих родственников перешли. И всё — конец тайне.

Тут же всякие демократы, любители референдумов, за дело взялись.

«Спасём невинно убиенных! Спасём великих людей от преждевременной кончины! Спасём...». Да уж сейчас и не помню, кого спасать собирались. Красивые слова, ладно бы только говорили! Так нет — они стали воплощать то, о чём вещали со всех экранов, на всех перекрёстах.

«И будет всем счастье». Всем, вот именно.

Не хочу я быть счастливым! Не хочу! Не нравится мне их счастье. Да разве они кого спрашивали?

Отвлёкся.

Пока МВ находились у правительств — контроль был. Даже когда общественные организации готовили списки достойных для переноса в наше время — ещё был. А вот когда составили — всё и закончилось. Потому как не смогли договориться. Каждый предлагал тех, кто ему был дорог. И не важно, что для кого-то другого он был врагом номер один. Совсем неважно.

Всемирная сеть — зло. Кто включил машины времени одновременно по всему миру — так и не выяснили. Он поставил их на автоматический возврат всех безвременно погибших. Всех. Выставил срок — с двухтысячного года до нашей эры. Верхнего срока не поставил. Забыл, не придал значения — кто его знает.

Кто-нибудь в курсе — сколько людей за историческое время умерло не от старости? Их не стали считать, даже когда они посыпались на головы со скоростью сто человек в секунду. Повезло хотя бы в том, что при возврате они не тащили за собой древних болезней — МВ чистила их при переходе, убивая вирусы, бактерии и заживляя раны.

Про то, что их некуда деть, никто не думал. К разгуливавшим древним привыкли быстро. Таких узнать было просто — болтают без умолку какую-то тарбарщину, и глаза горят. Не связывайся с древним — и всё в порядке будет.

Один связался — они там ему что-то ломали — и поплатился. Однако он недолго мертвым пролежал. Через пять минут вскочил, как новенький, и опять добро свое побежал спасать. Древние его опять пристукнули. И так раз пять. В момент смерти его тело исчезало, а потом он живой появлялся. Правда, всё в разных местах. В последний раз вообще за триста километров.

Добрался до местной телестудии и всё им рассказал, а потом продемонстрировал — с блаженной улыбкой себе горло перерезал. Кровища ручьем, режиссер в истерике, а он вернулся и внятно рассказал, что нет у него теперь страха смерти. Дескать, можно делать что хочешь — всё равно окончательно не помрёшь. «Испытай новые ощущения — умри раз за разом».

Так вот и началась эта жизнь...

Не жизнь. Жиза. Некоторые пишут с буквы «ш». Может, так оно и отражает суть, да только мне не нравится. Всё ещё надеюсь — вдруг что-то изменится. Идиот, одним словом.

Или это все они идиоты? Нет сдерживающих факторов. И до сих пор считают себя цивилизованными людьми — я спрашивал!

Да я тоже такой, шизанутый. Конечно, я не буду специально держать руку в костре, чтоб посмотреть, как она обугливается. Но через разваливающийся мост над пропастью, если мне надо на ту сторону, пойду совершенно спокойно.

Нет ошибочных действий — есть длинные пути к цели.

Интересно, какая цель у Бату?

А вот у меня простая — выключить МВ.

— Ты хочешь прекратить всё это? Но ведь люди совсем не те, что были раньше. Они умрут. Все.

— Значит, они заслужили это.

— Ты жесток.

Было странно слышать такие слова от великого полководца, посылавшего на смерть своих воинов, ровнявшего города с землей.

— Я — реалист.

Бату подумал, посмотрел внимательно на меня и сказал:

— Вместе пойдем.

До города всего-то километров пятьдесят, да по городу — двадцать. Два дня пути. Ну, три, максимум. Если по дороге не убьют, и опять не отбросит к чёрту на куличики.

Бату взял меня за локоть и крепко сдавил, останавливая.

— Что?

— Там яма на дороге, — почему-то он говорил тихо.

— Ну и что?

— Не делай такого лица...

Пришлось привести его в порядок: из изумленного — в нейтрально-заинтересованное. Бату продолжил:

— Там явно засада.

— Кому это надо? Убить можно и так, а потом забрать с убитого.

Да и нет у нас ничего. И вообще — легче войти в дом и взять всё, что

тебе требуется. На самом-то деле — не нужно ничего.

— Я проверю.

Бату сделал шаг в сторону, сходя с тропинки, а я остался стоять, в первый раз не зная, как поступить. Весь мой опыт говорил, что опасаться чего-либо бессмысленно — ничего не могло мне повредить. Но Бату действовал совершенно иначе. По-старому, будто и не было включенных МВ.

Пока я раздумывал, монгол вернулся, улыбаясь и вытирая лезвие ножа пучком травы.

— Никто не сражается. Даже скучно.

— Сколько их было?

— Двое. Теперь можно идти. Яму — обойди.

Зачем он заботится обо мне? Каждый сам за себя — непреложная истина. Для нас, нынешних. Не для него, древнего монгола.

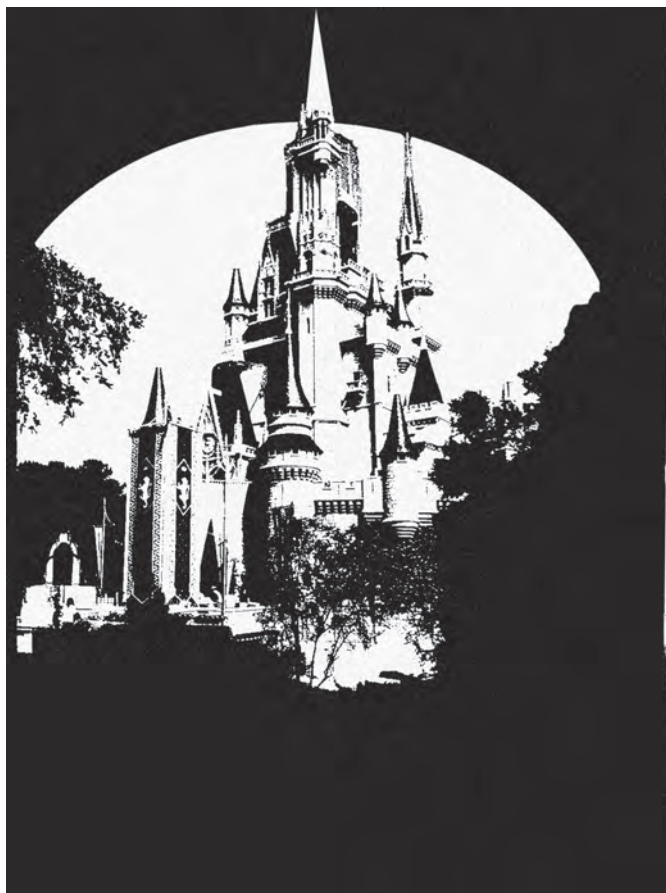
Надо попробовать понять Бату. Без этого — не будет доверия.

А оно мне нужно? Я подумал и решил, что да, нужно. Не затем, чтоб в какой-то момент он спас меня. Но чтобы излечиться от жизни.

Бату был настоящим человеком. Энергичным, предприимчивым, способным к самопожертвованию. А я — совсем другим. Вялым, безвольным, не думающим ни только о другом, но и о себе. Почему-то я стал отвратителен сам себе.

Почему?.. А потому, что смог взглянуть на себя со стороны: хреново я выглядел.

Мы шли не торопясь, изредка переговариваясь. Никто внезапно не выскакивал с идиотскими криками, потрясая оружием. Лишь звуки леса — шелест листьев на ветру, гуденье и треск насекомых, свистенье и крики птиц, треск сухих веточек под ногами. Такое спокойствие, как сейчас, было мне в новинку. Чем-то оно разнилось со знанием, что умереть невозможно.

– Бату, ты боишься смерти?

Он не ответил. Конечно, на глупый вопрос нельзя дать ответ. Зачем же я задаю такие вопросы? Да потому, что Бату посеял в меня сомнения. Вдруг я ошибаюсь? Ведь действительно, прежде, чем люди поймут, что опять смертны, умрут многие и многие. И это ляжет на мою совесть.

– Совестьливый? – усмехнулся Бату.

– Я не могу понять – прав я или не прав.

– Ты прав, Саня. Слабые умрут, сильные останутся.

– Самые сильные сейчас древние. Те, кто умер давным-давно. Что мы против них? Вот сравни себя и меня.

Бату рассмеялся:

– Силы в тебе никак не меньше, чем во мне. Внутренней силы. Думаешь, таких, как ты – нет больше?

– Всё равно Земля не оправится. Знания забудутся. Всё придет в запустение. Надо будет по новой создавать цивилизацию.

– Зачем? Чтоб повторять ошибки? Думай о том, что действительно надо человеку.

– Думай, думай, – проворчал я, – уже голова пухнет от этих дум.

Стать вершителем судеб всех людей на планете – что может быть заманчивей для жаждущего власти? Но не для меня! Мне просто противно смотреть, что происходит с цивилизованным миром.

Да уже и не цивилизованным, надо признать. Закат цивилизации. И поделом! Всему приходит конец. Нельзя растягивать агонию, названную некоторыми «цивилизацией», до бесконечности.

А действительно, что надо человеку? Нормальному человеку? Вся эта мишура, про которую уже позабыли – трёхмерники, видеофоны, эмпатники? Дешевая энергия для преобразования родной планеты? Внеземные колонии? Их-то эта волна МВ не затронула – умными оказались, не в пример нам.

Вовсе нет. Должна быть гармония с природой – только тогда человек будет счастлив. Гармония, а не покорение.

Только древние могли жить так, да и то – не все. Значит, им и достанется Земля. Мало кто не поддался угару невозможности смерти. А я стану палачом.

Почему-то я не сомневался, что у меня получится разорвать кольцо МВ. Достаточно вывести из строя всего одну машину, и спонтанный возврат прекратится. Вот только когда это случится? Чем позже, тем меньше нормальных людей останется. Я представил, как жители Марса высаживаются на своей прародине и снова колонизируют её, опустевшую. А редких, оставшихся в живых, одичалых землян помещают в закрытые резервации, чтобы не допустить распространения безумия среди новых поселенцев.

Я вздрогнул. Мы скоро дойдём. Бату поможет.

Сквозь листву просвечивали шушарские небоскребы. Хорошо построены. Ничего им и за сто лет не сделается, а тут всего третий год запустения пошёл.

– Город? – спросил Бату.

– Он. Почти пришли. Только там безумцев гораздо больше, чем в лесу.

– Думаешь, оставлю тебя?

Разумеется, я так не думал. Для монгола невозможно нарушить слово. Те, кто так поступает, подлежат смерти.

Жаль, что сейчас не стало людей слова. Жаль... Неожиданно сдавило горло. Словно что-то насовсем отняли у меня. Захотелось завывать, упасть и биться головой. Зарыться в землю, чтобы никто не видел моего странного горя.

Чувство невосполнимой утраты переполняло меня.

Бату посмотрел мне в глаза.

– Ты оживаешь. Сухое полено пустило зелёный росток.

– Всё пройдет. – Я сглотнул, пытаюсь совладать с собой, и криво улыбнулся.

– Новая жизнь – это всегда боль.

Я промолчал – зачем слова, когда и так всё ясно?

Мы перешли железнодорожную насыпь – лучше идти подальше от домов. Мало ли кто там живет. Но жили и тут. Они вышли из маленького неказистого домика и подняли своё оружие.

– Это наше место. Никому нет прохода здесь, – сказал один из них.

Бату действовал быстро, быстрее, чем эти люди поняли, что будут убивать их. Я и не предполагал, что можно стрелять с такой скоростью.

Лук в руках монгольского воина оказался эффективнее огнестрельного оружия нападавших. Никто из них не умел как следует стрелять, а Бату раз за разом посылал свои стрелы им в лица, разбивая черепа. Я ничем не мог помочь ему, только стоять, безвольно опустив руки, и смотреть, как он помогает с возвратом этим безумцам.

Грохот выстрелов привлек людей, как грифов на запаках падали. Каждый считал своим долгом пострелять в пришлых. Они окружили нас с Бату, заходя со спины, не оставляя возможности отступить, и стреляли, стреляли, всё не попадая и не попадая...

Ох! Попали!

Странно. Глаза закрыты, а ничего не проецируется на внутреннюю поверхность век. Ладно, реклама – вполне возможно, что оплаченное время закончилось, но координаты! Куда отбросило? Был почти на месте. Так никогда не дойду до города.

Открываю глаза. Моргаю. Трава. Ветки над головой. Небо.

Надо вставать. Я неловко двигаю рукой и сразу же боль, боль, боль... Ох ты, что же это? Повязка через грудь. Меня лечат?! Совершенно невозможно!

Надо мной появляется улыбающееся лицо Бату, и он говорит своим резким, но в то же время успокаивающим голосом:

– Выздоровливай, Саня. Выздоровливай. Ты дойдёшь. Ты должен...

Содержание журнала «Уральский следопыт» за 2007 г.

РЕКА ВРЕМЕНИ

Проекты «Уральского следопыта»

- К подписчикам журнала..... №12
Чтения в Орле..... №12

Тропой поиска (Поиски и находки)

- Ю. ГОРБУНОВ. Писательницы России..... №1-12
В. НОВИКОВ. Неизвестный шедевр Турчевича..... № 6
Н. АКИФЬЕВА. Екатеринбург-Свердловск-Екатеринбург..... № 9
В. ТРУСОВ. Основатель Шайтанского завода –Н.Н. Демидов. №12
В. ИЩЕНКО. Найден архив домовой конторы Походяшина.. №12

Далекое–близкое

- И. ПЛИС. Древний обычай участия..... № 2
В. ЭНДЕБЕРЯ, В. ФИННОВА. «За то, что он поп»..... № 3
Л. АЛЯМКИНА. Неслышное эхо войны..... № 6
Ю. ОСТАНИН. Дом Марянки..... № 6
В. МОИСЕЕВ. У Горбатого моста..... № 8
М. ПЕТРОВ «Ледяная» электролиния..... №11
И. ПЛОТНИКОВ. Каким и чьим был план
Октябрьского вооруженного восстания?..... №12

Портреты

- Э. МОЛЧАНОВ. Говорящие головы отца Герасима..... № 1
И. ГЛАДКОВА. Ночной роман по телефону..... № 4
В. ЛЕНДЕНЕВ. Переводчик командора Беринга..... №10
Н. ГАРЕЛЫШЕВА. Целитель Замуравкин..... №10
В. МОИСЕЕВ. Звездная землячка..... №11

Легенды и были

- Ю. ИВАНОВ. Сугомак и Егоза..... № 1
Г. ПАВЛОВ. Курьезные картинки жизни..... № 3
О. ОЖГИБЕСОВА. Оглянись, Березово..... №5,6
И. ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА. Из сундука моей бабушки..... № 7
С. КОРСАК. История историй..... № 7
Л. ПУТИМЦЕВА. Сказка моя – Верхотурье..... № 9
В. ТРУСОВ. Золотые монеты Еремки..... № 9
К. КЛЮКАНОВ. Легенда о Корщуне-Зовуне..... №10
А. КОЗЫРЕВ. «Золотые» истории..... №11

В мире прекрасного

- Т. БЕЛАШ. Эчик Барцев..... № 7

Краеведческая копилка

- Р. КАШИН. Кылусовы на Черемшанке..... № 1
В. ИЩЕНКО. Первый русский марганец..... № 1
А. ЯЛОВЕНКО. Челябинские тайны германских репараций... № 2
Л. ГЛАДЫШЕВА. Серпиевка, Ягуния тож..... № 2

Клуб собирателей

- В. ПУРОНЕН. Белый раджа Саравака..... №2, 3, 4, 8, 9, 11

День Победы

- И. ГЛАДКОВА. Ордена из кованого сундука..... №1, 3, 5

Юбилей

- С. СЕМЕНОВА. «Учитель! Перед именем твоим»..... № 3
М. ТИТОВЕЦ. Платиновый век Качканара..... № 5
И. КУЗНЕЦОВА. Хранитель птиц..... № 8
Е. МАКУШКИНА. Левиха: в поисках «утерянных» шурфов..... №10
И. ПЛОТНИКОВ. Заговор, породивший трагедию..... №11
В. ТРУСОВ. Метенков на Чусовой..... №12
А. ЛЕВЧЕНКО. Строители Байконура..... №12
Е. БИРЮКОВ. По «привету» всему свету..... №12
А. ПИЧУГИН. Два века села Елизаветинского..... №12

Версия

- С. БАННИКОВ. Батый – правда или миф..... №2-3

- Б. ВАЙСБЕРГ. Чтоб не забыли..... № 7
Т. ЛИТВИНЕНКО. Родина шумеров – Урал?..... №10

Возвращение из Леты

- Р. СКОРОБОГАТОВА. Павел Северный: штрихи забытой судьбы... №2
В. ГОЛДИН. Ял-Мал – загадочная страна..... № 9

Музеи

- О. ОЖГИБЕСОВА. Тайна старца Григория..... № 9

Конкурс

- Е. АЛЕКСЕЕВ. Каким быть монументу «Наука»..... № 1

По белу свету

- В. СТРУГАНОВ. Планета Байконур..... № 8

Родословная

- В. ЛЕНДЕНЕВ. Ленденев – Линденау: загадка фамилии..... № 1
Ю. СЕНТЯБРЕВ. Ножовские просветители..... № 2
Н. МЕДВЕДЕВА. По следам музейной фотографии..... № 3
О. ОЖГИБЕСОВА. Таежные отшельники из деревни Лыково..... № 7
В. ДАНИЛОВА. Я – из Азигулова..... №8,9

Писательницы России

- Ю. ГОРБУНОВ. Материалы
для биобиблиографического словаря..... №1-12.

Награды субъектов Ур ФО

- А. МАКУРИН, В. Руденко. Награды Свердловской области..... № 3
А. МАКУРИН. Награды Ямало-Ненецкого автономн. округа.. № 5
А. МАКУРИН. Служить родной земле..... № 7

Заповедные земли

- Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН. Сердце-озеро..... № 4
Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН. Бакальский первожитель..... № 5
Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН. На окраине Катавки..... № 6
Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН. Шуйда – гора из прошлого..... № 8
Ю. СЕНТЯБРЕВ, В. САДЫРИН. Ну, здравствуй, Бакал..... № 9

Память

- В. МИХАЙЛОВ. Памятники Свердловска-Екатеринбурга.... №4, 5, 7, 8
Н. ЧЕЛНОКОВА. Он по сути своей был строителем..... № 5
З. ЦИГАНОВА. Аэрофоторазведчицы..... № 5
А. КОЗЫРЕВ. Под сенью готического креста..... № 5
Г. ШУЛЬМИН. «Помогла винтовочка-то»..... № 5
А. АЛЕКСЕЕВ. Недостреленный..... № 5
В. ЖУРАВЛЕВ. «22 июня ровно в 4 часа»..... № 6

Уральская кладовая

- О. ЩЕТИНИН, Ю. ПЕТРОВ. На Парнук за «стрелами Амура».. № 4

Пушкиниана

- Л. ВСЕВОЛОЖСКАЯ. Тропинка в пушкинское детство..... № 6

Человек и природа

- А. КОЗЫРЕВ. Не с позиции «голой обезьяны»..... № 8
И. КУЗНЕЦОВА. День деревни..... № 9

Мемуары

- В. ФИННОВА. Да поможет мне море..... №10

Страна топонимия

- Р. КАШИН. Волчиха или Волочья?..... №11

По следам публикаций

- В. ТРУСОВ. Мраморские обелиски..... №11

Мир мифов

- С. КОРСАК. Медвежий угол..... №12

СВЕЧА ГОРЕЛА

ПОЭЗИЯ

<u>Время мастера</u>	<u>Молодые имена</u>
Н. ЯГОДИНЦЕВА..... № 3	А. БРЫЛЯКОВА..... № 3
А. РАСТОРГУЕВ..... № 4	Е. ЧЕМЯКИН..... № 4
В. СТАНЦЕВ..... № 5	А. ЛЕЩЁВА..... № 6
В. ДУЛЕПОВ..... № 5	Е. ДУРЕКО..... №12
Ю. КОНЕЦКИЙ..... № 5	
Ю. КАЗАРИН..... № 6	<u>Наши знакомые</u>
Е. ИЗВАРИНА..... № 7	В. ГОВОРКОВ..... № 1
Н. БУЙНОСОВА..... № 8	Е. БАЙДОСОВА..... № 7
А. КЕРДАН..... № 9	В. ОХОТНИКОВА..... № 8
Ю. ГЛУШКОВ..... №10	И. АРГУТИНА..... № 9
Л. СТАСЮК..... №11	О. ЧУДНОВСКАЯ..... №10
	Л. НОВАК..... №11
<u>Новые встречи</u>	<u>Мир детства</u>
А. ГАГАРИН..... №11	А. ПАТОКИН..... №10
А. ВАЛАЕВА..... №12	

ПРОЗА

<u>Время мастера</u>	<u>Молодые имена</u>
Б. ТЕЛКОВ. Имя пришельца	
Истории болезней, колдовства и врачевания..... № 3	
Г. ДРОБИЗ. В лунном сиянии//Ищи сестрицу//	
Слева, где «Компашки»//Глухонемой грабитель..... № 4	
Ю. ЛЕВИН. Повезло мне, повезло..... № 5	
Е. БУНТОВ. Всё будет нормально//Могилищик Федька	
Димкина душа//Неизвестному солдату..... № 5	
Ю. БРИЛЬ. В городе Туаннезия..... № 6	
Е. КАСИМОВ. Прозванный Крестителем..... № 6	
В. БЛИНОВ. Марья Петровна идет за селедочкой..... № 7	
С. РАБИНОВИЧ. Цветы мая..... № 9	
Е. ПИНАЕВ. Пишите письма!..... № 10-12	
<u>Молодые имена</u>	
А. КОШКИН. Сказка Трунеля..... № 1	
Е. ХАЙРУЛИНА. Моя Маша..... №11	
И. САБИРОВА. Гиният..... №12	
<u>Наши знакомые</u>	
В. КАСАТСКИЙ. Пацанва. Снегурок..... № 1	
Н. МЕДВЕДЕВ. Швартовка..... № 1	
А. ЗУБОВ. Катя..... № 1	
Т. ГОГОЛЕВИЧ. Рождество..... № 1	
Н. СМЕРНОВА. Чусовское озеро..... № 10	
<u>Новые встречи</u>	
В. КОСТЮКОВ. Окно в Европу..... № 1	
В. НОВОСАД. Встреча..... № 8	
Б. АРТЕМЬЕВ. Всептичий слет..... № 9	

АЭЛИТА

Законы Вселенной (научная фантастика)

М. МАКОВЕЦКАЯ «Осенний день без рая»..... № 2	Т. ТОМАХ «Ловчий тумана»..... № 4
А. КОЖУХОВ «Вторая попытка»..... № 2	С. ТУМАНОВ «Звёздные корабли»..... № 4
Д. ШОРИН «Две с половиной секунды»..... № 2	Н. РАКИТИНА «Служба безопасности библиотеки»..... № 5
В. КАПУСТИН, Ю. НЕГАНОВ «В лужах отражается солнце»..... № 2	Е. РУСЯЕВ «Джэрилик» № 5
Б. ДОЛИНГО «Загадай желание»..... № 3	Л. АНДРОНОВ «Мозговой штурм»..... № 8
В. ТАРАСЕНКО «Прошлое он-лайн»..... № 3	А. ГОРЕЛИКОВА «Этот город»..... № 9
С. ЩИПАНОВ «Седьмая заповедь»..... № 3	А. ВАРСКИЙ «В мерцании светил»..... № 9
И. ДЗЫГОВБРОДСКИЙ «Исповедник»..... № 5	Л. КИРИН «Земля отцов»..... №10
Е. ЛИФАНТЬЕВА «Корабль мертвецов»..... № 6	Ю. ГРИДИНА «Собака из Первого мира»..... №11
Т. КИГИМ «Робот-кондуктор и сладкая вата»..... № 6	С. ПЕРВАЯ «Вторая жизнь»..... №12
Б. ДОЛИНГО «Тщеславие Ванга»..... № 6	
В. РОГОЖИН «Время, деньги»..... № 7	
С. ТРИЩЕНЕКО «То, что тебя окружает»..... № 7	
М. ЧЕРЕПАНОВ «Невозвращенец»..... № 9	
Л. БОРТНИКОВА «Восстановитель»..... № 9	
Г. ЕСКЕВИЧ «Холмы предрождения»..... № 9	
Т. ТОМАХ «Осознание Ада»..... №10	
А. БЕЛОГЛАЗОВ, А. ШАКИЛОВ «Камбоджа»..... №11	
С. БЕСКАРАВАЙНЫЙ «Цех»..... №11	
С. ВАСИЛЬЕВ «Вершитель судеб»..... №12	

Координаты чудес (ненаучная фантастика)

А СИЛАЕВ «Первый»..... № 2	
М. ГЕЛПРИН «Я, волк»..... № 2	
М. ПОПЕРНЯК, М.РУЖНИКОВА «Дорога»..... № 2	
И. ЖИВЕТЬЕВА «Дверка»..... № 4	

Повод для улыбки (фантастические юмор и сатира)

И. ЧЕРКАШИНА «Индиго»..... № 2	
В. БРУСКОВ «Сломанный кран»..... № 2	
А. ФЕДОТОВ «Финальные строчки»..... № 4	
Н. БОДРОВ «Новичок»..... № 5	
М. БОЧКАРЁВ «Деньги, денежки»..... № 7	
А. ФЕДОТОВ «Охота на шишигу»..... № 7	
В. СУХИХ «Первопечатник»..... № 8	
А. ФЕДОТОВ «Зона Интернет»..... № 9	
И. СИТНИКОВ «Коньяк, маслины, «беломор»..... №10	
Я. ВОЛЬПОВ «Призывники»..... №11	

Сумма технологий (критика и публицистика)

Е. ЛОТОШ «Ошибки и штампы в фантастике»..... №8-12	
--	--

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Фотосоветы бывалого

Е. САВЕНКО. Советы фотографам № 1

Заповедные земли

М. ЖДАНОВ Самая глухая,
самая маленькая, самая чистая Утка № 1
Л. БУКРИН. Оленьи ручьи № 3
Л. БУКРИН. Пещера Колокольная № 3
Л. БУКРИН. Таганай № 3
Я. ВОРОНИНА. Пещера «Дружба» № 4
И. КУЗНЕЦОВА. Сказка Южного Урала № 7
И. КУЗНЕЦОВА. Этно-природный парк «Ивдельский» № 7
М. ПИОНТКОВСКАЯ. Зюраткуль – это состояние души № 8
И. КУЗНЕЦОВА. Ивдель и Вижай № 8
М. БУЛАНОВ. Выстрелы в глухомани № 9
И. ПАШНИНА. Дождь, ветер и «крупный туман» № 9
С. ДВОРНИКОВ, Ю. ЛАРИНА.
Путешествие на Вагильский туман № 10
Е. ТЮНИН. Блюз над рекою, или путешествие
в сердце Пармы № 10

Дети в походе

А. ВРАДИЙ. Неизвестная катастрофа № 1

Путешествие

Л. БУКРИН. Полярный Урал № 1
М. БУЛАНОВ. Коварный Вижай № 4
А. ПОЛЯНСКАЯ. Манящие вершины № 5
С. БОРИЧ. Тальков камень № 6
П. БЕЛОУСОВ. Хроника одного велопробега № 6
В. МИТРОФАНОВ. Тура – не простая река № 7
Р. ТИХОНОВ. Полымтолентур – богатырь народа манси № 7
Л. БУКРИН. Заветная мечта команды «Север» № 12

Уфология

М. ШИШКИН. Контакты третьего рода на Урале № 1

Записки очевидца

М. САМОХВАЛОВА. Новогодняя Коуровка № 2
Е. РУСЯЕВ. По следам неизвестного зверька № 2
В. ЕРМАКОВ. Сладкая ягода № 3
А. ГРАФ. Чертово Городище № 4
Е. РУСЯЕВ. Подснежник № 5
Г. МАКСИМОВ. От Воркуты до Карского моря № 12
Р. ТИХОНО. впирамида – хрустальная гора № 12

В объективе – Урал

Е. САВЕНКО. Лики гор и лесов № 3
Е. САВЕНКО. Лики гор и лесов № 5
В. БАЙДУКОВ. Красота уральских рек № 6

В. БАЙДУКОВ. Истоки реки Чусовой № 9
В. БАЙДУКОВ. Загадки древних рисунков № 11
Е. САВЕНКО. Лики гор и лесов № 11
В. ОСИПОВ. Город № 12

Проекты «Уральского следопыта»

Е. ДУРЕКО. Экстремальный день. Майский экстрим-2007 № 6
Е. ДУРЕКО. Граница Европа – Азия:
от Курганово до 17 километра № 10
Е. ДУРЕКО. Космический знак № 12

Маршруты «УС»

Сплав по реке Вижай (по материалам городского турклуба) № 4
Яманату (по материалам городского турклуба) № 5
Северный Урал (по материалам городского турклуба) № 6
Е. ДУРЕКО. Знакомство со Смоленской № 7
В. БАЙДУКОВ. Сергиевский пещерный град № 7
Е. ДУРЕКО. Путешествие на Шихан № 8

Экспедиция «Уральского следопыта»

А. ПАНИН. Палкинские древности № 10
И. КУЗНЕЦОВА. На Чистоп № 11

Советы специалиста

Налобные фонари специального назначения № 4
Как сварить обод в одном полене № 4
Палатка № 5
Е. ШАРОНОВА. Сон в мешке № 9

От редакции

О. ШАРГУНОВ. «Уральскому следопыту» быть не быть? № 9

Вернисаж

И. ПАШНИНА. Найти отклик в сердце каждого № 11

Экскурсии по Уралу

Е. ДУРЕКО. Знакомство с обитателями «Маевки» № 11

Здравницы Урала

А. АСТАШКИНА. Изумрудное взморье № 11
Е. МИХАЙЛОВА. Санаторий Урал № 12

Экскурсионные маршруты Урала

Н. КИСЕЛЕВА. Молодежный форум № 11

Байки от Геннадьича

Н. ЕРОХИН. Про мамонта № 12

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

А. ДУНЯШИН. Телепроект «Камертон». Эпоха № 12

ЗДОРОВЬЕ

Екатерина МИХАЙЛОВА

В краю пяти целебных озер в окружении стройных берёз на берегу оз. Подборного стоит молодая красавица – здравница «Урал». Несмотря на свою молодость, в этом году ей исполнилось 17 лет, известность санатория перешагнула границы родной Челябинской области. Отдыхать здесь любят и уральцы, и жители нашей огромной России. Как говорит заслуженная артистка РСФСР Наталья Бондарчук – актриса, режиссер, соавтор сценариев к большинству своих фильмов: «Лучший отдых на Урале – в санатории «Урал». Вот и в этом году во второй половине января сотрудники «Урала» ждут в гости Наталью Бондарчук. И, конечно, для всех отдыхающих в это время будут проводиться творческие встречи, на которых каждый сможет задать вопрос, получить автограф, пообщаться в неформальной обстановке с Н. Бондарчук

Сейчас, когда зима вступила в свои права, для тех, кто любит активный отдых, в «Урале» раздолье – каток, лыжня, в парке расчищены тропинки, детская площадка, беседки, красавицы ели окружают ледяной городок. Вся территория освещается, так что можно гулять хоть всю ночь.

Лечиться в санаторий «Урал» едут целыми семьями. И отдохнув один раз, как правило, приезжают снова. И вот лишь несколько тому причин:

- Это безупречная экология, удаленность от промышленных центров и целебная сила хомутининского пятиозерья, где расположилась гастроэнтерологическая здравница, лучшая среди равных в регионе;
- Уникальное сочетание бальнеологических факторов: лечебные грязи + уникальная по своим свойствам минеральная питьевая вода «Уралочка» + озерная рапа;
- Отделение НИИ иммунологии Челябинской государственной медицинской академии. Единственное в России клиническое иммунореабилитационное отделение;
- Акушерско-гинекологическое отделение;
- Отделение профпатологии;
- Отделение долечивания послеоперационных больных;
- Отделение эндокринологическое;
- Умение работников санатория каждого пациента встретить как близкого родного человека;
- Отличная кухня - питание диетическое, сбалансированное по калориям, витаминам и минералам;
- Возможность приехать всей семьей (есть отделение «Мать и дитя»);
- Единый комплекс лечения, питания, проживания, культурного и спортивного досуга;
- При санатории открыто ООО «Уральская клиника», где созданы отличные условия для проведения операций, разработана специальная методика реабилитации послеоперационных больных.

Качество и разнообразие услуг, оказываемых санаторием населению, заслуженно отмечено наградами: 36 дипломов, 10 медалей, в том числе услуги здравницы вошли в 100 лучших по России по итогам Всероссийского конкурса. В 2007 году санаторий «Урал» получил сертификат «Высокая система качества управления», Свидетельство «Лучший налогоплательщик России по итогам 2006 г.» Международного фонда развития «Евразия».

В этом году на традиционном Международном и Всероссийском Форуме «Здравница-2007» санаторий «Урал» стал победителем в номинации «Лучшие технологии в косметологии и эстетической медицине». К его наградам добавилась большая Золотая медаль.

В канун нового года Министерство экономики и труда, Министерство торговли и питания, Законодательное собрание и Общественная Палата правительства Свердловской области вручили «Уралу», соответственно, Диплом, грамоту и Благодарственное письмо. Фонд Регионального развития «Перспектива» присудил санаторию звание «Лучшее предприятие в отрасли» с вручением наградного знака в виде золотой стелы на камне.

Санаторий не стоит на месте. Он постоянно развивается, шагая в ногу со временем. В этом году для отдыхающих открылось несколько лечебных кабинетов: теперь там отпускается процедура ЭЛЕКТРОСОН, там же ведет прием окулист и самое главное и приятное – у нас появилась капсула магнитная, спелеошахта, новые ванны: углекислые и гидромассажные. А нашим дорогим постоянным и потенциальным отдыхающим мы неизменно желаем удачи, улыбок, здоровья и до встречи в санатории «Урал»!

Тел: (35166) 200-22; 200-23; 200-20.
диспетчер – круглосуточно; (351) 278-80-94, 278-80-95
8-922-708-39-43, 8-922-700-66-22,
8-922-700-66-28, 8-908-080-74-12
E-mail: ok@uralsan.ru
Также подробная информация на нашем сайте:
WWW.URALSAN.RU